

Тери Браун

ПОРОЖДЁННАЯ ИЛЛЮЗИЕЙ

У АННЫ ВАН ХАУСЕН ЕСТЬ ТАЙНА. Нью-Йорк, 1920-е годы. Талантлив иллюзионистка Анна вместе со своей матерью, известным медиумом Маргаритой Ван Хаусен, выступает на сцене и участвует в частных спиритических сеансах, чувствуя себя совершенно свободно в тайном мире магов и менталистов. Анне, внебрачной дочери Гарри Гудини — во всяком случае, по словам Маргариты, — всегда с легкостью давались фокусы с наручниками и прочие иллюзии. А вот чтобы скрыть от матери собственную одаренность, требуется настоящее мастерство. Ведь если сила Маргариты вполне может оказаться фальшивкой, Анна действительно способна чувствовать человеческие эмоции и предсказывать будущее. И сила ее растет. Пугающие видения об опасности, грозящей ее матери, вынуждают Анну исследовать дар, который она так долго скрывала. Видения становятся все мрачнее, и способности выходят из-под контроля, заставляя переосмыслить все, что Анна когда-либо знала. Ее мать правда в опасности, или это всего лишь иллюзия? Великий Гудини на самом деле отец Анны? Или это просто очередная мистификация Маргариты? Тери Браун погружает нас в мир магии, романтики и искушений века джаза в Нью-Йорке. Это история о девушке, которая собирается стать хозяйкой собственной судьбы.

Тери Браун

Порожденная иллюзией

Глава 1

Едва я вижу его, выворачивающего из ближайшего проулка, волоски на затылке встают дыбом. Этот тип медленно направляется ко мне, покачивая дубинкой и то и дело приподнимая фуражку в знак приветствия прохожим. Моя спина непроизвольно напрягается, пульс учащается. Страх перед полисменами — такая же неотъемлемая часть меня, как темно-каштановые волосы. И неспроста.

Законы в отношении гадалок становятся все строже, ужесточаются, так что стоит одному недовольному клиенту донести властям — и мы по уши в неприятностях. Нам позволяют проводить магические шоу, потому что они считаются безопасным развлечением. А вот против частных сеансов представители правопорядка возражают, но деньги, которые мы за это получаем, стоят риска.

Офицер кивает мне, и я отвечаю таким же небрежным жестом, медленно отводя взгляд, пока полицейский проходит мимо. Иногда я забываю, насколько респектабельно теперь выгляжу. Мой зеленый костюм в стиле Шанель с пиджаком свободного покроя и плиссированной юбкой до щиколотки не вызывает ни подозрений, ни изумления. В отличие от тех безвкусных тряпок, что я носила раньше, когда с деньгами было туго. Через несколько мгновений я облегченно вздыхаю и замедляю шаг, наслаждаясь царящей вокруг суетой.

Я в Нью-Йорке всего месяц, но уже заметила, что все здесь напускают на себя чрезвычайно занятой вид. Даже маленькие детки в платьицах в цветочек и матросских костюмчиках выглядят измотанными. Деловые девушки с современными стрижками «боб» и в жестких шляпках-клош спешат на работу в свои конторы. А торговцы из газетных киосков выкрикивают заголовки так, словно те могут в любую секунду измениться.

Я останавливаюсь купить газету для мамы. Она поддалась всеобщему повальному увлечению и в последнее время просто одержима кроссвордами. С ручной тележки поблизости доносится аппетитный аромат пирожков с мясом, привлекая мое внимание.

Но прежде, чем я успеваю принять решение, вижу, как ко мне приближается молодой человек. Он, должно быть, тоже только что купил газету, потому что теперь с серьезным видом изучает первую полосу и усердно хмурит брови. Но меня заинтересовало не это, а его походка: уверенная, даже самоуверенная, шаг твердый и выверенный. Я так увлеченно наблюдаю за незнакомцем, что не замечаю, как он идет прямо на меня, пока не становится слишком поздно. В последний момент мне удается отклониться, и наши рукава соприкасаются, когда незнакомец проходит мимо.

— Прошу прощения, — говорит он, не поднимая глаз.

Я краснею. По крайней мере, он не поймал меня за разглядыванием. Да что со мной такое? Так пялиться на незнакомца посреди улицы! В шестнадцать лет, скажете вы, могла бы быть и более опытной. Особенно учитывая, сколько времени я провожу в театральной среде. Но большинство моих знакомых мужчин не годятся для серьезных отношений. Я фыркаю, мысленно представив Швайнгарда Великолепного, Одноглазого Билли и Мальчика-омара Лайонела. «Не годятся для серьезных отношений» — это еще мягко сказано.

От этих мыслей меня отвлекает покалывание в животе. Оно становится все сильнее и постепенно переползает на грудь и ноги. И именно тогда я понимаю.

Это снова происходит.

В общественном месте.

Перед глазами вспыхивают болезненные красные звезды, и мир вокруг меня тускнеет. Чтобы удержаться на ногах, я хватаюсь за фонарный столб, надеясь, что никто на оживленной улице не обратит на это внимания. Сильный запах жженого сахара заполняет ноздри. Как всегда, ужасные видения сопровождаются сладким ароматом кондитерской.

Сердце испуганно колотится в ожидании того, что должно произойти. Видения — это не череда красивых картинок со счастливым концом. Если они приходят ко мне во сне, я могу отмахнуться от них словно от кошмара, даже зная, что это не так. Если же я бодрствую, то вынуждена «наслаждаться» этим мучительным опытом в полной мере.

Я цепляюсь за фонарный столб. Электрические вспышки, словно молнии отдаленного шторма, освещают целые серии снимков. Некоторые из них четкие, другие — окутаны плотным туманом. Я вижу, как бегу по темной улице мимо мелькающих пустых складов. Все очень реально; я слышу свое хриплое дыхание, чувствую липкую кровь, что стекает вниз по моей щеке, вызывая мурашки по всему телу. Следующий образ — лицо моей матери. Ее глаза расширены от страха, а губы плотно сомкнуты — лишь бы не закричать...

— Прошу прощения, мисс. Вы знаете, что у вас из уха торчит монетка?

Слова прорываются сквозь шум в голове, я оборачиваюсь, и темнота отступает. Видение прервано, но я до сих пор ощущаю, как ужас от всего увиденного сводит желудок. С другой стороны, сколько себя помню, страх всегда был неотъемлемой частью моей жизни. Предвидение ведь не единственная «дарованная» мне способность

К горлу подкатывает тошнота. Приходится несколько раз моргнуть, чтобы зрение окончательно прояснилось. Моим спасителем оказывается невысокий полноватый мужчина с усами и в черном котелке. Он терпеливо ждет ответа. Я пару раз сглатываю, и только потом мне удается произнести:

— Простите?

Я покрепче сжимаю ручку корзины, полной продуктов и бакалеи, что я накупила сегодня утром. Осторожность никогда не бывает излишней.

Мимо спешат по своим делам прохожие, едва достаивая нас взглядами. Чтобы привлечь их внимание, требуется нечто особенное. Тем более если речь идет о честолюбивом рабочем классе, что заселяет этот район, сплошь застроенный магазинами и домами из красно-коричневого песчаника.

Сверкнув кривоzubой улыбкой, незнакомец тянется и достает монетку из моего уха. А в нескольких шагах от нас залиvisto хохочет мальчишка в поношенных бриджах и с пачкой листовок в руках.

Я начинаю кое-что понимать, и напряжение в плечах и шее ослабевает. Я всю жизнь провела рядом с зазывалами, и хотя это достаточно пронирыливый народец, в сущности они не представляют никакой угрозы. О чем бы ни было мое видение — оно не имеет отношения к этому толстому коротышке.

— Спасибо! — восклицаю я и беру монетку левой рукой.

Затем демонстративно перебрасываю свою корзину из одной руки в другую и плавно тянусь к голове зазывалы.

— А вы осознаете, что в вашем ухе лук?

Я улыбаюсь мальчугану, рот которого складывается в удивленное «О», когда я вытягиваю из уха коротышки длинный тонкий стебель зеленого лука.

Глаза зазывалы расширяются, и он дарит мне уважительную усмешку. Теперь можно

расслабиться. Обычно фокусников-мужчин возмущает, когда их ремеслом занимаются девушки. Но этот невысокий человек, очевидно, из другого теста.

— Подождите! Есть еще кое-что!

Не желая быть превзойденным, он начинает вытягивать из другого моего уха цветные шарфы. Вокруг нас уже собирается народ, и возбуждение заставляет мое сердце биться чаще. Мама говорит, что я позерка, но я предпочитаю считать себя артисткой. Тем более я уже несколько недель не выступала на улице. Уличная магия не сочетается с блеском нового респектабельного образа, которому мы пытаемся соответствовать.

— Чудесно, — говорю я, хватая шарфы и сминая их в плотный шар, и подмигиваю собравшимся вокруг зевакам. — Я как раз их искала.

Зрители смеются, оценив шутку. Крутанув запястьем, я резко раскрываю ладонь перед лицом коротышки. Раздается несколько вздохов и разрозненные аплодисменты — окружающие поняли, что шарфики исчезли.

— Эй, — добродушно смеется зазывала, — они же мои!

— Мне очень жаль.

Я ставлю корзину на землю у своих ног, чтобы освободить обе руки. Да, теперь я действительно рисуюсь, но выступать перед публикой так здорово! Невозможно устоять.

— Может, вы примете взамен вот это...

Я стряхиваю с левого запястья три серебряных браслета. Их создал бостонский ювелир специально для меня, и без них я никогда не выхожу из дома. Как и без колоды карт и ножа-бабочки, что сейчас лежат в моей сумочке. Какое-то время я ловко жонглирую браслетами, чтобы продемонстрировать всем, что это три отдельных кружочка. Затем ловлю их по очереди одной рукой и сжимаю вместе. Через пару секунд раскрываю ладонь и слышу дружный вздох зрителей — браслеты теперь соединены друг с другом словно звенья цепи.

Коротышка смеется и разводит руками:

— Сдаюсь, вы победили!

Мальчишка проворно шныряет среди разбредающей публики и раздает листовки. Я снова надеваю браслеты и достаю спрятанный в корзине комок шарфиков. Спрашиваю:

— Ничего не потеряли?

Коротышка берет шарфы и засовывает их в карман своих мешковатых брюк.

— Что ж, совсем неплохо... для девчонки.

— Благодарю, — говорю я, пропуская мимо ушей последнее замечание.

Если бы я спорила с каждым фокусником, отпускающим ехидные комментарии по поводу моей принадлежности к женскому полу, то у меня бы совсем не осталось времени для магии. Гораздо лучше — превзойти этих насмешников на сцене, где это действительно имеет значение.

— Завтра мы с моей мамой выступаем в «Ньюмарке».

— Шикарно! Как я понимаю, магическое шоу?

В животе неприятно екает. Хотела бы я, чтобы это было просто магическое шоу.

— Да, в программе есть немного моих фокусов, но в основном я помогаю матери. Она менталист. Если хотите прийти, я могу оставить для вас билеты на кассе. Просто скажите, что вы от Анны Ван Хаусен. — Я киваю в сторону мальчика. — Я оставлю билеты для вас обоих.

— Это было бы великолепно! Меня зовут Эцио Триест.

Зазывала протягивает свою грязную руку, и я твердо ее пожимаю.

— Возможно, вас с матерью заинтересует другое шоу. В воскресенье вечером. Данте! — кричит он мальчишке, который все еще раздает листовки каждому, кто готов их принять. — Дай леди одно из приглашений.

Я с улыбкой принимаю бумагу, затем возвращаю Эцио его монету.

Взглянув вниз, на листовку, читаю заголовок, и окружающий мир тускнеет.

«ПРИЗРАКИ СУЩЕСТВУЮТ?»

ГУДИНИ ГОВОРИТ «НЕТ» И ДОКАЗЫВАЕТ ЭТО!»

— Спасибо, — шепчу и, развернувшись, бреду прочь, с трудом передвигая отяжелевшими ногами.

Звон в ушах заглушает шум проносящихся мимо автомобилей. Через полквартила я сбавляю скорость, комкаю листовку и бросаю ее в канаву. Остановившись, пытаюсь успокоиться. Острый глаз моей матери замечает все, и меньше всего я хочу, чтобы она узнала, что Гудини в городе.

Я пялюсь на бумагу в сточной канаве, закусив губу. Оглядевшись, поднимаю листовку, как могу разглаживаю и, сложив, засовываю на самое дно корзины. Туда, где мать не найдет.

«Ну и что тебя так удивляет?», — думаю по дороге домой. Да, большую часть года он гастролирует, но ведь Нью-Йорк — его родной город. Стоило догадаться, что однажды наши пути пересекутся.

Добравшись до нужного здания, трясую головой, решая больше не думать о Гудини. Во всяком случае, до тех пор, пока моя мать не прослышит о его приезде.

Я глубоко вздыхаю, пытаюсь очистить разум, и окидываю взглядом свой новый дом. Когда-то это была частная резиденция, но недавно ее разделили на две квартиры. Наш новый импресарио любезно нашел нам жилье и все подготовил к нашему приезду. И я все еще жду, когда и чем придется расплачиваться за эту «любезность». Я доверяю агентам настолько же, насколько доверяю законникам. Возможно, даже меньше. От законников хотя бы знаешь, чего ожидать. А вот агенты говорят одно, а делают другое. Все, с кем мы имели дело прежде, либо крали наши деньги, либо использовали контракт, чтобы добраться до бесспорных прелестей моей матери.

Но мне действительно нравится этот дом: песочного цвета, с коваными перилами, сверкающими на солнце, и широким радушным крыльцом. И неважно, что на этой же улице есть еще дюжина точно таких же зданий, это — особенное. Мой первый настоящий дом. Я часто мечтала, как буду жить в таком вместо постоянных путешествий.

И хотя возбуждение от проживания на верхнем этаже этого чудесного старого здания (а не в дрянном отеле) еще не улеглось, вместе с тем я испытываю неприятное чувство, что недостойна всего этого. Дом олицетворяет степенность и респектабельность. А обо мне — подружке карманников и цирковых уродцев — того же не скажешь. Остается надеяться, что теперь, когда у нас наконец появилась первая постоянная работа, я смогу оставить прошлое позади и стать достойной такого дома. Щеки заливают краска стыда, стоит вспомнить представление, которое я только что устроила. Приличные девушки не показывают фокусы посреди улицы. И у них не бывает жутких видений о будущем. Перед глазами проносится кадр с маминым лицом, и желудок сжимается.

Я чувствую острую потребность лично убедиться, что с ней все в порядке. Взлетаю по каменной лестнице, перепрыгивая сразу через две ступеньки, и распахиваю дверь.

— Уф!

По ту сторону двери молодой человек в черном костюме и котелке хватается за руку.

— Прощу прощения! Вы в порядке?

Кажется, его плечи заполняют всю комнату, и он такой высокий, что мне приходится вытянуть шею, дыбы увидеть его лицо. Незнакомец приподнимает брови. Его глаза невероятно темные, почти черные, словно самая сердцевина лакричного леденца. Мое дыхание прерывается, щеки горят. Я узнаю его. Парень с улицы.

К моему удивлению, на его щеках тоже появляется румянец неловкости.

— Это я должен поинтересоваться, в порядке ли вы. Вы бежали так, словно за вами черти гонятся.

Эти странные слова, как и манера, с которой незнакомец их произносит, заставляют меня вскинуть голову. Это точно не акцент. Больше похоже на то, что он смакует родной

язык и старается выговаривать каждое слово от первого до последнего звука.

Я отрицательно мотаю головой:

— Со мной все хорошо, это ведь вас чуть не прихлопнули... — Я заглядываю ему за спину, в пустую переднюю. — Вы искали меня? — И краснею еще больше, если такое вообще возможно. — То есть... вы кого-то ищете?

Незнакомец качает головой. На мгновение задерживает на мне оценивающий взгляд темных глаз, тут же отводит, словно смутившись, но потом снова смотрит на меня.

Я привыкла, что на меня пялятся. Но мужчины в театре поглядывают так, словно что-то обо мне знают. От этого просто мурашки по всему телу. Этот же молодой человек, с его правильной речью и интеллигентной внешностью, смотрит открыто и пристально, отчего кожу приятно покалывает. Смутившись, я отворачиваюсь.

Рядом распахивается дверь, заставляя нас обоих подскочить, и из своей квартиры выглядывает мистер Дарби, наш ворчливый сосед.

— Что за шум?

Он видит меня, и уголки его рта опускаются вниз, но тут он замечает молодого человека, и лицо старика смягчается. Он выходит в переднюю, скрестив руки на груди.

— Мне следовало догадаться, что ты найдешь способ познакомиться с симпатичной юной леди с верхнего этажа. В мое время нельзя было даже заговорить с девушкой, пока вас не представили друг другу должным образом.

Незнакомец сдвигает котелок на затылок, и темный локон падает на лицо. У меня прямо пальцы чешутся вернуть его на место.

— Тогда, пожалуйста, представьте нас, — говорит парень, и я понимаю, насколько он молод на самом деле. Немногим старше меня — может, лет семнадцати или восемнадцати.

Он гладко выбрит и пока не отпустил усы, в отличие от большинства мужчин в наши дни. Мне это нравится. Усатые мужчины всегда выглядят так, будто прячут заячью губу.

Старик хмыкает:

— Мисс Ван Хаусен, Колин Эмерсон Арчер Третий. — Мистер Дарби качает головой будто и сам озадачен таким причудливым именем. — Колин знакомый моего троюродного брата и приехал погостить у меня. Сразу после того, как вы с матерью поселились наверху. Он, без сомнения, шпион, посланный докучливыми родственниками, что волнуются об одиноком старике. Колин, это мисс Ван Хаусен. Она вместе с матерью живет в квартире прямо над нами.

Колин Эмерсон Арчер-третий приподнимает котелок и склоняется в преувеличенно любезном поклоне:

— Мисс Ван Хаусен.

Я наклоняю голову:

— Мистер Арчер.

Он прочищает горло:

— Пожалуйста, зовите меня Коул.

Повисает неловкое молчание. Они ждут, что я тоже назову свое имя, но я молчу. В нашем деле ко всем незнакомцам следует относиться с подозрением.

Мистер Дарби покашливает:

— В следующий раз, мисси, когда пойдете куда-нибудь, могли бы заглянуть и поинтересоваться, не нужно ли мне чего. Чашечка вот этого чая была бы утром очень кстати.

Он кивает на мою корзину, все еще полную, несмотря на столкновение с Колином. Мой

рот непроизвольно открывается. Это действительно тот самый сосед, который последние несколько недель только и делал, что на меня ворчал? Странный старикашка. Из его квартиры днем и ночью доносится чудовищный шум, и я понятия не имею, что это может означать. Сосед продолжает сверлить меня взглядом.

Коул неожиданно начинает смеяться, и этот звук наполняет переднюю, снимая напряжение. Может, Арчер Третий и выглядит как директор английской школы, но смех у него чудесный.

— И вы еще меня упрекали за отсутствие хороших манер! — говорит он мистеру Дарби.

— Я старик, мне все сходит с рук.

— В следующий раз я обязательно захвачу для вас пачку чая, — обещаю я, направляясь к лестнице.

И тут меня осеняет: приличные девушки, вероятно, не должны торчать в передней вместе со странными молодыми людьми. Конечно, благодаря тому, чем я занимаюсь, в моей жизни было достаточно странных мужчин, но новым соседям об этом знать не обязательно.

— Очень приятно было познакомиться, мисс Ван Хаусен. — Коул протягивает руку.

Я сглатываю. Обычно я стараюсь избегать человеческих прикосновений — так проще всего уклоняться от лавины чужих эмоций. И в отличие от видений, этим «подарочком» я действительно могу управлять, хотя иногда — как сейчас, например — столкновение неизбежно.

— Взаимно, — отвечаю своим самым благопристойным тоном.

Стоит нашим пальцам соприкоснуться, и между нами искры вспыхивают с такой силой, что мое сердце пропускает удары. Мы застываем, пока первое потрясение перетекает в легкие электрические импульсы, что проходят между нашими ладонями и щекочут кожу, словно шипучие пузырьки. Я отдергиваю руку.

От удивления глаза Коула расширяются, но он быстро справляется с собой и склоняет голову все в той же чрезмерно учтивой манере.

Мистер Дарби смотрит на нас с недоумением на морщинистом лице.

Я киваю в ответ. Обычно, когда я прикасаюсь к кому-нибудь, то всего лишь получаю некоторое представление о чувствах этого человека, а никак не электрический разряд. Но если Коул может сделать вид, будто ничего не произошло, то и я могу. Все еще дрожа, я поднимаюсь вверх по лестнице в свою квартиру.

Открывая дверь, украдкой бросаю косой взгляд вниз. Коул смотрит на меня; из все еще распахнутой настежь парадной двери льется свет, создавая вокруг него сияющий ореол. Сосед еще раз кивает мне, я вхожу в квартиру под дикий стук собственного сердца и раздраженно прислоняюсь спиной к двери.

Необычное видение, возвращение в город Гарри Гудини и странный парень, поселившийся на первом этаже. И ведь еще даже не полдень. Возможно, жить тихо и достойно — задача посложнее, чем я себе представляла.

Войдя в квартиру, первым делом прислушиваюсь. Где же мама? Воспоминания о видении и ее испуганном лице все еще крутятся в моей голове. Из гостиной доносятся обрывки разговора, и облегчение, которое я испытываю при звуке родного голоса, быстро сменяется раздражением, стоит расслышать французский акцент нашего нового импресарио.

Встряхнувшись, я отправляюсь на кухню, разбираю покупки и вытираю полки. Надеюсь, что такие рутинные бытовые дела со временем станут привычными, ведь я приехала сюда успокоить нервы. Прежде у меня никогда не было собственной кухни, и хотя эта похожа

скорее на камбуз, чем на комнату, она солнечная и яркая. И я люблю ее обыкновенность.

Но, несмотря на то, что мои руки заняты, мысленно я вновь возвращаюсь к нашему новому соседу. Конечно, произошедшее не назовешь нормальным общением с парнем... С другой стороны, что я знаю о нормальном общении с кем бы то ни было?

Но теперь все изменится. Предполагается, что мы с матерью должны войти в светское общество. Добавив себе немного респектабельности, мы сможем расширить круг потенциальных клиентов, включив в него сливки нью-йоркского общества, и как следствие, сможем брать все больше денег за свою работу.

Нахмурившись, я ставлю чайник и чашки на поднос и вместе с ним выхожу в коридор.

— Доброе утро, дорогая, — приветствует мама, когда я вхожу в комнату.

Я не знаю, как будет воспринято мое присутствие, но мама спокойно благодарит меня за чай, и ни в чем не чувствуется вчерашнего напряжения.

Жак встает и забирает у меня поднос. Ставит его на стол и наливает себе чай в мою чашку.

— Доброе утро, Анна. Надеюсь, ты хорошо спала, *oui*?

От его слов веет ледяной вежливостью, и я отвечаю тем же:

— Да, сэръ. Благодарю.

— Пожалуйста, Анна, зови меня Жак.

Я улыбаюсь, но ничего не говорю. Мы с месье Мовэ настороженно кружим друг возле друга уже несколько месяцев, с тех пор, как впервые встретились в Чикаго. Жак творит чудеса для нашей карьеры, но это не значит, что он обязан мне нравиться хоть сколько-нибудь. Как по мне, так это просто еще один агент из длинной череды льстивых мошенников, что мечтают нас обокрасть. Глядя на мать, я вскидываю бровь.

Мама знает, как мне любопытно, что здесь делает французишка, но ничего не говорит. Сигаретный дым окружает ее темноволосую голову словно ореол. Ниспадающие локоны, с которыми я играла когда-то в детстве, остались в прошлом. Мода диктует свои правила, и сегодня женщины стараются стричься как можно короче, хотя и не всем это идет так, как моей матери. Я скучаю по ее длинным волосам. Благодаря им она выглядела более... по-матерински.

— Да, Анна, как спалось? Ты казалась немного взвинченной, когда вчера уходила в свою комнату.

Желудок сжимается от беспокойства. Значит, она не забыла прошлый вечер.

— Я же сказала, что спала прекрасно!

К счастью, в разговор вклинивается Жак:

— Ох, чуть не забыл, зачем пришел. Я хочу вставить еще два номера перед вашим выступлением, чтобы в глазах публики ведущая роль в шоу стала еще значимее. Это добавит вам престижа.

Благодарная агенту за своевременное вмешательство, я устраиваюсь в глубоком мягком кожаном кресле напротив мамы и Жака и мысленно возвращаюсь к нашему спору.

Все началось, когда я спросила маму, почему она не позволяет мне расширить свой магический репертуар, добавив более сложные фокусы. Я стояла в коридоре и наблюдала, как она готовится ко сну, сидя перед туалетным столиком и нанося на лицо холодный крем «Пондс».

Мама поджала губы:

— Потому что это пустое. Вся твоя магия является лишь прелюдией к главному событию — моему выступлению. Ну в самом деле, дорогая, мы ведь это уже обсуждали. Почему мы опять к этому возвращаемся?

«Потому что я хочу, чтобы хоть один раз ты признала, что я очень и очень хороша и мои фокусы — важная часть шоу».

Но признания от нее не дожидаться, так что я решила сменить тактику:

— Если мы расширим мой репертуар, то сможем охватить большую аудиторию, а значит, шоу станет успешнее, и у нас не будет необходимости проводить частные сеансы.

— Твое сопротивление сеансам становится утомительным. Мы с Жаком разработали план, и сеансы являются важной его частью. Честно говоря, не понимаю, почему они так сильно тебя беспокоят.

Может, потому, что я устала от того, что мою мать в любую минуту могут бросить в тюрьму за нарушение закона? Или потому, что у меня в кои-то веки появился настоящий дом, а скандал будет стоять нам регулярных выступлений? А может, потому, что сейчас у меня есть шанс на нормальную жизнь, и я не хочу, чтобы жажда славы моей матери его уничтожила? Я не смела прямо высказать ни одну из этих мыслей, поэтому просто обиженно замолчала. Как всегда.

Мама хлопает в ладоши, возвращая меня в настоящее.

— Добавить еще несколько номеров в самом начале — потрясающая идея! — говорит она.

Да, идея хорошая, но я не собираюсь сообщать об этом Жаку.

— А разве для этого не поздно? — подстрекаю я. — Готовясь к завтрашней премьере, мы целый месяц рекламировали шоу по всему городу. Разве программа не должна была давным-давно устояться?

Я прячу улыбку, видя, как вспыхивает Жак. Его темные глаза выразительны, но не выдают истинных чувств, а черные волосы зачесаны назад и завиваются у воротника элегантного костюма. Жак переехал в США несколько лет назад, желая ускорить продвижение своих французских артистов и зацепиться в процветающей американской индустрии развлечений.

— Не будь такой вредной, дорогая. — Мама отмахивается от меня легким движением руки и переключает внимание на Жака. — Итак, какой номер лучше всего добавить? Хм-м...

Я откидываюсь на спинку кресла и закипаю от злости, наблюдая, как француз потягивает мой чай. Пальцы начинают подрагивать, и я хватаю со стола колоду карт. Перетасовка успокаивает.

— Нам не нужен еще один медиум или менталист, — продолжает мама, не дожидаясь ответа. — Может, фокусник? Или нет, почему бы нам не попробовать что-то совсем иное?

На ней красный халат-кимоно с вышивкой и королевские домашние туфли. Я замечаю, насколько безупречен ее макияж. Мама наверняка знала, что импресарио заглянет этим утром.

Жак одобрительно кивает:

— Блестяще. Я тоже думаю, что фокусник ни к чему. Мы же не хотим, чтобы кто-то составил Анне конкуренцию, хотя я видел не слишком много магов, на это способных.

Мама хмурится, но Жак этого не замечает. Он должен был сказать, мол, не хочет, чтобы кто-то составлял конкуренцию ей. Она ведь «гвоздь программы» и очень ревностно охраняет

этот статус. И судя по морщинам на ее лбу, Жак только что придал моей роли в шоу слишком большое значение, и маму это не устраивает.

— Может, нам стоит пригласить молодого певца? — продолжает агент, по-прежнему не замечая своей бестактности. — А после него могли бы выступить какие-нибудь танцоры. Подарим зрителям немного новых ощущений. Главное не переборщить. Мы же не хотим, чтобы они стали беспокойными.

— У вас есть кто-нибудь на примете? — спрашиваю, пытаюсь отвлечь маму от комментария Жака, хотя в глубине души и удовлетворена тем уважением, что он выказал моему мастерству.

Он решительно кивает. Ну конечно! Меня накрывает волной раздражения. Он умело подводит маму к тому, что это ее идея, хотя сам уже давно все распланировал. Наверняка все было придумано еще несколько недель назад.

— Недавно я подписал контракт с начинающим певцом и знаю танцевальную труппу, которая ищет работу.

— Чудесно.

Мать царственно откидывается на кушетке, ее глаза светятся, когда они с Жаком начинают обсуждать нашу предстоящую премьеру, и недавняя ошибка француза прощена.

Надо отдать маме должное: она проделала долгий путь от маленькой Мэгги Моше из венгерского городка Эгер до мадам Маргариты Эстеллы Ван Хаусен. В течение многих лет судьба то возносила нас на вершину, то сбрасывала вниз, но мама никогда не теряла стальной выдержки. И неважно, где она находилась — в дешевом пансионе на Среднем Западе или в гостиной какого-нибудь богача, — Маргарита Ван Хаусен всегда казалась царственной, загадочной и абсолютно непринужденной.

Я бы восхищалась ею, не будь она моей матерью.

Жак наливает себе еще чая и окидывает нас доброжелательной улыбкой:

— Я сегодня же все подготовлю. Вы с Анной готовы к успеху?

Мама приподнимает уголки губ:

— Конечно, как всегда.

Жак поворачивается ко мне:

— А ты, Анна?

— Анна готова с самого рождения.

Мои губы сжимаются, когда мать говорит за меня. Как будто я сама не в состоянии за себя ответить.

Она вставляет в длинный черный мундштук еще одну сигарету и наклоняется к Жаку, чтобы тот ее зажег. Когда вспыхивает огонь, взгляд матери сосредотачивается на мне.

— Вчера вечером у нас с Анной состоялся интересный разговор.

Я начинаю ерзать, мои шея и плечи напрягаются. Именно меня сейчас накажут за бездумное высказывание Жака.

— В самом деле? — Жак переводит взгляд от меня к маме, словно чувствуя царящее напряжение.

— Да. Похоже, нашей Анне наскучили частные сеансы.

Наскучили? Это слово даже приблизительно не описывает мое отношение к сеансам. Я ненавижу обманом вытягивать деньги из невинных людей, убитых горем. Но стоит мне попытаться объяснить маме свои чувства, сказать о том, что, возможно, мы должны отказаться от сеансов и просто выступить на сцене... и вот, что я получаю взамен.

Жак хмурится, его шелковистые усы опущены вниз.

— Но я думал, мы все согласились с тем, что несколько частных сеансов в месяц только повысят ваш статус. — Он поворачивается ко мне, и его брови сдвигаются еще сильнее. — Выступая с шоу и устраивая сеансы, вы в шаге от того, чтобы сколотить целое состояние.

Мы еще не провели ни одного частного выступления, с тех пор как приехали в Нью-Йорк, и я наслаждалась этой передышкой. Но завтра вечером, после премьеры в театре, должен состояться наш первый сеанс, и от этой мысли у меня внутри все сжимается.

— Я ей сказала то же самое, но дети бывают такими неблагодарными, — говорит мама, глядя на меня.

Я опускаю глаза.

Жак скрещивает свои длинные ноги, и я пристально рассматриваю его полосатые брюки — лишь бы не встретаться с матерью взглядом.

— Возможно, Анна хочет получать больший процент от прибыли?

Я скорее чувствую, чем слышу, как мама гневно шипит. Я вскидываю голову и встречаюсь глазами с Жаком:

— Мама в курсе всего, и будь это так — я бы ей сообщила.

Несколько долгих напряженных мгновений мы сверлим друг друга взглядами.

Пока мама не нарушает тишину:

— Разумеется, сообщила бы. Мы делимся с Анной всем. Кроме того, она отвечает за наши финансы с двенадцати лет. Я доверяю ей безоговорочно.

Неправда. И мы обе это знаем. Не думаю, что моя мать всецело доверяет хоть кому-нибудь.

Жак прокашливается:

— Тогда, может, Анна хочет большего участия в шоу? Это было бы неувидительно, учитывая...

Он приподнимает брови, и я качаю головой, окидывая его свирепым взглядом. Жак хотел сказать: учитывая, кто мой отец. Или, по крайней мере, тот, кого мама называет моим отцом. Но несмотря на желание исполнять более сложные фокусы, я не хочу большей роли в шоу матери. Я хочу... Честно говоря, даже не знаю, чего. Но вряд ли единственный возможный вариант — провести всю жизнь, выполняя старые трюки (а большего мне точно не позволят) и помогая матери на сцене.

Мама улыбается одними губами:

— Да, конечно...

Затем еще раз пожимает хрупкими плечами, отчего у меня начинает сосать под ложечкой.

Быть осторожной рядом с моей матерью — это уже образ жизни, но на сей раз я тем более должна держать ухо востро.

Все следующее утро я стараюсь держаться поближе к матери, несмотря на так и не утихшую злость. Прежде у меня никогда не было видений о собственной жизни — только о чудовищных событиях, происходящих по всему миру. Не знаю, что это значит, но одного воспоминания об испуганном лице мамы достаточно, чтобы изменить свой привычный распорядок и не спускать с нее глаз.

День проходит в приготовлениях. Мама любит принимать ванну и собираться в тишине, поэтому я стараюсь ее не тревожить. К моменту, когда Жак присылает блестящий лимузин «Линкольн», чтобы отвезти нас в театр, мы уже полностью готовы. На маме вечернее расшитое бисером платье в египетском стиле с коротким рукавом, а на мне — прелестная шелковая туника с заниженной талией и длинными широкими рукавами. Они крайне важны для большинства моих фокусов — такой фасон не только скрывает различный реквизит, но и отвлекает внимание. Сегодня вечером наши головы украшают повязки с перьями — мама настояла. Как и на том, чтобы мы подкрасили глаза, что зрительно их увеличит и придаст загадочности.

Я удобно устраиваюсь на чудесном кожаном сиденье автомобиля и на какое-то время забываю о нервных спазмах в животе. Знаю, что буду в порядке, как только окажусь на сцене, но сегодняшнее выступление для нас очень важно.

Первый раз я исполнила роль маминой ассистентки больше по необходимости, чем по какой-то иной причине. У нас просто не было денег, чтобы нанять настоящего помощника. К тому же я много лет наблюдала за второсортными иллюзионистами, и различные фокусы давались мне легко. Очередное доказательство в пользу маминой теории о личности моего отца. Ведь не могло же так случиться, что я просто талантлива. Конечно, нет! Причина всегда кроется в моем происхождении.

Я ерзаю на сиденье и смотрю в окно. Театр «Ньюмарк» находится недалеко от Бродвея, на сорок второй улице. Мое волнение растет, когда мы проезжаем мимо сверкающих рекламных вывесок. Мама тихо сидит рядом, застывшая и неподвижная, словно кошка, затаившаяся перед прыжком.

Точно не знаю, когда я вдруг осознала, что она не похожа на других матерей. Если все время путешествуешь, трудно понять, что является нормальным, а что — нет. Но когда мне было девять, мы застряли в Сиэтле на достаточно долгий срок, чтобы я успела подружиться с Лиззи. И ее мама не проводила вечера, выступая на сцене или ужиная с незнакомцами. Вместо этого она оставалась дома и сама готовила что-нибудь вкусное. А еще она часто обнимала своих детей и смеялась, громко и искренне.

Моя же мать, с ее изменчивым настроением и острым языком, внушала мне ужас — да и сейчас внушает.

Лимузин останавливается, и я пропускаю маму вперед, прежде чем последовать за ней. Она плывет к театру, не обращая внимания на очередь жаждущих купить билеты. Не могу поверить, что все эти люди собрались здесь, чтобы увидеть нас! Должна признать, Жак отлично справился со своими обязанностями агента.

Кирпичное здание театра — большое и степенное, с белыми колоннами по бокам от главного входа, над которым горят огнями гигантские буквы:

«МАДАМ ВАН ХАУСЕН — ВЫДАЮЩИЙСЯ МЕНТАЛИСТ И МЕДИУМ».

Моего имени, естественно, нет.

Я не обладаю маминой выдержкой, так что не могу удержаться и не поглазеть на толпу, и внутри меня растет волнение. Я смотрю на парочки в очереди: они держатся за руки, болтают, смеются и курят. Мужчины в черных фраках кажутся мрачными, почти зловещими, по сравнению со своими спутницами — яркими модницами в дерзких коротких полушубках и шифоновых и шелковых платьях с бахромой.

Как правило, внешняя красно-бархатная роскошь театра не распространяется за кулисы и в гримерки. Там, как известно, тесно и уныло. Поэтому я приятно удивлена простором комнаты, в которую Жак приводит нас перед генеральной репетицией. Один из служащих театра приносит мне корзину с записками. На каждом листке — по вопросу от зрителей, что уже сидят в зале. Я смотрю на маму, ожидая ее решения.

Она скидывает свою меховую пелерину на бархатный диванчик.

— Пусть сегодня будет восемь. Это ведь наша премьера.

Я киваю и быстро перебираю записки, отмечая красным крестиком те вопросы, на которые маме будет проще всего ответить. Позже, во время шоу, она выберет несколько листочков «наугад» и удивит зрителей своей «восприимчивостью». Трюк настолько прост — даже не верится, что люди на это ведутся. Но, как всегда говорит моя мать, публика верит в то, во что ей хочется верить.

Пока я занимаюсь делом, мама проверяет свой макияж. Она всегда молчалива перед выступлением. Во мне же все звенит от предвкушения, но я стараюсь этого не показывать. Я никогда не говорила матери, как сильно люблю творить иллюзии, даже если это старые заезженные фокусы. Эту тайну я храню глубоко в душе, опасаясь, что, если она будет раскрыта, меня лишат любимого занятия. Иногда я притворяюсь, будто я — звезда собственного шоу. Что люди в зале с нетерпением ждут только моего появления. Подобные мысли заставляют меня трепетать, но и задаваться вопросом: как же это сочетается с тихой и спокойной жизнью, о которой я тоже так давно мечтаю? Я вздыхаю. Иногда я сама не знаю, чего хочу.

В дверь стучат, и я отвечаю: «Войдите». Это еще один служащий театра с гигантским букетом красных роз для моей матери и маленьким букетиком белых — для меня. Цветы от Жака, что заметно охлаждает мой пыл.

Следующий стук в дверь возвещает о том, что пора на выход. Мама прекращает суесться над букетом и с обезоруживающей улыбкой поворачивается ко мне.

— Мы готовы? — спрашивает.

Она всегда задает этот вопрос.

Я тоже улыбаюсь и отвечаю:

— Насколько это вообще возможно.

Неважно, находимся мы в дешевом уродливом отеле безымянного городишки или в изысканном театре — выступления всегда начинаются одинаково.

— Удивим их?

— Как всегда.

Мама протягивает руку и сжимает мою ладонь, и мы вместе следуем за сопровождающим по узкому коридору к сцене. Я быстро оглядываю погруженную во мрак площадку, убеждаясь, что наш реквизит на месте. Все уже проверяли рабочие сцены и Жак, но я люблю перепроверять дважды, трижды, а то и четырежды.

Какое-то время мы ждем, затаив дыхание; каждое мгновение кажется вечностью, и

возбуждение разрывает мою грудь на части. Когда красный занавес начинает подниматься, мама отпускает мою руку и выходит вперед.

Не заблуждайтесь: на этой сцене есть место только для одной звезды.

Я вижу лишь материнский силуэт в свете рампы, пока красный занавес тихо поднимается в темноту. Ослепительный прожектор выглядит как солнце на горизонте, и хотя я не вижу людей в зале — их присутствие выдает запах духов и дорогих сигар, а также чрезмерно вежливые, сдержанные аплодисменты.

Ничего страшного. К концу вечера эти люди станут преданными поклонниками моей матери. В отличие от других медиумов и менталистов, она разбавляет свое выступление озорными шутками, что застает зрителя врасплох. В то время как кто-то полагается на мрачность, драму и обман, мадам Ван Хаусен подмигивает и спрашивает: «Нет, ну вы можете в это поверить?» Публика это обожает.

— Спасибо, большое спасибо, дамы и господа!

Хотя голос мамы разносится по всему залу, он по-прежнему звучит нежно и женственно. Она стоит на месте, пока глаза не привыкают к свету софитов, а потом скользит вперед, чтобы зрители лучше ее видели. Ее темная, изысканная красота раскрывается перед ними как цветок.

— Надеюсь, вам понравится сегодняшнее шоу, но еще больше я надеюсь на то, что вы узнаете что-нибудь о мире духов. Он может быть мрачным и опасным.

Мама делает паузу, чтобы зрители переварили услышанное, а затем шаловливо улыбается и морщит носик. Я практически слышу, как публика расслабляется. И звезда шоу продолжает:

— Я одарена способностью читать мысли и предсказывать будущее, в чем кое-кто из вас сможет убедиться лично.

Она снова замолкает и слегка покачивается, словно потеряв равновесие. Мой выход. Я мчусь из темноты, чтобы поддержать маму. Она гладит меня по плечу и улыбается зрителям дрожащими губами.

— Мне очень жаль. Просто меня охватило всепоглощающее чувство, что кто-то из присутствующих совсем скоро присоединится к миру духов.

Кто-то вскрикивает и вылетает из зала. Подсадной актер.

Мама ждет, пока стихают отголоски грохота захлопнувшейся двери.

— Если кто-то еще чувствует себя неудобно — он тоже может уйти.

Она сжимает ладони вместе и опускает очи долу — ну прямо Пресвятая Дева в печали.

Никто не двигается с места. За многие годы наших выступлений никто ни разу не ушел.

Мама поворачивается ко мне:

— Это моя дочь и помощница, Анна. Она собирается немного развлечь вас магией, пока мы ждем, что духи откликнутся на мое присутствие.

Хоть она и называет меня своей помощницей, в этой части шоу скорее мама помогает мне, чем наоборот, что вызывает неудобства и раздражает нас обеих, хоть мы никогда и не говорим об этом вслух. Она ненавидит, когда я в центре внимания, а я терпеть не могу хоть в чем-то зависеть от матери. Уж слишком рано я узнала, что она не относится к категории самых благонадежных людей.

Я начинаю с легких фокусов: заставляю недовольных голубей исчезать из клетки и появляться в разных местах, разрезаю веревку и вновь делаю ее целой, достаю шарф из клубка пламени. Мама умело рассеивает внимание зрителей, чтобы моя «ловкость рук» не

бросалась в глаза.

Мы общаемся жестами и взглядами. Подмигивание — значит так держать. Покручивание запястьем — пропуская следующий фокус и двигаюсь дальше.

Публика охает и ахает в нужных местах, и как только я разогреваюсь, мои движения становятся еще эффектнее. Увлеченные зрители — это лучшая часть шоу, моя любимая. Я ненавижу, когда люди называют фокусы обманом. Обман — это то, чем занимается моя мать. А то, что делаю я, — развлечение.

Когда я на сцене, мои чувства в состоянии повышенной боевой готовности, а в голове крутится миллион подробностей: мое положение относительно зрителей, движения мамы, даже совокупное настроение людей в первом ряду.

Сегодня выступление проходит отлично. Во мне все кипит от возбуждения. Никогда еще зрители не были настолько отзывчивыми, а огни ramпы — такими яркими. Когда я наконец останавливаюсь, то тяжело дышу, а сердце колотится как бешеное. Как только мама встает рядом и легонько улыбается, нас накрывает волной оглушительных аплодисментов.

— Как видите, моя дочь — очень необычная девочка.

Зрительный зал растворяется, когда до меня доходит: мама в ярости. Это можно понять по ее натянутой улыбке и напряженной, неестественно прямой спине. В чем дело? Она злится, потому что я хорошо делаю свою работу?

— А еще она читает мысли так же легко, как я читаю мысли, — продолжает мама. — Прямо сейчас мы завяжем Анне глаза и выберем кого-нибудь из зрителей, чтобы он спрятал иголку. Всего лишь прикоснувшись к руке человека, моя дочь способна найти спрятанное!

Рабочий сцены приносит повязку для глаз, и мама, выражая свое недовольство, затягивает ее гораздо туже, чем требуется.

Я слышу шепот, когда доброволец прячет иголку.

Моя мать всегда проявляет чувство юмора при выборе «прячущего». Порой им оказывается красивый молодой человек, который заставляет меня краснеть, а в следующий раз — тучный краснолицый господин с неприятным запахом изо рта. Десять к одному, что сегодня меня ждет «зловонное дыхание».

Мы начали показывать этот фокус в прошлом году, увидев его в программе соперника. Мама старалась — очень старалась! — но ей так и не удалось выполнить трюк, и это доставляет мне детское удовлетворение, ведь я-то справляюсь с ним раз за разом. Номер называется «чтение мышц» и заключается в том, что выбранный зритель ведет вас по залу, а вы должны почувствовать, где спрятана иголка, по напряжению в руке ведущего. Моя мать, какой бы искусной она ни была, кажется, просто не в состоянии уловить знаки.

В то время как я показываю этот фокус без единой осечки. Правда, мама не знает, почему.

Она помогает мне спуститься со сцены и кладет мою ладонь на чью-то руку. Я сжимаю ее, позволяя всем звукам и запахам отойти на второй план, и пытаюсь «соединиться» с человеком рядом со мной. Мысленно представляю серебряную нить, что тянется от меня к соседу...

Многие годы я считала, что все испытывают то же самое, когда прикасаются друг к другу — что все вокруг общаются на более глубоком уровне, чем просто слова или действия. Я думала: вот почему при встрече люди обмениваются рукопожатием. Но что-то не складывалось. Почему тогда мама не могла понять, что импресарио собирается удрать с нашими денежками? Или что милая женщина из пансиона на самом деле собирает

информацию для шерифа? Для меня все это казалось таким очевидным... И только потом я осознала, что ни мама, ни кто-либо другой не чувствуют того же, что я. И к тому времени я уже знала достаточно, чтобы держать рот на замке. Моя амбициозная мамочка с удовольствием бы вставила в программу цирковой номер с моим участием, если бы это способствовало ее карьере. А может, в приступе зависти вообще выкинула бы меня из шоу. Кто знает.

Как правило, первые эмоции, которые исходят от зрителя-добровольца, всегда одинаковы: волнение, оттого что его выбрали, и сомнение в том, что я действительно справлюсь с задачей. Этот мужчина — а, судя по руке, это именно мужчина — другой. Его мучает жгучее любопытство по поводу меня. Я ощущаю плохо скрываемое нетерпение. Еще от него исходит низкий гул подавляемой энергии, как если бы он был плотиной, которую вот-вот прорвет. Я никогда не чувствовала ничего подобного. Озадаченная, я позволяю незнакомцу провести меня по залу, пытаюсь «прощупать» другие его эмоции. Обычно, стоит нам оказаться рядом с иголкой, проводник начинает нервничать, но сегодня этого не случится. Он кажется спокойным и терпеливым. Но я чувствую и еще кое-что... Эмоцию, которой никак не могу подобрать название... Меня охватывает паника, сердце начинает биться быстрее. Все это слишком затянулось! Мне что, бродить по роскошному театральному залу, пока публика не поймет, что я потерпела неудачу?

Я пробую снова и снова; пальцы сжимаются на руке проводника, над верхней губой выступают капельки пота. И вдруг на меня находит озарение: все становится так четко и ясно, будто незнакомец сам прошептал мне эти слова.

— Хитрец! — говорю я так, чтобы услышал каждый. — Джентльмен спрятал две иголки! Одна — там. — Я примерно указываю куда-то в центр зала. — А вторая в кармане. Ту, что в кармане, я и искала, а другая — просто приманка!

Смеясь, я срываю повязку с глаз.

И упираюсь взглядом прямо в красивое лицо Колина Арчера.

Какое-то мгновение он изучает меня, а затем склоняет голову и касается моей руки формальным поцелуем.

— Что ж, отлично сработано, мисс Ван Хаусен, — говорит низким голосом. — Действительно впечатляет. Вы выдержали это испытание с честью.

Его слова настолько поражают меня, что я молчу всю обратную дорогу к сцене, пока зрители бурно аплодируют. Испытание? «А мама знала об этом испытании?» — думаю, присоединяясь к ней на сцене. И в чем это испытание вообще заключалось?

Я безучастно приседаю в реверансе перед взволнованной толпой. У меня нет времени обдумывать слова Колина — пришла пора следующей части шоу, в которой моя мать будет удивлять и внушать трепет.

Я выношу ей корзину с записками из зала и снова сливаюсь со стенкой, пока мама отвечает на заранее отмеченные вопросы. Потом приглушается свет, и она вызывает зрителей и якобы читает их мысли. Все эти люди тоже выбраны еще до выступления. Один из служащих пообщался с ними, как только они пришли в театр, а потом передал информацию моей матери. Жак тоже внес свой вклад. Он ведь знает всех и вся в нью-йоркском обществе и рассылал индивидуальные приглашения на премьеру. А потом, как только видел среди толпы знакомое лицо, тут же скармливал нам пикантные сплетни об этом человеке — и вот теперь они стали частью шоу.

Я прячу улыбку, когда неподражаемая мадам Ван Хаусен делится новыми откровениями

с дородной дамой в тюрбане, сверкающем стразами при каждом движении. Публика задыхается от потрясения и восхищения способностями моей матери.

Вот только она на самом деле не является ни менталистом, ни медиумом, ни даже фокусником. Мама — всего лишь актриса и умеет заставить людей верить в то, во что ей хочется.

И когда шоу окончено, мы кланяемся под гром аплодисментов, и у нас появляется еще несколько сотен «верующих».

Шоу закончено, и вечер превращается в череду незапоминающихся поздравлений, наилучших пожеланий и интервью. Я встречаю все вопросы газетчиков заранее отрепетированными ответами:

— Да, конечно, я люблю выступать вместе с мамой.

— Нет, я не считаю, что у меня не было нормального детства. Я обожаю путешествовать!

— Мне всегда нравились фокусы, так что казалось естественным добавить их в мамино представление...

А потом мы с мамой позируем для фотографий. Щелчок, вспышка, пф-ф.

К тому моменту, когда мы наконец возвращаемся домой, я без сил.

— Сделай кофе, — раздражается мама после моего третьего зевка. Газетчиков уже нет рядом, и все ее очарование испарилось. Она щелкает выключателем, и комнату заливают электрический свет. — От тебя полусонной никакого проку.

Ну конечно, как же иначе. Подходит время грандиозного финала сегодняшнего вечера — «кристально честного» спиритического сеанса для самых искушенных богатеев Нью-Йорка.

Интересно, что она сделает, если я откажусь участвовать?

Поразмыслив, прихожу к выводу, что не хочу это выяснять. У матери отвратительный характер, и хотя она никогда не била меня, я видела, как она сбивает с ног взрослых мужчин одним легким точно направленным ударом.

До прибытия «гостей», ожидаемых в полночь, остается около часа. Я делаю кофе и наполняю чашку для матери, чтобы потом отнести к ней в комнату, где мадам Ван Хаусен будет готовиться к следующему «акту». Для сеансов она, как правило, переодевается во что-нибудь более таинственное. Я же могу надевать все, что угодно.

Мама выходит в коридор, замирает и оборачивается, в замешательстве хмуря лоб:

— Откуда ты узнала про две иголки?

Рука дергается, и я проливаю кофе мимо чашки. С грохотом ставлю кофейник на стол и хватаю тряпку, чтобы вытереть лужу. Значит, мама не знает... Я начинаю лепетать, стараясь не встречаться с ней взглядом:

— Что ты имеешь в виду? Так же, как и всегда. Это совсем не сложно. И с тем парнем было очень легко...

— Хм, — вот и весь ответ.

Тишина.

А затем мама удаляется по коридору, размеренно стуча каблуками.

Я делаю глубокий вдох. Не нужно быть экстрасенсом, чтобы понять — разговор не окончен.

Весь следующий час мать не выходит из своей комнаты, дав мне шанс настроиться в одиночестве и достаточно времени, чтобы подумать о Колине Арчере. Мама знает, что он живет прямо под нами? По какой еще причине она могла выбрать его из нескольких сотен зрителей? Я не верю в совпадения, но с другой стороны — она, кажется, действительно не догадывалась о двух иголках.

Когда раздается первый стук в дверь, я уже бодра и готова, как никогда. Несколько

гостей входят в нашу гостиную, и по моей спине ползут мурашки. Слишком много плохих воспоминаний связано с этими сеансами — я никогда не смогу воспринимать их как должное.

Однажды нас взяли с поличным после такого вот сеанса. Маму бросили в тюрьму, а меня из самых лучших побуждений закутала потеплее и забрала к себе домой одна горожанка. Мне было только семь, но она никак не могла заставить меня оторваться от ее переднего окна. Я даже спала рядом с ним, в кресле, прижавшись к стеклу щекой. Думаю, в глубине души я безумно боялась, что мама просто бросила меня и уехала. А три дня спустя со мной случилась первая и единственная в жизни истерика, когда я увидела, как мама идет по аллее с нашими чемоданами в руках.

С тех пор я постоянно по привычке оцениваю наших гостей, а в голове стучит единственный жизненно важный вопрос: не опасны ли они для нас?

Я украдкой оглядываю комнату и представителей высшего света, собравшихся здесь, чтобы насладиться уникальными талантами моей матери.

Скусающий господин и повисшая на его руке словно модный аксессуар маленькая блондинка, усыпанная драгоценностями... Мужчина выглядит как важная шишка и явно за всю жизнь палец о палец не ударил, так что, вероятно, не побежит жаловаться властям, даже если посчитает, что на то есть причины.

Пышногрудая дама в пенсне, что так и норовит соскользнуть с ее носа, кажется слишком добродушной, чтобы сдать нас.

Жак тоже маячит где-то на заднем плане, но я все еще озадачена таким скудным числом участников. Да, мы хотели добиться «эксклюзивности» наших сеансов, но ради трех человек вряд ли стоило что-то затевать. Словно в ответ на эти мысли раздается стук в дверь, и мама знаком требует, чтобы я открыла.

Колин Арчер.

Я потрясенно глазею на него, застыв в проеме и лишившись дара речи. Что задумала моя мать?

— Мисс Ван Хаусен.

Он тихо здоровается, и непонятно почему дрожь пробегает по моей спине. Кто этот парень? Почему мы все время сталкиваемся? Он полицейский? Ко мне наконец возвращается дар речи:

— Вы здесь для...

— Сеанса. Да.

А я-то надеялась, что он пришел занять что-нибудь по-соседски. Пульс ускоряется, но я всего лишь киваю новому гостю:

— Пожалуйста, входите.

Я веду его по коридору в гостиную, где все остальные общаются. На мамином лице на мгновение появляется замешательство, но тут вперед выходит Жак и протягивает руку:

— Мистер Арчер. Спасибо, что присоединились к нам сегодня.

Я со стороны наблюдаю, как он знакомит Колина с мамой. Выходит, она не знала, что он придет.

Но Жак знал. Он шепчет что-то маме на ухо, ее брови взлетают, и она чуть заметно улыбается и кивает. Что они задумали?

Выполняя свои обязанности хозяйки, осторожно наблюдаю за Коулом. Его быстрый и внимательный взгляд изучает всех и вся. Значит, наш сосед такой же подозрительный, как и

я. Вот только вряд ли он полицейский, для этого у него слишком неподходящая обувь: блестящие туфли на плоской подошве, которые будто бы малы своему владельцу. Полицейские носят удобную обувь и всегда ходят так, словно у них больные ноги. Да к тому же Коул слишком молод. И красив. Но если он не полицейский, то зачем сюда пришел?

— Анна, — зовет мама, — пожалуйста, зажги свечи.

Пока я зорко слежу за нашими гостями, она вертит в руках карты таро — длинными пальцами тасует колоду и ждет, когда клиенты расскажут ей о своих пожеланиях. Мама трижды стучит колодой по столу и бросает на меня вопросительный взгляд.

Я заправляю волосы за правое ухо, подавая сигнал, что наш «кабинетный призрак» готов, если он есть в сценарии сегодняшнего вечера. Каждый сеанс проходит по-разному, в зависимости от желаний и потребностей клиентов, и моя задача — быть готовой ко всем возможным вариантам. А если вспомнить, что я не доверяю нашему новому соседу, остается только молиться, чтобы мама не пожелала использовать этот трюк.

Мерцающие огоньки свечей превращают нашу чудесную теплую гостиную в мрачную, наполненную длинными призрачными силуэтами. Когда мы только въехали, квартира была полностью меблирована, но мы все переставили, чтобы как можно больше теней скользило по комнате, опускаясь на наших гостей.

Я замечаю пару любопытных взглядов, брошенных в мою сторону, и краснею от смущения. Мама, должно быть, «случайно» вскользь упомянула о личности моего предполагаемого отца. И в очередной раз для окружающих я всего лишь незаконнорожденная дочь знаменитости. Я пошире открываю глаза и в упор смотрю на блондинку, сосредотачивая в этом взгляде все свои презрение и гнев. К моему удивлению, вместо того, чтобы сконфуженно отвернуться, она лукаво подмигивает.

Коул откашливается, и я поворачиваюсь к нему. Он тоже на меня смотрит, но вместо восторга по поводу возможного скандала, его глаза светятся сдержанным любопытством. До мистера Арчера слухи, видимо, не дошли. Плевать. На сегодняшний вечер моя задача — слиться с фоном, так что я старательно очищаю пепельницы, подаю закуски и наполняю бокалы контрабандным джином, который моя мать обычно держит под замком вместе с остальными столь же запрещенными спиртными напитками.

Пока я занята всей этой рутинной, желудок болезненно сжимается в ожидании неизбежного: момента, когда мама своими умелыми расспросами вытащит на свет божий чужие истории. Всякий раз, прикасаясь к этим людям — что случается довольно часто, — я чувствую их боль и воспринимаю их потери так же остро, как свои собственные. И это одна из множества опасностей моей работы.

Присутствие Коула лишь усугубляет мое обычное волнение. Я ловлю на себе его взгляд каждый раз, как поворачиваюсь, но Коул делает вид, что смотрит на что-то за моим плечом.

Пока мама о чем-то тихо разговаривает с пожилой дамой в одном углу комнаты, в другом — Жак, Коул и светская парочка, Джек и Синтия Гейлорды, обсуждают спиритизм.

— Люди, на самом деле умеющие общаться с мертвыми, по-моему, просто восхитительны! Только представьте, сколько всего мы можем узнать! — серьезно утверждает миссис Гейлорд. Она смотрит на мужа в поисках поддержки, но тот равнодушно пялится в свой бокал.

— Что, например? — насмешливо уточняет Коул, и я едва сдерживаю улыбку.

Мгновение миссис Гейлорд выглядит озадаченной.

— Ну... всякие вещи. Прямо сейчас проводятся кое-какие очень важные исследования.

Одна организация в Лондоне занимается инновационными научными разработками в области психических явлений. Ходят слухи, что у них даже есть секретная лаборатория, где они тестируют настоящих экстрасенсов и менталистов. Это все очень засекречено. — Она поворачивается ко мне. — Странно, что вы не слышали об этом. Они называют себя «Общество психических исследований».

Коул рядом со мной вздрагивает, и его напиток выплескивается из бокала прямо на пол. — Мне очень жаль. Это все моя неуклюжесть.

Пораженная его реакцией, я спешу на кухню за тряпкой, а когда возвращаюсь, вижу, что все уже присоединились к моей матери за столом. И только Коул по-прежнему стоит на том же месте и выглядит напряженным и несчастным.

— Мне правда очень жаль, — говорит он. — На самом деле я немного растяпа.

— Никогда бы не догадалась, — отвечаю, не задумываясь. — Вы двигаетесь как спортсмен.

И краснею. Теперь он знает, что я за ним наблюдала.

— О. Ну да. В самом деле, — мямлит он бессмысленно.

Великолепно. Теперь я смутила нас обоих.

Я встаю и ослепительно улыбаюсь:

— Мы должны присоединиться к остальным.

Коул кивает и уходит, и я, бросив тряпку на ближайший стол, следую за ним.

— Мне просто нужно знать, действительно ли вы можете поговорить с моим дорогим сыном, Уолтером. — Женщина в пенсне вздыхает. — Знаете, он ведь погиб на войне.

Моя мать прекращает тасовать карты и накрывает своими изящными ладонями полные руки клиентки.

— Я сожалею о вашей утрате, миссис Кармайкл. Сколько лет было Уолтеру, когда он совершил переход?

Коул фыркает:

— Почему бы вам не спросить самого Уолтера?

Это настолько не соответствует его образу, что у меня вырывается удивленный смешок. Я пытаюсь замаскировать его кашлем и вижу, как Коул борется с улыбкой, подрагивающей в уголках его рта.

Мама застывает, а потом расслабляет плечи:

— До молодых всегда труднее добраться. Мне нужно знать возраст до того, как мы начнем.

Коул вновь погружается в молчание. Редкий мужчина может устоять перед улыбкой моей матери.

— Ему было восемнадцать, — тихо отвечает миссис Кармайкл.

Я чувствую, как в груди что-то сжимается. Немногим старше меня.

— Бог ты мой...

— Да. — Лицо пожилой леди горестно сморщивается, и у меня перехватывает дыхание от ее страданий. — Он умер от дизентерии вскоре после того, как прибыл в Европу.

— Я сделаю все возможное, — обещает мама.

Затем поворачивается к Гейлордам. Мистер Гейлорд достает из кармана своего жилета портсигар и закуривает. Его молодая жена нетерпеливо и взволнованно подается вперед.

— А что вы хотите получить от сегодняшнего сеанса? — спрашивает мама.

— О, я не знаю! — Блондинка передергивает модно костлявыми плечиками. — Просто

мне всегда было интересно... Я устала от своего предыдущего медиума. И когда сказала старине Джеку о вас, ну... и вот мы здесь!

Она хихикает, и я чувствую волну презрения, исходящую от моей матери. Синтия Гейлорд — любитель, дилетант. Ей, вероятно, настолько же скучно в браке, насколько ее мужу скучно жить. И она постоянно ищет, чем бы заполнить эту пустоту.

Но такие вот Синтии Гейлорд по всему миру являются лучшими мамиными клиентами.

— Да, хорошо... и вот вы здесь.

Я единственная, кто слышит в словах мамы насмешку.

Коул бросает острые взгляды, внимательно наблюдая за всеми. Я хмурюсь, моя спина деревенеет. Зачем он здесь?

Покашливаю, чтобы привлечь внимание мамы, и чешу нос, глядя на нашего соседа. Сигнал, что рядом, возможно, есть скептик, желающий нас обличить. Мадам Ван Хаусен сигнал игнорирует. Она уже выбрала своей целью убитую горем мать, и сейчас ее ничто не остановит. У миссис Кармайл есть деньги и скорбь — и эти две вещи делают ее идеальной жертвой. Другие три клиента лишние. Светская парочка, может, придет еще раз и приведет друзей ради забавы, но эта пожилая леди будет возвращаться снова и снова с широко распахнутым кошельком — уж моя мама об этом позаботится.

Я заканчиваю зажигать свечи и жду дальнейших указаний.

— Дорогая, принеси мне спиритическую доску.

Я немного расслабляюсь. Хорошо. Возможно, сегодня она не будет использовать «кабинетного призрака». Да, это наш самый впечатляющий номер, но в то же время и самый опасный, так как кто-нибудь может знать секрет исполнения и легко нас разоблачит, обнаружив скрытое помещение. А спиритическая доска в то же время довольно проста. Мама настолько искусна, что никто никогда не догадается, что именно она умело передвигает медиатор.

Джек Гейлорд наконец выныривает из своего безразличия:

— И за это мы заплатили немалые деньги? Салонные игры? Что за трюки вы затеяли, мадам Ван Хаусен?

Мама выпрямляет спину и бросает на него яростный взгляд:

— Если хотите сами вести сеанс, мистер Гейлорд, прошу, вам и карты в руки. Я часто начинаю с доски, чтобы заманить духов. Они нерешительны, особенно среди скептиков.

Ее трагический тон сменяется властным, достойным королевы. Моя мать — хозяйка тысячи голосов, и она использует каждый из них с ловкостью мясника, орудующего ножом.

На мгновение повисает тишина, а потом миссис Гейлорд раздраженно ворчит в сторону мужа:

— О, Джек, в самом деле. Просто позволь ей делать свое дело. Ты портишь мне все удовольствие.

Он кривит губы и машет рукой, и я, незаметно закатив глаза, достаю спиритическую доску, которую мать привезла из Лондона. Тиковое дерево блестит в сиянии свечей, костяной медиатор на ощупь твердый и гладкий. Он слегка гудит под моими пальцами, чего никогда не делает, если его касается мама. Я точно знаю, потому что однажды, когда была маленькая, спросила у нее, что заставляет указатель вибрировать. Ее замешательство отдалось болью в моем животе, и я помню, как притворилась, что пошутила. Больше я никогда не задавала этот вопрос.

С едва заметной гримасой я кладу доску на стол. Хотя мама часто просит меня

поучаствовать в игре, я все время отказываюсь.

Я выхожу в коридор и выключаю последние светильники, в который раз восхищаясь тем, что мы живем в доме с электричеством. Пусть даже благодаря любезности нашего льстивого импресарио.

— Для начала возьмемся за руки.

— Разве ваша дочь к нам не присоединится? — глядя на меня, спрашивает Коул.

— Нет. Она должна присматривать за мной, когда я открываю себя для духов.

Уголки его губ чуть приподнимаются, и от его пронизательного взгляда меня бросает в дрожь. Почему у меня возникает ощущение, что Коул знает обо мне больше, чем мне бы того хотелось?

— Но, дорогая мадам, я настаиваю. Это поможет успокоить мой разум и убедиться, что нет никакого обмана во всем происходящем.

И хотя он выглядит немногим старше меня, его манера выражаться настолько старомодна, что заставляет задуматься о его родине.

Мама выглядит так, будто вот-вот взорвется, но потом она встречается с взглядом миссис Кармайл, полным неприкрытого любопытства. Я практически вижу, как крутятся винтики в голове «великого медиума», и она решает сменить тактику. Слегка наклоняет голову, так, что ее длинные сережки кокетливо покачиваются.

— Мой дорогой мистер Арчер, если вы такой неверующий, то что делаете здесь?

— Прошу, зовите меня Коул. И я не говорил, что не верю. Я открыт для всевозможных мистических переживаний, но я сегодня был крайне впечатлен фокусами вашей дочери. Она очень талантлива. И я бы предпочел, чтобы она была на виду.

Коул похлопывает по пустому стулу рядом с собой, и мое сердце подкатывает к горлу. Я всегда избегала спиритической доски, как чумы. Глупо бояться обыкновенной игры, но с другой стороны, кости маджонга или шахматные фигурки никогда не гудят в моих руках.

«Пожалуйста, не заставляй меня делать это», — мысленно упрашиваю маму.

Но так как ее взгляд опять направлен на сегодняшнюю цель, я понимаю, что обречена.

— Садись, Анна.

— Но, мама...

— Садись.

Чопорность Коула испаряется, и он смотрит на меня с пониманием. Уверена, он разгадал мамин блеф.

Я падаю на стул, вытираю ладони о платье, и мы все беремся за руки. Пальцы Коула медленно обхватывают мои. К моему облегчению, в этот раз от нас не летят искры, хотя ощущение его руки на моей по-прежнему заставляет меня краснеть. Я смотрю на соседа и с удивлением замечаю, что он смущен так же, как я. Интересно, он пришел сюда по собственной воле, или его прислал какой-нибудь другой медиум, завидующий маминому успеху? Также я теряюсь в догадках, что связывает Коула с Жаком. Импресарио сидит по другую сторону и тоже берет меня за руку, но его эмоции всегда запутаны. Некоторых людей я ощущаю именно так — мешанина из неразборчивых впечатлений. Жак один из этих «неразборчивых», и это главная причина моего к нему недоверия. Коул с другой стороны — это даже не беспорядок, это... ничего. Странно.

Мама начинает распевать своим таинственным мрачным голосом:

— О, духи, услышьте наш зов. Придите к нам. Говорите с нами. Учите нас. О, духи, взываю к вам. Мы с почтением просим вас присоединиться к нам, говорить с нами, учить

нас.

Она приказывает нам повторять за ней. Мы повторяем и снова ждем.

Блондинка начинает нервно хихикать, но пожилая леди успокаивает ее, подаваясь вперед с ожиданием и надеждой. Все остальные тоже затаив дыхание ждут того, что вот-вот должно произойти, и в воздухе витает напряжение, столь же плотное и дымное, как горящий ладан. И даже Жак, который знает все секреты, напряженно затихает.

— Миссис Кармайкл, когда я попытаюсь связаться с Уолтером, первой положите руки на указатель. Остальные прикоснуться к нему следом за вами, — наставляет мама.

Мы разжимаем руки, и я снова вытираю ладони о платье.

Заставляю себя дышать ровно, размеренно. Вдох и выдох. Спокойно и медленно. «*Не дури*, — говорю себе. — *Ты лучше других знаешь, что все это сплошной фарс*».

Помедлив, миссис Кармайкл кладет пальцы на медиатор. Остальные следуют ее примеру. Все, кроме меня. Я закусываю губу.

— Анна? — В голосе матери слышится незаметное для других предупреждение.

Я протягиваю дрожащую руку, но никак не могу заставить себя прикоснуться к доске. Глубоко вздохнув, закрываю глаза и осторожно касаюсь медиатора кончиками пальцев. Он уже не холодный. Теперь он теплый на ощупь, а легкая вибрация усилилась. Я быстро окидываю взглядом окружающих, но, кажется, больше никто ничего не замечает. Повезло мне.

Прикосновение к пальцам миссис Кармайкл открывает для меня ее чувства. Я пытаюсь отгородиться от ее надежды, сияющей и трепетной. Да, вся правда в том, что это не привычное для клиентов моей матери страдание, разрывающее меня на части. Это надежда.

Красивое лицо мамы бесстрастно. Ее изогнутые губы расслаблены, а большие и обычно выразительные глаза сейчас тусклые и непроницаемые.

— Что должно произойти? — шепчет миссис Гейлорд.

— Черт его знает, — отвечает ее муж.

Моя мать не обращает на них внимания.

— Духи! — восклицает она. — Используйте меня как проводника. Я открыта для вас!

У миссис Гейлорд вырывается еще один нервный смешок, но остальные молчат.

— Уолтер, здесь твоя мама, и она очень хочет поговорить с тобой, — продолжает мадам Ван Хаусен чуть тише.

Миссис Кармайкл всхлипывает, и мое сердце болезненно сжимается.

Чувствовать эмоции других людей — одновременно и дар, и проклятие. Если бы я знала, как отключить это свое умение, так бы и поступила. Но я не знаю. И видит Бог, спросить не у кого.

— У вас есть вопросы к сыну?

Голос моей матери тих. Если бы я не знала ее лучше, то подумала бы, что она действительно переживает за миссис Кайрмайкл. Хотя, возможно, так и есть. С мамой никогда нельзя сказать наверняка.

— Спросите его... в порядке ли он и счастлив ли, — говорит пожилая леди прерывающимся от волнения голосом. Ее горе неумолимо, оно тяжким грузом давит на меня, и я с трудом могу дышать.

Внезапно температура падает, и я потрясенно смотрю, как ледяной луч воздуха тянется через всю комнату. Он направляется прямо ко мне, как будто у него есть цель. Проникает в меня, и я чувствую, как он двигается, меняется, захватывает власть... Я в ужасе, хочу

кричать, но застываю на месте. Болезненные потоки вырываются из кончиков моих пальцев, и доска начинает дрожать. Мама и Гейлорды отдергивают руки. Глаза Коула расширяются, когда медиатор начинает двигаться.

«МАМА, — буквы под моими онемевшими пальцами складываются в слова, — *БОГ НАШ БЛАГ И МИЛОСТИВ*».

— Это мой Уолтер! — восклицает миссис Кармайкл. — Он был таким хорошим мальчиком, собирался поступать в школу богословия...

Ведь если указатель не двигал никто из людей... вероятно, его сдвинул Уолтер.

В моих ушах стоит пронзительный визг, а по коже одновременно проносятся волны болезненного жара и невыносимого холода. Дух Уолтера полностью проталкивается в мое тело, и внезапно я ощущаю себя заполненной до отказа, как если бы переела во время ужина на День благодарения. Я стискиваю зубы, чтобы сдержать крик ужаса, когда медиатор снова начинает медленно и неумолимо двигаться от буквы к букве.

«*БУДЬ СПОКОЙНА*».

Миссис Кармайкл уже откровенно рыдает, и я задыхаюсь, когда Коул хватается за свободную руку и сжимает ее. Между нами вновь вспыхивают искры, как в тот первый раз, когда мы коснулись друг друга. Уолтер покидает мое тело так же внезапно, как появился, и я вздрагиваю. Освобожденная, отдергиваю пальцы подальше от доски, тяжело глотая воздух. Мать смотрит на меня, прищурившись, но я уклоняюсь от ее взгляда.

Не зря я избегала спиритической доски.

Еще один порыв ледяного ветра задувает свечи и с грохотом захлопывает дверь в гостиную. Блондинка кричит.

— Черт возьми, — бормочет рядом Коул, выпуская мою руку.

Наступает минута молчания, пока все пытаются успокоиться.

— Не бойтесь. Духи ушли. — Голос матери слегка дрожит, когда она встает, чтобы включить электрическую лампу.

Миссис Кармайкл прижимает руки к груди:

— Это был мой Уолтер. Он говорит, чтобы я больше не искала... Он упокоился с миром и хочет, чтобы я тоже жила спокойно.

Мама бросает на меня ядовитый взгляд. Жак в замешательстве смотрит то на нее, то на меня. Миссис Гейлорд цепляется за своего уже не такого скучающего мужа и вливается в меня своими голубыми испуганными глазами. Коул вопросительно разглядывает мое лицо. Я смотрю на него в ответ, в моей груди оглушительно колотится сердце. Я чувствую притяжение, потребность как можно глубже заглянуть в его черные глаза, чтобы увидеть, что скрывается за этой бархатной тьмой. Тревожно вздрогнув, я рывком возвращаюсь в реальность.

— Моя дорогая мадам Ван Хаусен, — говорит Коул, вставая, — рискну предположить, что вы не единственный медиум в семье. Отлично сработано.

Волоски на затылке встают дыбом. Это была еще одна проверка? Коул что-то знает о моих способностях? Меня раздирает на части. Я желаю противостоять ему, выяснить, что ему известно, и в то же время хочу спрятаться под одеялом.

Гейлорды начинают собираться.

— Вы нас покидаете? — спрашивает мама.

— Ну... да, — бормочет муж, набрасывая на плечи жены меховую накидку. — Мы на все выходные собираемся на остров, к Гардинерам. Автомобиль уже ждет нас.

Миссис Гейлорд поворачивается к маме:

— Мои друзья будут взбудоражены, услышав о вас и вашей дочери! Я никогда не

видела... — Она качает головой и разворачивается ко мне. — Ты просто высший класс, дорогуша!

Она снова качает головой и вместе с мужем покидает гостиную.

Коул отвешивает мне легкий поклон и следует за ними. Несколько мгновений спустя захлопывается входная дверь.

— Не хотите ли чашечку чая? — с мольбой в голосе спрашивает мама у миссис Кармайкл.

Пожилая дама решительно качает головой:

— Я должна успокоиться. Уолтер сказал мне прекратить поиски, и я уважаю его желание.

— Подождите, миссис Кармайкл. Я провожу вас до машины. — Жак поворачивается к моей матери и целует ей руку. — Мы ведь скоро увидимся, *oui*?

Миссис Кармайкл вытирает слезы и сжимает мою заледеневшую ладонь:

— Огромное спасибо, милая. Ты так сильно мне помогла.

Я в ответ улыбаюсь, на мгновение забыв, что скоро мне придется столкнуться с разъяренной матерью. Каким бы ужасающим ни был этот опыт, я впервые кому-то помогла во время сеанса. Я поворачиваюсь к маме и нервно сглатываю. Вот только кто поможет мне?

Глубоко вздохнув, отвожу взгляд и начинаю собирать посуду. Мама может сама убрать дурацкую спиритическую доску куда подальше. Я ни за что не прикоснусь к ней еще раз.

Мадам Ван Хаусен поднимает свой бокал и залпом допивает остатки джина.

— И что, черт возьми, это было?

Я колеблюсь. Правду сказать не могу, но если притворюсь, что сделала все нарочно, мама захочет узнать, зачем я прогнала ее клиентов. В любом случае я обречена.

— Спиритический сеанс, — отвечаю, по-прежнему избегая ее взгляда. — Мне показалось, все прошло довольно неплохо.

— Ты должна была предоставить это мне. Миссис Кармайкл вернулась бы.

— Но Гейлорды сказали, что расскажут друзьям. Это же хорошо. — Я отчаянно пытаюсь удержать ее внимание на обсуждении клиентов. Так она не будет сосредоточена на мне.

— Да, но я бы предпочла на какое-то время удержать их всех. Мне не нравится, когда ты начинаешь управлять моим выступлением. — Она на мгновение замолкает. — Почему?

— Почему что? — спрашиваю, растягивая время.

— Не прикидывайся дурочкой, ты прекрасно знаешь, о чем я, — говорит мама, уже не скрывая раздражения. Без зрителей у нее нет никаких причин продолжать спектакль, и все очарование испаряется без следа.

Я стараюсь, чтобы на моем лице не отразилось ни одной эмоции, несмотря на бешеный стук сердца.

— Я устала. И хотела, чтобы все они ушли.

Что ж, по крайней мере это правда.

Мама хмурится, но ничего не говорит. Она вела себя, как всегда, а вот я никогда прежде не рвалась на ведущую роль в сеансе, и ей это не нравится. Ни капельки.

— Но как ты это провернула?

Теперь ее голос скорее озадаченный, чем сердитый, но в нем все еще слышатся скептические нотки, и это заставляет меня нервничать. Мама никогда не должна узнать о моих способностях. Тот же инстинкт самосохранения, что заставлял меня молчать о них в

детстве, помогает мне найти ответ, который ее успокоит.

— Перед тем как сесть за стол, я открыла окно.

Мама смотрит на окно.

— И закрыла его, пока света еще не было, — добавляю быстро. — Ветер задул свечи.

Даже мне самой эта версия кажется неубедительной. С другой стороны, а как еще можно объяснить произошедшее? Моя мать не верит в призраков.

— А доска? Как ты узнала, что сказать миссис Кармайкл?

Объяснить это еще труднее. Я смотрю ей прямо в глаза, чувствуя, как сердце колотится в горле:

— Может, сказалось то, что я многие годы наблюдала, как ты это делаешь?

Мы неотрывно смотрим друг на друга. Какое-то мучительное мгновение между нами плещется подозрение, а затем мама отступает.

— Будь так добра, в следующий раз, когда решишь захватить мой сеанс, дай знать. Это могло плохо закончиться. И мы потеряли клиента.

Она все еще что-то подозревает, но принимает решение не задумываться об этом. До поры до времени.

— Но есть и светлая сторона — Гейлорды вернутся.

— Действительно, — соглашается мама. — И Жак сказал, что семья Джека Гейлорда почти так же богата, как Вандербильты. [\[1\]](#) Вот только где он откопал свою жену? Ей удалось тебя провести?

Я мысленно перебираю события сегодняшнего вечера, но не могу вспомнить, чтобы Синтия Гейлорд совершила что-то из ряда вон выходящее.

— Что ты имеешь в виду?

— Она может сколько угодно демонстрировать, какая она изящная и изысканная, но меня не обмануть. Эта девчонка — просто неотесанная провинциалка. Бьюсь об заклад, ее семейство всего пару поколений назад выползло из лодки.

Мама утонченно фыркает, как будто сама не эмигрантка и попала в Америку как-то иначе. Я держу рот на замке.

Меня все еще трясет. Я собираю оставшуюся посуду и ставлю в раковину — утром помою. Я хочу спросить у мамы, знает ли она, что Коул живет внизу, со старым мистером Дарби, но придерживаю язык. Ни к чему начинать еще один разговор. Сейчас я мечтаю просто забраться в постель и укутаться одеялом — сделать что угодно, лишь бы прогнать этот леденящий душу и пробирающий до самых костей холод.

— Спокойно ночи, мама, — говорю и быстро удаляюсь по коридору.

Внутренности скручивает узлом, когда я в полной мере осознаю события сегодняшнего вечера. Видимо, мои способности выходят далеко за рамки простого «читаю ваши эмоции и могу предсказывать будущее». Я закрываю глаза и дрожу, пока истина проникает глубоко в душу.

В мое тело вселился парень, погибший во время Великой войны [\[2\]](#). Он использовал спиритическую доску, чтобы отправить сообщение с того света.

Я могу делать то, что по мнению большинства — невозможно. Я способна общаться с умершими. У меня внутри все сжимается, и я спешу в свою комнату.

Там закрываю дверь и подпираю ручку стулом. Затем опускаюсь на колени и вытаскиваю из-под кровати несколько больших шляпных коробок. В первой — множество наручников и связки ключей и отмычек. У меня есть несколько массивных «Гигант Бин»,

изготовленных в 1880-х, и все они открываются одни и тем же ключом. Глупо.

Также я храню наручники от Ивера Джонсона с их забавными круглыми ключами и пару манжетов Ловелла. С помощью отмычки я могу открыть любые из них, и неважно, каким образом я скована. У меня даже есть особые наручники для мамы, которые были специально переделаны таким образом, чтобы ей было проще из них выбраться. Мы пользуемся ими, когда необходимо приковать мадам Ван Хаусен к стулу в нашем трюке с «кабинетным призраком». Мама не знает, что у меня тут есть целая коллекция, и я хочу, чтобы так и оставалось дальше. Это доставит ей слишком большое удовольствие. Еще бы... знать, что я разделяю навязчивую идею своего отца.

Да, разделяю, к ее же счастью. Мне было тринадцать, когда впервые пришлось вытаскивать маму из тюрьмы. Потом стало полегче, хотя, должна признать, даже мне было сложновато вскрывать замок, повиснув на задней дверце полицейского фургона. Это не тот опыт, который хочется повторить.

Я уже забыла, что это был за городишко, но отчетливо помню, как была испугана, пока пряталась за грузовиком и ждала, когда полицейский фургон окажется поблизости. Они не приставили к матери охранника, полагая, что хорошенькая маленькая женщина не доставит никаких проблем. Дождавшись нужного момента, я словно кошка, быстро и бесшумно, прыгнула на фургон. Вцепилась в решетку и, помню, подумала, что мама в своем кружевном платье цвета шампанского — слишком красива, чтобы торчать в кузове полицейской машины.

— Мама, — позвала я тихо, давая ей знать, что пора выбираться.

— Почему так долго? — все, что она сказала, снимая туфли, чтобы было проще выпрыгнуть на улицу.

Я уже возилась с замком и ничего не ответила. Потребовалось две попытки, но я все-таки справилась, и дверь распахнулась.

Молюсь, чтобы это был последний раз, когда мне пришлось делать что-то подобное.

Я вздыхаю и перехожу к следующей коробке — со смирительной рубашкой, которую я купила у бездомного в Канзас-Сити. Я с содроганием представляю, откуда он мог ее взять, и вспоминаю, сколько времени мне потребовалось, чтобы научиться из нее выбираться. Швайнгард Великолепный много недель помогал мне надевать и снимать рубашку, прежде чем у меня наконец-то стало получаться без единой заминки. Об этом мама тоже не знает.

И вот я медленно снимаю крышку с коробки, заполненной газетными вырезками со статьями о многочисленных подвигах Гудини. На меня накатывает знакомая грусть, та самая детская тоска, которую я впервые ощутила, когда поняла, что, скорее всего, не нужна своему отцу. В противном случае он бы меня не бросил, так ведь?

Я опускаю взгляд вниз, на листовку, которую взяла в Сан-Франциско, когда мы с цирком колесили с туром по всей Калифорнии. Горящие глаза Гарри Гудини смотрят на меня в ответ.

— Я получила это проклятье от тебя? — шепотом спрашиваю у величайшего в мире мага и иллюзиониста.

Потому что я этого не хочу. Всего этого. Не желаю видеть будущее, чувствовать чужие эмоции и, конечно, говорить с мертвецами. Все, о чем я когда-либо мечтала, — быть обыкновенной девушкой с обыкновенно жизнью. Вряд ли беседы с мертвыми или способность предсказывать будущее могут считаться чем-то нормальным.

Я кладу листовку обратно в коробку и снова засовываю все свои сокровища под кровать.

Боль жгутом стягивает мою грудь... словно смирительная рубашка.

Мой отец не узнает меня, если мы случайно столкнемся на улице.

Он никогда не признает меня своей дочерью.

Ему даже не известно о моем существовании.

И готовясь ко сну, я не могу не задаваться вопросом: являются ли мои способности проклятием, бременем, которое я должна нести как незаконнорожденная дочь Гарри Гудини?

Глава 6

Несмотря на усталость, чтобы заснуть, мне требуется целая вечность, и когда это наконец удастся, сплю я беспокойно. Постоянно просыпаясь и в глубине души испытывая страх, что Уолтер вернется. Но постепенно мое тело расслабляется, и я погружаюсь в глубокий сон.

Электрические вспышки. Картинка за картинкой. Меня окружает черная как смоль вода. Сбитая с толку и растерянная, я никак не могу выбраться на поверхность. Мои руки, крепко связанные за спиной, бесполезны. Легкие горят от нехватки воздуха. Смерть кружит вокруг словно акула, но боюсь я вовсе не за себя. Перед глазами появляется прекрасное лицо моей матери, ее ноздри раздуваются, глаза расширены от страха... И я слышу, как она снова и снова выкрикивает мое имя.

Задыхаясь, я резко сажусь в кровати. Сердце бешено стучит. Вокруг все еще чувствуется аромат жженого сахара. Дрожа, я сбрасываю одеяло, выскользываю из комнаты и на цыпочках крадусь по коридору. И только увидев маму, все еще мирно спящую, услышав ее тихое дыхание, я чувствую, как мое сердце начинает успокаиваться.

Был ли это обыкновенный кошмар? Или предчувствие грядущего? Что со мной происходит? У меня никогда не было таких вот повторяющихся видений. И, конечно, никогда прежде я не предсказывала ничего, связанного со мной и мамой. Великая война, эпидемия испанки^[3] и «Титаник»... Предвидеть все это было достаточно жутко, но нынешние видения ужасны совершенно по-новому. Возможно, это и не видения вовсе. Но что же тогда?

Правда я и с мертвыми парнями никогда прежде не разговаривала.

Я моргаю и растираю лицо ладонями, стараясь избавиться от тупой, ноющей боли в голове. Возможно, после краткого визита Уолтера в мое тело осталось нечто большее, чем просто плохие воспоминания. Сколько раз мы с матерью находили в номерах отелей отвратительные следы пребывания предыдущих постояльцев? Может, в этот самый момент мои внутренности испачканы какими-нибудь призрачными отбросами.

Не в силах побороть дрожь, я умываюсь, надеваю сине-белое матросское платье и быстро провожу гребнем по своим темным волосам. Теперь, когда они такие короткие, за ними гораздо проще ухаживать. Мама возражала против стрижки, утверждая, что мои длинные волосы увеличивают контраст между нами на сцене. Но я думаю, что это связано, скорее, с ее нежеланием признать, что я уже взрослая. Ведь если я уже превратилась в молодую женщину, то кто же теперь она сама?

Я надеваю туфли и синее шерстяное пальто с запахом, беру корзину и выхожу из квартиры. Не забываю дважды проверить замок и только потом спускаюсь вниз по лестнице. Я и в обычные дни крайне осторожна — вы же помните, чем я занимаюсь? — но сейчас я совершенно напугана. Приближаясь к последним ступенькам, слышу, как открывается дверь на первом этаже и здороваюсь:

— Доброе утро, мистер Дарби.

Старик с ворчанием закрывает дверь. До сих пор он не то чтобы с распростертыми объятиями принимал от меня знаки дружеского внимания, но я настойчиво не оставляю попыток. Мне до смерти хочется заглянуть в соседскую квартиру и выяснить, что же стоит за всем этим доносящимся оттуда шумом, но я не уверена, что готова снова столкнуться с

Коулом. У меня скопилось слишком много вопросов, и я боюсь получить на них ответы.

Я открываю дверь, и меня встречает поток холодного октябрьского воздуха. Я поплотнее запахиваю пальто, сожалея, что вместо теплых шерстяных чулок теперь ношу шелковые. Во взрослении есть и свои недостатки.

В газетном киоске на углу я покупаю «Дэйли Ньюс», «Таймс» и «Сан» и кладу газеты в корзину. Мама захочет посмотреть, есть ли в прессе какие-нибудь отзывы о нашем вчерашнем шоу. Затем разворачиваюсь и иду в сторону Бродвея. Вчера по пути в театр я заметила книжный магазин, притулившийся между кафе и шляпной лавкой. Судя по тому, что я разглядела, это был магазин как раз того типа, который нравится мне больше всего: старый, затхлый и доверху набитый книгами. Книгами, в которых однажды могут найтись ответы на вопросы о моих способностях.

В изданиях о спиритизме, парапсихологических явлениях и колдовстве, как правило, встречается сплошная чепуха, но иногда удается найти и интересные лакомые кусочки информации, и я добавляю их в гобелен знаний, который пытаюсь сплести. И сейчас, учитывая посетившие меня видения, найти ответы кажется важным, как никогда.

Я спешу вниз по оживленной улице, сильнее кутаясь в пальто от порывов холодного ветра. Если я правильно запомнила, книжный должен быть как раз перед Площадью Колумба. Пешком это оказалось гораздо дальше, чем я думала, и к тому времени, как я вижу вывеску шляпной лавки, мои пальцы уже немеют.

Какое облегчение оказаться в тепле книжного магазина! Мгновение я не двигаюсь, позволяя глазам привыкнуть к тусклому освещению, и оглядываюсь вокруг. Вместо того, чтобы ровными рядами стоять на полочках, книги как попало громоздятся везде, где только можно. Это, конечно, означает, что найти что-то полезное будет гораздо сложнее, но мне импонирует беспорядок.

Пожилая женщина за прилавком строго смотрит на меня поверх очков:

— Если вы ищете светскую хронику, то ошиблись адресом.

Я качаю головой и заверяю:

— Нет. У вас есть что-нибудь по... — Я уже готова сказать «оккультизму», но что-то в том, как женщина поджимает губы, меня останавливает. — Эм-м... по истории?

Скептически хмыкнув, она ведет меня к секции в задней части магазина. Я жду, пока женщина уйдет, и только потом начинаю разглядывать полки. Возможно, мне удастся найти что-нибудь самостоятельно. Есть и худшие способы провести субботнее утро. Однажды я совершенно случайно обнаружила книгу Роберта Хаэра, написанную более пятидесяти лет назад. Называется «Экспериментальное исследование проявления духа, доказательства существования призраков и их общения со смертными». Тогда я впервые прочитала книгу, где спиритизм рассматривался с научной точки зрения, а не просто перечислялись непроверенные данные. Конечно, я и сама до вчерашнего дня относилась к общению с мертвыми более скептически.

Мысли о прошлом вечере напоминают мне о разговоре с Синтией Гейлорд. Что это за Общество психических исследований? Они изучают экстрасенсорные способности? Стоит спросить об этом у миссис Гейлорд при следующей встрече. Я уныло пялюсь на старые талмуды по истории — найти что-либо в таком беспорядке вряд ли возможно. Собравшись с духом, я возвращаюсь к служащей. Она стоит за прилавком, уткнувшись в лежащую перед ней большую книгу, и даже не замечает моего приближения. Звенит колокольчик над дверью за моей спиной, но женщина по-прежнему остается неподвижна.

— Простите, — наконец не выдерживаю я.

Она прижимает палец к месту, на котором остановилась, и одаривает меня хмурым взглядом:

— Могу я вам чем-то помочь?

— Да. У вас есть книги по оккультизму? Или что-то об Обществе психических исследований?

Служащая хмурится еще сильнее.

— Я никогда не слышала об Обществе психических исследований. Но небольшой раздел с оккультной литературой у нас есть. Вы ищете что-то конкретное?

— Есть что-нибудь об Эмме Хардинг-Бриттен^[4] или Нелли Бригхем?

Обе эти женщины были спиритуалистками в конце прошлого века, и некоторым из сверхъестественных событий, произошедших на их сеансах, так и не смогли найти объяснения.

Служащая фыркает:

— Вам придется искать самостоятельно.

Ее каблук нетерпеливо стучат по деревянному полу, а я иду следом и задаюсь вопросом: эта женщина ненавидит свою работу или просто испытывает ничем не объяснимую неприязнь ко мне? Она указывает на полку в полуметре над нашими головами, разворачивается и торжественно удаляется. Я замечаю в конце прохода стул-стремянку и беру его.

— Я могу вам помочь? — холодно спрашивает служащая у другого клиента.

Значит, неприязнь она испытывает не только ко мне.

Я забираюсь на стул и провожу пальцем по корешкам с названиями. Некоторые книги я уже читала, другие, кажется, совершенно бесполезны. На секунду я замираю на «Заклинаниях и магических формулах», но затемдвигаюсь дальше. Мы с мамой часто использовали заклинания во время сеансов, чтобы добавить реалистичности, но я больше не заинтересована в улучшении сеансов. Я устала защищать нас от властей.

— Прошу прощения. Я случайно подслушал, как вы спрашивали о медиумах и оккультизме, — говорит кто-то с сильным британским акцентом. — Вы читали что-нибудь о Ди Ди Хьюме^[5]?

Захваченная врасплох, я хватаюсь за полку и, обернувшись, вижу, что на меня смотрит пожилой джентльмен.

— Простите?

— Извините, что подслушал, но спиритуализм — мое хобби.

— О. Нет. Я не читала.

— Если вам нравится Нелли Бригхем, то будет интересен и Хьюм. — Он смотрит мимо меня и достает книгу «Необъяснимые тайны девятнадцатого века». — Здесь автор посвящает ему целую главу.

Когда незнакомец протягивает мне издание, наши пальца соприкасаются, и на меня обрушиваются чужие эмоции. Любопытство, веселье и какое непонятное мне чувство, отчего по телу проходит легкий озноб.

— Спасибо. — Я быстро разворачиваюсь обратно к полке и зажмуриваюсь, надеясь, что мужчина просто пойдет дальше. Через мгновение он так и поступает, и я вздыхаю с облегчением.

Жду, пока дверь за ним закроется, и только потом спешу к прилавку заплатить за

выбранную книгу. Уже поздно, а я еще не сходила за покупками.

Все домашние обязанности лежат на мне с самого детства. Моя мать слишком устает, чтобы делать что-то по дому. В любом доме, какой у нас только был. Обычно я этим наслаждаюсь, но утренний холод и тревоги прошлого вечера подгоняют меня поскорее купить все необходимое, как только я возвращаюсь в наш район.

Я вхожу в «Чайный магазин Ву», и волосы на руках тут же встают дыбом. Это чувство не такое сильное, как в тот раз, когда по пути из театра домой на нас с мамой напал грабитель. Тогда предчувствие было всепоглощающим, и я почти рухнула на колени. Сейчас же это просто тревога, как будто вокруг что-то не так.

Сглотнув, я оглядываюсь, но в магазине находятся только продавец — пожилой китаец с длинной косой и безупречным английским — и полная женщина, вероятно, экономка какой-нибудь семьи.

Но если угроза не внутри, значит она исходит снаружи? За мной следят? Но если так, то почему?

Я медленно иду по магазину, притворяясь, что поглощена разнообразным ассортиментом чая и многочисленными восточными безделушками. Колокольчик над дверью звенит, и я вздрагиваю, но это всего лишь экономка вышла на улицу.

— Могу я вам помочь? — спрашивает продавец, и я киваю.

— Да. Я беру вот это. — Поддавшись внезапному порыву, я хватаю еще одну пачку чая — для мистера Дарби. — И это тоже.

Пожилой китаец убирает выбранный чай в бумажный пакет и пробивает чек. Я тяну время, задержавшись у прилавка и болтая с продавцом, которым оказывается сам мистер Ву.

Когда откладывать уже больше нельзя, я прощаюсь и, покинув магазин, замираю у двери. Район теперь еще оживленнее. Улицы заполнены бегающими по магазинам матерями, детишками, играющими в шумные игры, чтобы не замерзнуть, и стариками, что обмениваются окрестными сплетнями.

Я делаю глубокий вдох и раскрываюсь. За эти годы я поняла, что можно различить несколько отдельных граней моего ясновидения: эмоции, которые я чувствую, прикасаясь к другим людям; неконтролируемые видения, что появляются из ниоткуда; и те редкие случаи, когда на меня накатывает жуткое чувство, что вот-вот произойдет нечто плохое.

Ради выживания мне пришлось оттачивать свою наблюдательность, так как истина заключается в том, что слова и эмоции людей зачастую разнятся между собой.

Хотя я не вижу и не чувствую ничего из ряда вон выходящего, все равно спешу поскорее покончить с покупками и даже не задерживаюсь, как обычно, поболтать с лавочниками. За время работы в цирке я научилась защищаться, но не желаю рисковать. К тому же хочу вернуться домой и убедиться, что с мамой все в порядке.

Как всегда, при мысли о цирке я вспоминаю всех замечательных людей, с которыми там познакомилась. На самом деле «цирк» — прекрасный эвфемизм для обозначения сборища разношерстных уродцев, которые не смогли пристроиться в шоу побольше и поуспешнее. Но, когда мы к ним присоединились, мне было только девять, и за следующие два года эти уродцы стали моей семьей. Швайнгард — метатель ножей — научил меня использовать лезвия и вести себя так тихо, что даже мое сердцебиение замедляется. Волосатый Гарольд каждую ночь после выступления играл со мной в шашки, а Коматчу, Последняя зулусская принцесса (в действительности — бывшая служанка из Атланты), одалживала мне книги из сундука, который она таскала за собой повсюду, куда направлялась. Я обожала цирк. Мать

его ненавидела. Она чувствовала, что все там — и в особенности люди — было ниже ее. Она ужасный сноб для того, кто кормится, обманывая людей. Единственная причина, по которой мы задержались в цирке так надолго, — контракт. Мама не могла его нарушить. Но как только срок его истек, она уехала без оглядки.

Я была убита горем. Путешествовать лишь в обществе моей матери оказалось невероятно... одиноко.

Заворачиваю за угол к нашему дому и замедляю шаг, когда вижу, как кто-то выходит из парадной двери. Я узнаю Коула — не только по росту и ширине плеч, но и по весьма выделяющейся походке. Я задерживаю дыхание, но вместо того, чтобы направиться в мою сторону, он пересекает улицу и заворачивает за следующий угол. Я колеблюсь всего мгновение. Что-то в Коуле заставляет меня нервничать, и мой чудаковатый сосед может знать, почему. Пришло время нам с мистером Дарби немного поболтать о его таинственном госте.

Вернувшись домой, я быстро проверяю, как там мама, и убедившись, что она все еще крепко спит, снова спускаюсь вниз. Нерешительно замираю перед дверью мистера Дарби, но потом делаю глубокий вдох и тихонько стучу. Старик отвечает через несколько секунд.

— Вот в чем загвоздка с соседями, — говорит он вместо приветствия, — хоть раз будешь с ними любезен и уже никогда не сможешь от них избавиться.

Я прячу улыбку, решив, что не позволю себя запугать. Я всегда хотела жить на одном месте достаточно долго, чтобы у меня появились соседи, и раздражительный сосед лучше, чем вообще никакого. К тому же брюзгливость мистера Дарби — ерунда, по сравнению с некоторыми режиссерами, с которыми мне приходилось работать.

Я кладу руку на бедро и приподнимаю бровь:

— Уточните, когда это вы были со мной любезны? А ведь должны бы быть. Я принесла тот самый чай, который вы хотели.

Сосед смотрит на мою корзину:

— Вижу. И круассаны тоже? — Он пошире открывает дверь. — Давай же, девочка, заходи. В передней холодно.

Замешкавшись лишь на мгновение, прохожу в квартиру мистера Дарби, даже не пытаюсь исправить его ошибку. Если мама может поить моим чаем Жака, то я могу отдать ее круассаны мистеру Дарби.

Следуя за хозяином в кухню, я осматриваюсь вокруг. Комнаты выглядят опрятнее, чем можно было ожидать от холостяцкой берлоги, и мне интересно, который из двух ее обитателей такой аккуратист?

Я прохожу мимо стола и, заметив на нем конверт, замедляю шаг. Письмо адресовано Коулу. В графе обратного адреса витиеватым женским почерком указан Лондон.

— Ну же, поторапливайся.

Мистер Дарби машет мне рукой, и я заливаюсь краской стыда, надеясь, что он не подумает, будто я вынюхиваю. Даже если это так.

— Можешь присаживаться и чувствовать себя как дома.

Я усаживаюсь за маленький столик и наблюдаю, как старик ставит на плиту воду и подкидывает уголь в огонь. Кухня, как и гостиная, чистая и удобная. Мебель выглядит потрепанней и дешевле, чем наш совершенно новый гарнитур, но гораздо уютнее. Как будто здесь на самом деле кто-то живет. Иногда мне хочется, чтобы и наша квартира казалась более обжитой. Конечно, это может плохо сказаться на деле... Особенно сейчас, когда мы пытаемся привлечь изысканных клиентов.

Мистер Дарби ставит передо мной чашку и блюдце, а затем столовые приборы.

— Ты, вероятно, хочешь, чтобы тебя тоже обслужили. — Сосед неодобрительно хмурится.

— Ну, я ведь принесла чай и круассаны, — отвечаю с саркастической улыбкой.

Уголок его рта дергается, когда мистер Дарби ставит передо мной чай.

— Тебе меня не обмануть, мисси. Ты просто надеялась столкнуться с Коулом.

Я вскидываю голову:

— Неправда!

Старик фыркает и усаживается напротив:

— В любом случае тебе не повезло. Он уже ушел.

Я ерзаю на стуле, мое лицо пылает. Если мистер Дарби будет думать, что я заинтересована в Коуле, то, возможно, чуть охотнее поделится информацией. И все, что мне нужно сделать, — проглотить свою гордость.

— Когда Коул к вам переехал? Я не видела его, когда мы заселялись. — Я распахиваю глаза, изображая самую невинность.

Сосед бросает на меня хитрый взгляд.

— Так вот почему мне достался круассан! Нет, даже не пытайся отрицать. — Мистер Дарби поднимает руку, останавливая мой протест. — Я знал, что юная леди не станет так утруждаться ради старика вроде меня. Он приехал как раз перед вами, просто не любит навязываться и отсутствует большую часть дня.

— Он ходит на работу?

Мистер Дарби пожимает плечами:

— Насколько мне известно — нет. Он только что закончил какую-то модную школу в Европе.

В Европе. Это объясняет письмо и правильную речь Коула.

— Тогда где он пропадает весь день?

— В библиотеке. Учится. Говорит, что не может сосредоточиться в царящем здесь шуме. Но хватит вопросов. Если хочешь узнать еще что-то, придется спросить у него самого.

Конечно, хочу, но решаю попридержать свое любопытство. И вместо этого перехожу к следующей интересующей меня теме:

— А что означает весь этот шум? Мы с мамой слышали, как вы тут грохочете.

— Ах, еще бы тебе не было интересно! Знаешь что: расскажи, чем ты и твоя ма занимаетесь со своей компанией полуночников, а я поведаю, что это за шум.

Значит, Коул не говорил ему о наших спиритических сеансах. Голубые глаза мистера Дарби поблескивают, и я не могу не улыбнуться ему в ответ.

— Вы грубо торгуетесь... но я согласна.

Он кивает и впивается зубами в круассан.

— Ням-ням. Не хочешь попробовать? — спрашивает сосед с абсолютно невинным выражением на гномьем лице.

Я бросаю на него сердитый взгляд, мистер Дарби приподнимает уголки губ и протягивает мне круассан.

— Спасибо, — говорю, совсем не испытывая благодарности, и в награду получаю ухмылку.

Я кусаю намазанную маслом слоистую выпечку и делаю глоток чая. Этот круассан — лучшее, что я когда-либо пробовала.

Мы пьем наш чай и едим в молчании, пока последняя вкусная крошка не слизана с пальцев.

— Что ж, по крайней мере, ты умеешь правильно питаться, — хвалит мистер Дарби. — Большинство женщин всю трапезу болтают без умолку, в то время как мужчина пытается наслаждаться своей едой.

— На хорошей еде не грех сосредоточиться, — поддакиваю торжественно.

Он кивает:

— Весьма разумно. А теперь, что касается нашей сделки...

— Какой сделки? — дразню я.

— Дерзкая девчонка. Ты прекрасно знаешь, какой. Так что выкладывай, и больше никаких уверток.

— Так и быть. — Я подаюсь вперед и понижаю свой голос до шепота: — Мы проводим спиритические сеансы.

Старик хлопает ладонями по столу:

— Нет!

Я киваю:

— Да.

— Я подозревал нечто подобное, учитывая наряды твоей матери. Она такая таинственная. Настоящая красавица. — Он склоняет голову на бок. — Да и твоя внешность не так плоха, хотя говорить наверняка еще слишком рано.

Я закатываю глаза:

— Спасибо.

— Пожалуйста. А теперь скажи мне вот что: ваши сеансы настоящие или сплошное надувательство?

Внутри все сжимается, и я качаю головой, выдавливая из себя самую широкую улыбку, на какую только способна.

— Мы заключили сделку, и теперь ваша очередь.

— Ну, теперь я даже не знаю...

— Мистер Дарби! Вы хотите нарушить слово, данное леди?

— Разумеется, нет. Ничего подобного я не говорил. Ты меня окончательно запутала. Ладно, твоя взяла, скажу. — Он гордо выпячивает грудь. — Я изобретатель!

Я откидываюсь на спинку стула. Это не то, что я ожидала, но старик ждет моей реакции, так что я хлопаю в ладоши и пытаюсь выглядеть по-настоящему удивленной.

— Правда? А что вы изобретаете?

Мистер Дарби самодовольно улыбается. Очевидно, ему приятна моя реакция.

— Вот это тебе и предстоит узнать.

— Вы покажете мне хоть одну вещь?

Он мгновение обдумывает просьбу и встает из-за стола. Достав из шкафа квадратный металлический короб, сосед разматывает длинный шнур и вставляет штыревой конец в электророзетку в стене. Затем отрезает ломтик хлеба и подзывает меня к себе. Когда я подхожу, мистер Дарби накалывает хлеб на вилку и осторожно заталкивает его в короб. Потом закрывает маленькую боковую створку и выжидающе смотрит на меня.

— Э-э-э, и что теперь?

— Теперь мы ждем. — Мистер Дарби выдерживает драматическую паузу. — Хлеб поджарится и выпрыгнет обратно!

Мои глаза расширяются.

— О, боже! Подбрасывающий хлеб тостер! Я о таких слышала.

Лицо старика вытягивается, и он выпускает тяжелый вздох.

— Вот в чем проблема. Всякий раз, когда я решаю, что одержал победу, тут же узнаю, что такое изобретение уже есть. Но это улучшенная модель!

— Не сомневаюсь. И уверена, вы что-нибудь придумаете, — убежденно говорю я. — Что еще вы изобрели?

— О, конечно, ты хочешь узнать! Но сначала ты тоже должна мне кое-что сказать. Ваши спиритические сеансы — просто обман?

Мистер Дарби смотрит мне прямо в глаза, и в его пронизательном взгляде светится любопытство. Мой первый порыв — солгать. Правда может привести к нашему аресту. Но я вспоминаю медиатор,двигающийся под моими пальцами, и Уолтера, который заполняет мое тело, и вздрагиваю.

— Не всегда, — отвечаю приглушенно.

— Значит, твоя мама скорее фокусник, чем медиум?

Я задумываюсь. Хоть мама и знает несколько фокусов, вся ее сноровка сводится к моему умению привлечь внимание публики.

— Не совсем. Она, скорее, очень хорошая актриса.

Я беспокоюсь ерзаю на своем стуле. Прежде я никому столько не рассказывала о нас с мамой. Как странно, что я должна довериться ворчливому старику с умными голубыми глазами.

Внезапно кухню наполняет запах гари, и густой черный дым выползает из машины, поджаривающей хлеб. Я поспешно отскакиваю, а мистер Дарби выдергивает шнур из розетки. Затем хватает мокрое полотенце и достает сожженный хлеб из тостера. Я рукой захлопываю рот, и сосед смотрит на меня, выбрасывая горелый продукт в раковину.

— Не вздумай смеяться надо мной, мисси!

Я мотаю головой, но не осмеливаюсь ответить.

— Боже милостивый! Что вы натворили на сей раз?

Я подпрыгиваю, когда Коул влетает в дверь за моей спиной. Но, заметив на кухонной стойке тостер, он резко останавливается.

— О, как я вижу, на завтрак опять сожженный тост. — Коул замечает меня и вежливо кивает. — Если вы пришли, чтобы пообедать, думаю, вам стоит пересмотреть свое решение.

Голос его полон иронии, и Коул улыбается мне — настоящей улыбкой, которая освещает его лицо и делает его похожим на парня, а не на школьного учителя. У меня перехватывает дыхание.

— Мы уже поели, — сердито отвечает мистер Дарби. — Я просто показывал ей свою машину.

— Вы должны быть польщены. Он не демонстрирует свои изобретения кому попало.

Коул смотрит на меня, но тут же отводит взгляд. Без всякого умысла, я подхожу к столу и прикасаюсь к Коулу, одновременно направляя в его сторону нить. Но, так и не достигнув цели, она меняет направление, будто врезавшись в невидимую стену. Я хмурюсь. Ничего подобного я раньше не чувствовала.

— А кому еще мне их показывать? — воинственно спрашивает мистер Дарби.

Я нерешительно продвигаюсь в гостиную:

— Я должна идти. Мама гадает, куда я запропастилась.

Я собираю вещи, и Коул берет мою корзину.

— Позвольте мне, — предлагает вежливо.

— Это всего лишь на один этаж выше, — протестую я.

— Мне не часто выпадает возможность побыть джентльменом. Уважьте меня. — Он склоняет голову и говорит так официально — трудно поверить, что всего пару минут назад он дразнил мистера Дарби.

Я следую за Коулом через гостиную, мистер Дарби не отстает ни на шаг.

— Заходи в любое время, девочка. Я ведь еще даже не показал тебе свою мастерскую.

— Конечно, — киваю я. — С удовольствием.

Мы с Коулом выходим на лестничную площадку. Я хватаюсь за свою корзину, и он протягивает ее мне с легкой улыбкой, которая смягчает его жесткий рот. Я ловлю себя на том, что пялюсь на его губы, и, смутившись, поспешно отвожу взгляд.

— Спасибо, что зашли. Мистер Дарби может быть немного брюзгливым, но это лишь видимость.

— Он мне нравится, — отвечаю честно.

И застываю на месте, глядя в эти темные глаза. Меня наполняет странное чувство. Как будто мы как-то связаны. Пространство между нами практически пропитано зарождающимся узнаванием другого человека. Это новое ощущение одновременно интригует и вызывает тревогу, и я борюсь с искушением ему поддаться.

Сглотнув, я поворачиваюсь, чтобы подняться наверх, но Коул протягивает руку и ловит меня за пальто:

— Могу я задать вопрос?

Этот непринужденный тон так отличается от его обычной высокопарной манеры, что я мгновенно настораживаюсь. Прикусываю щеку изнутри и легонько киваю.

— То, что произошло вчера — такое часто случается?

Он впивается в меня взглядом. В какой-то миг кажется, будто Коул пытается вытащить ответ прямо из моих мыслей, поэтому я мотаю головой.

— Нет. Нет, никогда.

Коул отпускает мою руку, и я на дрожащих ногах взбегаю вверх по лестнице.

— Анна!

Я замираю на полпути к своей двери и оборачиваюсь.

Лицо Коула такое серьезное.

— Будь осторожна с этим.

Нет нужды спрашивать, о чем он говорит. Еще раз быстро кивнув, я преодолеваю оставшиеся ступени.

* * *

Следующим утром я просыпаюсь как с облегчением, оттого что меня не посетило очередное видение, так и разочарованная. По крайней мере видение могло бы дать подсказки о том, что происходит. Или может произойти. Сбитая с толку, я потираю виски. Затем проверяю, как там мама — что уже становится своего рода нервной привычкой, — и, конечно же, с ней все в порядке. Умывшись и одевшись, нерешительно смотрю на свою корзину. Понимаю, это глупо, но я не хочу оставлять маму без присмотра.

Вместо этого я тяну время, убираясь в квартире, пока не слышу, что мама проснулась. Я наливаю кофе и отношу к ней в спальню.

— По какому поводу? — вкидывает мама брови.

Пожимаю плечами, стараясь выглядеть непринужденно:

— Без повода. Просто подумала, что ты не откажешься от чашечки кофе.

Она сдвигает брови. То, что кофе в постель воспринимается с подозрением, красноречивее всяких слов говорит о наших отношениях.

— Какие планы на день? — спрашиваю, протягивая маме красный шелковый халат в восточном стиле.

— Скоро придет Жак. Мы отправимся за покупками, а затем на обед с потенциальными клиентами.

Я хмурюсь. Я ни на секунду не доверяю Жаку, но с другой стороны — наше представление приносит ему деньги, так что он, конечно, не причинит мадам Ван Хаусен вреда... Не так ли?

— Что за клиенты?

— Я не знаю! Еще не встречалась с ними. — Мама смеется, но я чувствую ее раздражение. — А сейчас наполни для меня ванну, дорогая.

Я благоразумно придерживаю язык за зубами и выполняю просьбу. Как только мама скрывается в ванной, я надеваю пальто, перчатки и темно-синюю шляпку-клош. Если запру за собой дверь, то в квартире будет абсолютно безопасно.

Я беру свою корзину для покупок, но едва ступаю за порог, слышу, как открывается дверь мистера Дарби. Перегнувшись через перила, смотрю вниз и вижу широкие плечи Коула, когда он выходит на улицу. Бесшумно, словно кошка, отступаю назад к своему порогу. Но уже через мгновение решаю пойти следом и проверить, действительно ли мистер Арчер проводит свои дни в библиотеке.

Оставив корзину на лестничной площадке, я соскальзываю вниз по ступенькам и считаю до пяти, прежде чем открыть дверь и выглянуть наружу. А заметив Коула, заворачивающего за угол, бегу, чтобы не упустить цель. Мчусь по переполненному тротуару, но, достигнув идеального для слежки расстояния между нами, притормаживаю. На улице достаточно многолюдно, так что я не слишком бросаюсь в глаза, если только Коул не направится в более спокойный район.

Я держусь в тени, благодарная за свои темно-синие пальто и платье. Даже стайка девушек, которые идут между мной и Коулом, не догадываются о том, что я следую за ними по пятам.

Взрослея, я начала понимать, что информацию о потенциальных клиентах собирать гораздо легче, если ты неприметен. И поскольку я такая маленькая и тихая, то могу быть практически невидимой, если пожелаю. Я рада, что сейчас изучением клиентов занимаются подручные Жака. Я устала выполнять подобные поручения сама.

Девушки передо мной сворачивают в шляпную лавку, и мое сердце замирает, когда Коул останавливается. Решив не рисковать, я бросаюсь на другую сторону улицы, краем глаза следя за движением машин и в то же время наблюдая за Коулом. Не думаю, что он по достоинству оценит слежку.

Я замедляю шаг, ожидая, когда Коул пойдет дальше. Я так занята наблюдением, что не замечаю женщину с полной сумкой картофеля, пока не становится слишком поздно. Картофелины катятся в разные стороны, и к тому моменту, когда нам удастся собрать их все, мой таинственный сосед уже исчезает.

Я понуро опускаю плечи. Не могу избавиться от ощущения, что Коул не был со мной полностью откровенным. Имеет ли он какое-то отношение ко всем происходящим странностям? К чувству, что за мной наблюдают возле чайного магазина? К видениям? К Уолтеру? Но как Коулу удалось? Вспоминаю, как он улыбался и дразнил мистера Дарби, и всем сердцем надеюсь, что загадочный молодой сосед не связан с моими видениями.

Я возвращаюсь в наш район; ноги нехотя ведут меня в старый кинотеатр, который я стороной обходила с тех пор, как на прошлой неделе увидела афиши специального представления.

Толпа мальчишек грудится возле кассы. После продолжительной толкотни они наконец платят за свои билеты и исчезают в парадной двери. Если я войду, то, вероятно, окажусь там

единственным человеком старше тринадцати. Воскресные утренние сеансы для детей. Я закусываю губу; застарелая боль сжимает сердце, когда я смотрю на вывеску:

**«ХОЛДЕН ИЗ СЕКРЕТНОЙ СЛУЖБЫ
В ГЛАВНОЙ РОЛИ ГАРРИ ГУДИНИ».**

Втайне от матери я ходила на все его фильмы. Пропустила только этот, когда он появился, и меня раздражают сомнения, стоит ли входить внутрь. Для меня посмотреть фильм с Гудини — как провалить фокус на сцене: все начинается отлично, но внезапно перестает быть таковым, и в конечном счете у вас начинает сосать под ложечкой и вы жалеете, что вообще на это решились. Учитывая мои отношения с Гудини, наверное, мне стоит просто уйти.

Но я остаюсь. Делаю глубокий вдох и иду к стеклянной будке кассы. Я не могу не использовать любую возможность, чтобы увидеть Гудини, так же, как не могу не показывать фокусы.

Я протягиваю человеку за стеклом десять центов, и он, оторвав от рулона билет, отдает его мне.

— Думал, ты никогда не решишься войти, — произносит знакомый голос за спиной.

Я резко оборачиваюсь и вижу Коула, стоящего близко — очень близко — позади меня.

— Ты меня напугал!

Я прищуриваюсь. Знает ли он, что я его преследовала? Должен знать. Ему пришлось развернуться в обратном направлении, чтобы добраться до театра. Мои щеки пылают. Что же он скажет?

— Прости.

Коул покупает себе билет и поворачивается ко мне. Его шерстяное пальто хорошо сидит на широких плечах, а хомбург ^[6] на голове сдвинут на бок, придавая несколько щеголеватый вид благородным чертам мистера Арчера.

— Не возражаешь, если составлю тебе компанию?

Я еще ни с кем не делилась этой частью своей жизни, но с другой стороны, вряд ли Коул знает, что Гудини — мой отец, так что это не считается. Шея Коула краснеет под воротником, пока он ожидает моего ответа. И я с удивлением понимаю — он боится, что я откажу.

— Было бы здорово, — соглашаюсь и тут же проклиная себя за чрезмерную чопорность в голосе.

Коул придерживает для меня дверь, и мы заходим в театр. Он прекрасен, хотя немного обветшалый. Красные ковры покрыты пятнами, и отсутствует несколько лампочек в люстре, освещающей фойе. Судя по обстановке, когда-то здесь давались представления, но потом все переделали под кинотеатр. Обычно я люблю ходить в кино, но сегодня сочетание Гудини на экране и Коула рядом со мной вызывает приступ тошноты, так что я отказываюсь от напитков и закуски.

Кресла неудобные, но близость к Коулу делает это незначительным. Шумные дети на балконе улюлюкают и святыт, в то время как партер практически пуст. Я пытаюсь придумать тему для разговора, но ничего не приходит в голову, так что вместо этого я изучаю других зрителей. Есть пара девушек примерно моего возраста ближе к середине зала, а через проход от нас — женщина с ребенком на руках. Я отворачиваюсь, но затем снова смотрю на нее, осознав: что-то не так. Ее старое пальто, кажется, мужское, а одеяльце, в которое укутан ребенок, — изодрано. Но не это привлекает мое внимание. В жизни я видела много

бедняков, и некоторые выглядели похуже, чем незнакомка.

Дело в импульсах беспокойства и отчаяния, что исходят с той стороны прохода. Я во все глаза смотрю на женщину; сердце гроыхает в моей груди. Я зажмуриваюсь, но чужие эмоции продолжают накатывать на меня, словно волны на берег. Почему это происходит? Я до боли в пальцах впиваюсь в подлокотники. Чувствовать эмоции других людей, прикасаясь к ним, — уже достаточно неприятно, но когда это происходит на расстоянии... просто нестерпимо.

Все прекращается так же внезапно, как началось. Я судорожно глотаю воздух и смотрю на Коула, который, кажется, не заметил этого приступа паники. Затем перевожу взгляд на женщину, укачивающую ребенка. И ничего не чувствую. Это все игра моего воображения?

— Давно ты уже в Нью-Йорке? — спрашивает Коул, когда молчание между нами становится невыносимым. Его голос напряжен, как будто он тоже тщательно обдумывал, что сказать.

— Чуть больше месяца. А ты?

— Около шести недель. Но в Штатах я уже почти три месяца. Первое время жил в Балтиморе.

— О, путешествуешь?

— Что-то вроде того.

Тема исчерпана — и мы снова погружаемся в молчание. Спасение приходит с гаснущим светом и началом кинохроники. В полной тишине мы смотрим, как известный боксер Джек Демпси участвует в автомобильной гонке, как в Брюсселе запускают сотню аэростатов, и как чиновники разоблачают сеть продажи опиума в Шанхае. Когда на экране появляется пес-кинозвезда, исполняющий всякие трюки, Коул громко хохочет. От этого звука теплое покалывание проходит от кончиков пальцев моих ног до макушки. Коул смотрит на меня; свет от экрана пляшет в его темных глазах, и у меня перехватывает дыхание. И снова, как тогда в передней, я чувствую эту странную теплую связь между нами, узнавание. На мгновение наши взгляды встречаются, но тут органист начинает играть. Мы оба подскакиваем, и я смущенно смеюсь.

Я поворачиваюсь обратно к мерцающему изображению и забываю о Коуле — Гудини заполняет собой экран.

Началось.

Страх и ожидание борются внутри меня, пока по экрану ползут титры. Просмотр фильмов с Гудини каждый раз воскрешает в памяти старый вопрос: он действительно мой отец?

Его харизма, притягательная и мощная, волнами исходит от экрана. Сюжет и напечатанные диалоги достаточно просты, но я за ними не слежу. Я наблюдаю за человеком, который может быть моим отцом. Его волосы, как всегда, в полном беспорядке, густые и непослушные. Его взгляд жесткий и притягивающий. Легко поверить, что у Гудини есть те же способности, что у меня — его силу видно невооруженным глазом. Я слежу за освобождением иллюзиониста с точки зрения профессионала. А сама я так смогу? Перед глазами вспыхивает видение: я под водой. Тело охватывает дрожь. Удастся ли мне выбраться, если такое случится? Придется ли?

Коул рядом со мной полностью увлечен фильмом. Органист довольно хорош: музыка нарастает и стихает вместе с действием. Коул улыбается на смешных моментах и напрягается на тревожных.

Ребенок напротив нас начинает беспокоиться, и мать его укачивает: вверх-вниз. Ее боль вновь накатывает на меня, и я начинаю дрожать. Сжимаю руки на коленях и смотрю в пол, а чужие горе и страх все набрасываются на меня, словно ураган. Я ссутуливаюсь и погружаюсь в себя, пытаюсь защитить свое сердце, которое вот-вот разлетится на осколки.

Не в силах больше терпеть, вскакиваю с места и бегу прочь мимо удивленного Коула. Останавливаюсь лишь на мгновение, чтобы вынуть десять долларов, оставленные на черный день, и бросить их женщине на колени. Она смотрит на меня испуганно, но я отворачиваюсь и мчусь дальше по проходу.

Пробегаю через фойе, распахиваю парадную дверь и только тогда ненадолго останавливаюсь, чтобы перевести дыхание. Вскоре через эту же дверь выходит Коул.

— Ты в порядке? — Он озабоченно хмурится.

Я заливаюсь румянцем.

— Все отлично. Просто забыла, что должна кое-что сделать.

Я разворачиваюсь, чтобы уйти. На глаза наворачиваются слезы унижения.

— Уверена, что хорошо себя чувствуешь? Хочешь, пойду с тобой?

Я слышу беспокойство в его голосе, но не могу повернуться и посмотреть ему в глаза.

— Все в порядке. Я должна идти, — говорю через плечо.

И спешу прочь сквозь толпу, в истерике, оставляя позади Коула, Гудини и бедную отчаявшуюся незнакомку. Я делаю то, что делают женщины Ван Хаусен всякий раз, когда дела идут плохо.

Я бегу.

Восьмерка пик. Восьмерка пик.

Я еле держусь на ногах, когда мы идем по коридору в нашу гримерку. Мама открывает дверь и взмахом руки пропускает меня внутрь, как будто ничего не случилось.

Но ведь случилось. Восьмерка пик.

Конечно, маме плевать. Это ведь не она стала посмешищем для всего зала. Я сжимаю кулаки. Она сделала это нарочно. Хладнокровно, осознанно, с умыслом.

Произошедшее на сеансе, очевидно, задело мадам Ван Хаусен гораздо сильнее, чем она хочет показать.

На ее столе стоит бутылка охлажденного французского вина, которым мама любит заканчивать свои выступления. И в тот момент, когда она наполняет бокал и делает глоток, — я не выдерживаю.

Срываю с вешалки пальто и одеваюсь. Столкнувшись в зеркале с маминым отражением, сверлю его взглядом, пока она поправляет прическу и пудрит нос.

— Зачем ты это сделала, мама? Чтобы показать, кто в доме хозяин?

— Не дуйся, дорогуша. Мне просто захотелось развлечься.

— Развлекаясь, ты унизила меня, — цежу сквозь стиснутые зубы.

— Ой, ради бога! — резко обрывает мама. — Едва ли зрители поняли твою ошибку.

Предполагалось, что это будет простой карточный фокус. Я «силой призываю» выбранную добровольцем карту и заставляю ее исчезнуть, а затем вновь появиться в кармане «случайного» зрителя. Подложить правильную карту должна была мама, перед выступлением. Но сегодня все пошло иначе.

Я в таком бешенстве, что забываю о главном правиле при общении с моей матерью — об осторожности.

— Я дала тебе восьмерку пик, а вытащила, как ни странно, валета червей. С чего бы это?

Мама поджимает губы. Она не привыкла, чтобы я требовала объяснений.

— Попридержи свой голос! Я уже сказала, что просто забавлялась. Ты выкрутилась, и на этом все.

Я прижимаю руки к бедрам; боль и злые слезы клокочут в горле.

— Для меня это не было забавным, мама. И я не желаю, чтобы такое повторялось. Никогда.

Мама наконец встречается со мной взглядом, и лицо ее превращается в бесстрастную маску.

— Прости, что?

— Ты слышала.

Прежде чем уйти, я подхожу к ее туалетному столику и со шлепком кладу карту лицом вверх — это восьмерка пик, которая все еще лежала в кармане маминого платья, когда мы покинули сцену.

Выйдя из комнаты, финальным аккордом громко хлопаю дверь. И замираю на минутку, чтобы успокоиться. Мое дыхание неглубокое и прерывистое. Я никогда прежде не устраивала подобных сцен. И теперь не знаю, прыгать ли от радости или бороться с приступом тошноты.

Неужели мадам Ван Хаусен действительно в такой ярости после спиритического сеанса, что из-за этого готова поставить под удар свое шоу? Нападение и ответный удар. Стратегии и схемы. Почему мои отношения с матерью больше напоминают шахматную партию, чем семейные узы?

Неважно, как сильно я хочу взять такси и уехать домой, оставив маму переваривать все в одиночестве — я знаю, что не могу. Все еще подрагивая, прислоняюсь спиной к стене и закрываю глаза. Как бы я ни злилась, она по-прежнему моя мать, и я должна защищать ее всеми силами.

Я слышу голоса и делаю глубокий прерывистый вздох, пытаюсь успокоиться.

К гримерке приближается Жак, а вместе с ним — красивый молодой незнакомец с поразительно светлыми волосами.

— Ты уходишь?

Я киваю:

— Голова болит. — И это недалеко от истины.

— Мне очень жаль. — Слова как по маслу выскользывают изо рта Жака. — Я надеялся, ты с нами поужинаешь. У нас сегодня гость. — Он поворачивается к своему спутнику. — Оуэн, это Анна Ван Хаусен. Ты только что видел ее яркое выступление. Анна, это мой племянник, Оуэн Винчестер. Он неожиданно решил составить мне компанию на сегодняшнем шоу.

— Мисс Ван Хаусен, я очарован.

Оуэн целует мою руку и осматривает меня с ног до головы. И судя по сиянию его голубых глаз, ему нравится увиденное. В моем животе зарождается трепет. Оказывается, не так уж плохо, когда тебя так разглядывают — если разглядывающий молод и красив. Я чувствую исходящий от него поток беспорядочных эмоций — и среди них нервозность и восхищение. Это встреча со мной так повлияла?

Оуэн смотрит на дядю:

— Я в Нью-Йорке уже несколько месяцев. Хотел связаться с тобой, но потратил много времени, устраиваясь на новом месте. К тому же, это ведь ты не поддерживал связь с семьей.

Оуэна изгибает губы в улыбке, и на его щеках появляются маленькие ямочки. На нем щеголеватый черный костюм, а белокурые волосы длиннее на макушке и зачесаны назад по последней моде. Я вспоминаю Коула с его аккуратными коротко стриженными кудрями.

— Приятно познакомиться, — бормочу и заливаюсь румянцем. То ли из-за очевидной симпатии Оуэна, то ли из-за мыслей о Коуле — трудно сказать. Я краснею время от времени с того позорного случая в кинотеатре. Интересно, что обо мне подумал Коул?

— Я решил, что мы могли бы поужинать все вместе, — прерывает мои мысли Жак. — Но если ты плохо себя чувствуешь...

Я задумываюсь, но лишь на мгновение. Оуэн, каким бы привлекательным он ни был, — недостаточная причина, чтобы терпеть общество моей матери. Не после того, что она выкинула сегодня вечером.

— Все в порядке, дядя Джей. В любом случае мне рано вставать. Может, я могу сопроводить мисс Ван Хаусен до дома? А вы с ее прекрасной матушкой спокойно поужинаете.

Жак хмурится:

— Наверное, стоит...

— Спасибо, вы очень любезны, — твердо говорю я, принимая руку Оуэна. Я веду себя

чересчур смело, но мне все равно. Это ведь племянник Жака, в конце концов. Уверена, мама не будет возражать. А если и будет, то не так уж это и плохо.

Оуэн сопровождает меня вниз, через неосвещенное фойе, и выводит в ночь. Перед театром все еще полно зрителей, которые ждут такси или просто болтают, делясь впечатлениями о шоу. Обычно мне нравится это зрелище, но сегодня я не в настроении.

— Моя машина вон там, — указывает Оуэн, и я следую за ним вниз по улице. Он бросает на меня взгляд. — Довольно смело с вашей стороны вот так уйти со мной. Не бойтесь, что ваша мама будет беспокоиться? Мы практически незнакомы.

— Мама не будет. Я всю жизнь сама выкручиваюсь из неблагоприятных ситуаций.

Оуэн смеется:

— Надеюсь, я не попадаю под эту категорию?

Я краснею и молю, чтобы было достаточно темно и он не заметил цвет моих щек.

— Конечно, нет.

— Я понял, что вы имели в виду. Но здорово, что вы не ставите этикет превыше всего. Старики не понимают, что мир уже не тот, что был во времена их молодости. Наше поколение повзрослело быстрее. И мы сейчас гораздо более зрелые, чем они были в нашем возрасте.

Меня охватывает трепет от его искушенного, умудренного опытом тона.

— Хотя ваша мама не показалась мне такой уж старомодной, — добавляет Оуэн, открывая для меня дверь скромного «Модл ти»^[7]. Я поднимаюсь в салон; ноздри щекочет аромат джина, кожи и чего-то сладкого. Оуэн заводит машину, и я называю свой адрес.

— Нет. Мама — современная женщина, — возвращаюсь я к нашему разговору. — И она практически всегда относится ко мне как к взрослой. Ей приходится. — Когда она не расставляет для меня ловушки.

— Вы, должно быть, вели такую необычную жизнь!

Я вспоминаю годы в дороге и всех людей, которых мы повстречали.

— Да, но... — Я не решаюсь продолжить.

— И при этом, держу пари, жизнь очень одинокую.

Я округляю глаза:

— Откуда вы знаете?

— Догадался.

На минуту мы погружаемся в молчание. Никто и никогда прежде не замечал моего одиночества. С другой стороны — раньше на меня никто и внимания не обращал.

— Но сейчас, с вашим новым шоу, ситуация должна улучшиться.

Несколько кварталов мы едем в тишине, но наконец Оуэн говорит:

— Я должен признаться...

— В чем?

— Я сказал дяде, что хочу встретиться с удивительной мадам Маргаритой Ван Хаусен, но гораздо больше меня интересовало знакомство с вами.

Я хмурюсь. К чему он ведет?

— Мне хотелось понять, как такая красивая молодая девушка в то же время может быть еще и талантливым фокусником.

— Ох... — Мое лицо приобретает еще более насыщенный оттенок красного.

Оуэн смеется, и я, как никогда прежде, сознаю свою неопытность.

— Кем вы работаете, раз должны вставать ни свет ни заря? — спрашиваю, меняя тему.

Сейчас я не в состоянии рассказывать ему историю своей жизни.

— Тружусь в банке на Уолл-стрит. Не слишком захватывающе, но платят хорошо.

Для меня это звучит захватывающе. Ну, не совсем так... Скорее, надежно и прилично. А значит и просто изумительно, учитывая мою собственную ветреную жизнь.

— А как насчет вас? Вы счастливы на сцене?

Я задумываюсь.

— Вроде того. Но я бы предпочла просто показывать фокусы и пропустить эту часть с ментализмом.

Оуэн улыбается:

— У вас отличное шоу, правда. Но думаю, стало бы только лучше, будь в нем больше магии и меньше всего остального. Мне всегда нравились фокусы.

Я фыркаю:

— Расскажите это моей матери.

— Почему она не хочет расширить ваш репертуар? Вы достаточно талантливы, чтобы показывать больше фокусов.

— Спасибо, — благодарю я, — но мама — гвоздь программы.

— А. — В голосе его намек, но я не ведусь на приманку. — Так вы действительно дочь Гарри Гудини?

У меня перехватывает дыхание. Я сжимаю кулаки и смотрю на них в темноте. Потом считаю до трех, медленно распрямляю пальцы, и только тогда удается произнести:

— Где вы это слышали?

— Я сказал дяде что-то о вашем таланте, а он ответил, что так и должно быть, потому что вы дочь Гудини.

Я пялюсь в окно на неосвещенную улицу; грудь сдавливает целая гамма чувств. Куда бы я ни пошла, слухи ползут следом. И я подозреваю, что большинство из них — дело рук моей матери.

— Эй, — говорит Оуэн, легко касаясь моей руки. — Я не хотел вас расстроить. По моему, это здорово.

— Просто я не готова это обсуждать. — Я качаю головой. Он, должно быть, думает, что я по-настоящему скучная, даже зануда.

Оуэн останавливает машину перед моим домом.

— Все в порядке. Для беседы с хорошенькой девушкой я могу придумать тему получше.

— Например?

— О башмаках, о кораблях, о сургучных печатях...

— О капусте и о королях, — смеясь, заканчиваю я. Я читала «Алису в Зазеркалье» не меньше дюжины раз.

Я тянусь к дверце машины.

— Нет, подождите! Позвольте мне.

Оуэн выскакивает на улицу и мчится вокруг автомобиля, а я снова устраиваюсь на сиденье. На моих губах играет улыбка. Правильная, добропорядочная жизнь, безусловно, имеет свои преимущества. Уже второй раз за неделю молодой мужчина обращается со мной как с леди, а не как с какой-то «девчонкой с подмостков». Из-за этого я чувствую себя... особенной. Однако, не успев добежать до двери, Оуэн спотыкается и летит прямо в грязь. Только что он был здесь — и вот уже лежит распластавшись на земле. Я дергаю ручку и выпрыгиваю наружу, стараясь не наступить на Оуэна.

— Вы в порядке?

Он поднимается на ноги и отряхивает свой костюм:

— Да. Но что там говорят о гордыне, которая предшествует падению?

Я сдерживаю смех:

— Никогда этого не понимала. Я всегда считала, что гордыня просыпается после.

Оуэн дарит мне смущенную улыбку:

— Уверяю, в пословице истинная правда.

Я улыбаюсь в ответ:

— Что ж, спасибо, что подвезли.

Оуэн вытирает ладони о штаны и только потом берет мою руку и целует ее.

— Я получил удовольствие, мисс Ван Хаусен. Особенно удался фееричный финал.

Я вижу пятнышко грязи на одной из его скул и улыбаюсь. И тут Оуэн сжимает обе мои ладони в своих. Его руки теплые и нежные и — к моему облегчению — не передают мне никаких эмоциональных сообщений. Смеющиеся голубые глаза Оуэна вдруг становятся серьезными, и у меня замирает дыхание.

— Не хочешь как-нибудь сходить со мной на танцы?

— Зачем? — спрашиваю и тут же хочу отвесить себе пинок. Я могу с легкостью взломать замок или влезть в чужой карман, могу заставить карты исчезать и внезапно появляться, могу вломиться в тюрьму маленького городка и скрыться незамеченной... Но поставьте рядом милого парня, и я превращаюсь в деревенскую дурочку.

— Потому что ты мне нравишься.

Я опускаю взгляд, пытаюсь скрыть свое замешательство. Я нравлюсь ему? Не слишком ли быстро все происходит? Я снова смотрю на Оуэна. Он растягивает губы в улыбке, ямочки на щеках углубляются, а на лоб падает прядь волос. С другой стороны, может, так все и должно происходить. Я выбрасываю из головы комментарий о Гарри Гудини и улыбаюсь в ответ.

— Возможно.

Оуэн смеется:

— Возможно?

Слишком смущенная, чтобы говорить, киваю.

Он пожимает мою руку:

— Отлично, Анна. Скоро увидимся.

Развернувшись, я иду к парадной двери и жду, пока пыхтение машины Оуэна отдалится. И только потом позволяю себе оглянуться через плечо. События сегодняшнего вечера захлестывают меня. Я всегда уставшая после выступления, но сегодня, еще и после схватки с матерью, кажется, что даже мои кости вот-вот рассыплются.

Внезапно волоски на затылке и руках встают дыбом, и по коже холодком пробегает предчувствие. Теми самыми пальцами, которыми я так часто взламывала замки, неловко вожусь с ключом. Как ребенок боится заглянуть под кровать, так и я в ужасе от необходимости оглянуться и посмотреть, что там... за моей спиной. Вор? Или что похуже? Замок поддается, я влетаю в здание и захлопываю за собой дверь, напоследок скользнув взглядом по крыльцу.

Ничего.

Но я до сих пор чувствую... оно там... скрывается. И чем бы это ни было, в ближайшее время оно никуда не исчезнет.

* * *

— Перестань дуться и помоги мне выбрать шляпку.

Я лежу на кушетке и читаю старую копию журнала «Сфинкс», стараясь не обращать внимания на маму, которая все утро крутится поблизости. Не замечать мадам Ван Хаусен — моя лучшая защита, и ее худший кошмар.

Я приподнимаю бровь и бросаю на маму быстрый взгляд. Сегодня на ней темно-бордовый костюм из мягкой камвольной шерсти с юбкой чуть ниже колен. Цвет приятно оттеняет кремовую кожу лица. Своей кожей мама всегда гордилась и порицала моду на белые напудренные лица. Сама она пользовалась порошком лишь по вечерам или во время выступлений.

Мама ставит на кофейный столик две коробки и достает сначала желто-зеленую шляпку-клош, а затем — черную.

И как всегда, я разрываюсь между желанием угодить матери и инстинктом самосохранения. После недолгой борьбы, я вздыхаю и откладываю журнал.

— Черная. Она будет хорошо смотреться с платьем, когда ты снимешь пальто.

— Хм... Я думаю... пожалуй, зеленая.

Ну конечно, зеленая. Я беру карты и тасую колоду.

Мама надевает шляпку и крутится передо мной:

— Как я выгляжу?

— Прекрасна, как всегда. Куда ты идешь?

— Обедать с Жаком.

Внутри вспыхивает беспокойство, и я потираю виски.

— А потом?

— Не знаю. — Мама хмурится. — А что?

— Мы работаем сегодня вечером? — Речь, конечно, о спиритическом сеансе. Театр закрыт по воскресеньям, чтобы набожные прихожане не волновались.

Мама качает головой:

— Нет. Жак считает, что мы должны устраивать лишь несколько сеансов в месяц. Это добавит им исключительности и повысит цену.

Я вздыхаю с облегчением, а мама сводит брови.

— Хорошо проведи время и не трать слишком много денег, — говорю я прежде, чем она сможет упрекнуть меня за отношение к делу. И это работает.

— Не волнуйся так сильно о деньгах, дорогая. — Мама берет сумочку и перчатки, и я провожаю ее до двери. — Теперь у нас их будет много. — Она покровительственно гладит меня по плечу. — И не жди меня; не знаю, во сколько вернусь. А теперь мне и правда пора. Жак, наверное, уже внизу. О, и я заказала новую ткань для воплощения духа. Она еще более «призрачная» чем та, что мы используем сейчас, и подходит просто идеально! Сможешь забрать ее для меня?

Я смиренно киваю.

Мама пишет указания на листке бумаги и, отдав его мне, идет к выходу. Я поворачиваюсь к окну, чтобы увидеть, как она сядет в машину Жака.

И тут мамин крик сотрясает воздух.

Я резко разворачиваюсь, ожидая увидеть как ее утаскивает неизвестный враг. Но мама все еще здесь, стоит застыв в дверях. Я в мгновение ока оказываюсь рядом, выставив руки

перед собой и жалея, что не захватила нож-бабочку или что-нибудь другое, что можно использовать как оружие.

Но в коридоре никого нет.

Потом я замечаю мамин вытянутый палец и, посмотрев, на что он указывает, шумно втягиваю воздух. На нашем пороге лежит канализационная крыса размером с небольшую кошку.

— Что это? — спрашивает мама хриплым голосом.

Я сглатываю, мой пульс начинает успокаиваться.

— Это просто крыса.

— Как она сюда попала, и что нам с ней делать? — Как всегда, мадам в полной растерянности.

— Иди к Жаку, — говорю, прикоснувшись к маминому плечу. — Я обо всем позабочусь.

В ее глазах отражается искренняя благодарность. Наклонившись, мама целует меня в щеку и шепчет:

— Спасибо.

Затем осторожно обходит мертвое животное и спешит вниз по лестнице.

Я влетаю обратно в квартиру — и к окну. Как раз вовремя, чтобы увидеть, как мадам Ван Хаусен восходит в элегантный «Пэкард»^[8] Жака. Я тяжело вздыхаю и, захватив из-под раковины тряпку, с ее помощью поднимаю крысу за хвост. Смотрю на ее пустые карие глазки и длинные желтые зубы и думаю: что же ее убило? Содрогнувшись, я бросаю труп в мусоросжигательную печь

Едва вернувшись в квартиру и заперев за собой дверь, прислоняюсь к ней спиной тяжело дыша. Я живу здесь больше месяца и никогда не видела следов грызунов. Так каким образом один из них закончил свою жизнь в передней, прямоком перед нашей дверью? Стечение обстоятельств? Или же кто-то подбросил крысу специально для нас? Пытаясь успокоиться, я делаю глубокий вдох. И мысленно перебираю все остальные события, произошедшие на прошлой неделе. Видения. Уолтер. И то, что я начала чувствовать чужие эмоции, даже не прикасаясь к людям. Все это связано? Если да, то как?

Что-то вертится на самом краю сознания, какая-то мысль, и я делаю еще один глубокий вдох, позволяя ей оформиться.

Коул.

Все начало меняться, когда я впервые встретила Коула.

Я иду в гостиную и останавливаюсь у окна, невидящим взглядом уставившись на улицу. Обхватываю себя руками и напряженно думаю. Одна мысль цепляется за другую. Первое видение о маме случилось сразу после того, как я столкнулась с Коулом на улице. И он был рядом, когда я впервые в жизни стала проводником для мертвого парня. Но это безумие! Как Коул может влиять на мои способности? И как мне все выяснить, не выдав себя?

Одно можно сказать наверняка. Если я хочу сберечь маму от опасности — лучше во всем разобраться.

Все утро и часть дня я провожу за уборкой, позволяя этой домашней рутине успокоить мои суматошные мысли.

Неважно, что я думаю о Жаке — он обеспечил нас прекрасной квартирой. Здесь есть современная кухня — первая в моей жизни — с газовой плитой, горячим и холодным водоснабжением и крошечными черно-белыми плиточками на полу. Рабочая зона тянется вдоль всей стены, перед солнечным окном стоит небольшой деревянный стол. А рядом с кухней — неслыханная роскошь — моя собственная спальня, которую, опять же впервые в жизни, не приходится делить с матерью.

Закончив с уборкой, смотрю на часы. Уходить еще слишком рано. Мамино поручение придется отложить на потом, так как у меня другие планы на сегодняшний день. Планы, из-за которых я нервничаю и постоянно дергаюсь. Кусая губы, иду в свою комнату и достаю шляпные коробки. Вынимаю наручники и защелкиваю их. А затем открываю. Снова и снова. Действие успокаивает. Убрал наручники на место, достаю старую листовку, на которой Гудини заперт в ящике. Я смотрю на него, как будто он не нарисованный, а настоящий. Уверена, что знаю, как Гудини удалось выбраться, оставив ящик запертым и обмотанным цепями. Нужно лишь, чтобы кто-нибудь заменил длинные болты на короткие. Конечно, иллюзионисту понадобился бы инструмент... Хотя точно не знаю, где он его прятал. Может, в волосах?

Я все еще смотрю на листовку и вспоминаю тот первый раз, когда мама сказала мне, что Гудини мой отец. Мне года четыре или пять, и это тот редкий случай, когда она не работала и не проводила время с каким-нибудь джентльменом. Не помню, как назывался город, но он казался милым: с чистыми тротуарами и сверкающими витринами магазинов. Мама купила мне леденец на палочке, и, пока мы прогуливались рука об руку, я облизывала сахарную сладость. Солнце приятно припекало спину, и мама объясняла мне разницу между шляпкой, которая в любые времена будет смотреться великолепно, и той, что устареет уже через год. Помню, что больше интересовалась леденцом, чем мамиными словами, но было приятно, что она говорит со мной как со взрослой. А потом она вдруг застыла, глядя на гигантскую афишу в витрине.

— Что это, мамочка? — спросила я.

На секунду показалось, что мама промолчит, но потом она наклонилась и подхватила меня на руки. Помню, как извивалась и вырывалась из ее объятий, не желая, чтобы со мной обращались как с младенцем на людях, но мамины руки сжались крепче, и я затихла.

— Смотри, *kis szerelem*^[9], — мягко произнесла она, перескакивая на родной венгерский, на котором разговаривала все реже и реже. — Это твой отец.

Я растеряно озиралась по сторонам, пока мама не указала на афишу. И тогда я увидела изображение мужчины, чьи глаза, казалось, смотрели прямо на меня.

— Этот человек — мой отец?

Должно быть, игра света, но на мгновение мне показалось, что мы стоим там все вместе, втроем. Но это было лишь наше с мамой отражение в витрине. Той ночью мама впервые рассказала мне, как они с Гудини встретились и как появилась я.

Интересно, что-нибудь в ее истории было правдой?

Положив листовку на место, я беру приглашение, которое вручил мне зазывала.

Ипподром находится на шестой авеню — не так уж и далеко отсюда.

Снова спрятав свою коллекцию, я быстро обедаю и надеваю пальто. В октябре во второй половине дня солнце светит гораздо слабее и дает меньше тепла. Прежде чем отправиться на представление, я исследую район. Некоторые здания разделены на квартиры, как наше, другие сохраняют свой статус величественных домов на одну семью с широкими ступенями и коваными перилами. Это не шикарный район, но вполне респектабельный, так что я оказываюсь в самой гуще среднего класса.

Повсюду я вижу обычных людей: матерей, вышедших на свежий воздух со своими малышами, и детей, играющих на улице. Молодые женщины выглядят так, будто слеплены из одного и того же теста: в одинаковых платьях до щиколотки с косым подолом, в шляпках-клош или в стиле хелмет и с болтающимися на руках браслетами. Дамы прогуливаются рука об руку и секретничают. От осознания, что лишь я гуляю в одиночестве, меня пронзает острая боль. Но ведь я всегда была одна...

Большинство девушек, которых я встречала, пугал мой скандальный образ жизни... и внешность моей матери. Пока я взламывала замки, обманывала вдов военных и выступала на сцене, другие девочки моего возраста учились в школе, помогали своим мамам по дому и, возможно, тайком сбегали на танцы по выходным. Те несколько друзей, которые у меня были, — уже взрослые люди из театральной среды. И так как мы постоянно переезжали, эта дружба в любом случае не длилась долго.

Пересекая улицу, я вспоминаю предчувствие, обрушившееся на меня прошлой ночью, и оглядываюсь по сторонам. Но сейчас чувствую лишь беспокойство от предстоящего похода на шоу Гудини.

Сажусь на трамвай, идущий в центр, и, оплачивая проезд, улыбаюсь беззубому водителю. Свободных мест много — воскресный день, как-никак, — и я усаживаюсь поближе к выходу.

Поглядев вокруг, достаю из сумки листовку и читаю заголовок:

«ФОКУСНИК СРЕДИ ДУХОВ».

Что это значит?

Зная скептицизм Гудини, я почти боюсь выяснить ответ. Как и большинство начинающих исполнителей, едва только вступив в этот мир, Гудини стал показывать карточные фокусы, душить людей в «угадай, где горошина» и прочих ярмарочных развлечениях. И все ради выживания. Он также утверждал, что говорит с мертвыми, и доказывал это удивительными представлениями. А когда «магия» Гудини начала приносить прибыль, он открестился от всех своих трюков. Но не от знаний, которые получил, выполняя их.

Долгие годы он занимался лишь собственной карьерой и не задумывался о медиумах, обманом вытягивающих у публики деньги. Но все изменилось, когда умерла обожаемая мать Гудини. Он отчаянно пытался войти с ней в контакт и предложил огромное вознаграждение тому, кто сможет призвать ее дух. Многие пытались, но Гудини всех обличил в мошенничестве. Он ожесточился, все больше убеждаясь, что связь с духами попросту невозможна. И вскоре главной целью его жизни стало показать всем, что спиритизм — фальшивка.

Я выхожу из трамвая и полквартала до Ипподрома иду пешком. С этими величественными шпилями, флагами и декоративными деталями он напоминает, скорее, замок, неуместный среди деловых улиц Нью-Йорка. Люди уже толпятся у входа, и я

присоединяюсь к очереди.

Теперь я одна из толпы.

Плачу за свой билет, как все остальные. Покупаю завернутый в бумагу горячий крендель, как и все в толпе. И, как и все остальные, занимаю свое место в громадном зрительном зале.

Но как дочь Гудини, достаю блокнот и карандаш, чтобы делать заметки обо всем, что увижу. Люди вокруг напряжены и взволнованы, а я вновь понимаю, насколько же он знаменит.

И вот Гудини появляется. Я задерживаю дыхание. Конечно, я видела его представления прежде. В детстве была на пристани, когда он прыгнул в Гудзон. В Чикаго видела его висящим на высоте восьмизэтажного дома и высвобождающимся из смиренной рубашки. Но тогда я была вместе с мамой, которая привела меня перед самым «освобождением» и увела сразу после. Это совсем другое. Сейчас я могу посвятить изучению Гудини все свое свободное время.

Он выходит на сцену, и я подаюсь вперед; напряжение тугим узлом скручивает внутренности. Он ниже ростом, чем я помню, мощный и мускулистый. Но что действительно удивляет, так это его голос. Внешность Гудини буквально кричит о мужественности, однако голос... высокий, почти женский — совсем не подходящий.

— Я заявляю, что за двадцать пять лет исследований так и не нашел ничего, что убедило бы меня в существовании связи между духами умерших и теми, кто еще во плоти.

Я вспоминаю спиритическую доску, и по коже ползут мурашки. Интересно, что этот великий скептик сказал бы об Уолтере?

Гудини продолжает объяснять, что он критикует не спиритизм как религию, а лишь тех медиумов, которые используют чужое горе, дабы выманить у людей деньги.

Я чувствую неловкость — он говорит о таких, как мама и я, — но стараюсь сохранять спокойствие и следить за мыслью лектора.

— Вообразите ужас на лице медиума, когда посреди сеанса я скину свою маскировку и закричу: «Я Гудини, а вы обманщик!»

Кровь застывает в моих жилах. О да, я могу такое представить.

Он рассказывает, как медиумы изучают своих клиентов перед каждым сеансом, и я вспоминаю, сколько провинциальных кладбищ пришлось посетить, прежде чем мы с мамой начали свое дело. И как часто я тайком подслушивала в магазинах, вылавливая интересные обрывки информации, которые могли бы потом пригодиться.

Гудини заканчивает говорить о расчете и подготовке, присущих спиритическим сеансам, и на сцену выходит его ассистент.

— А сейчас я покажу вам несколько уловок, которые используют медиумы, чтобы заставить наивную публику поверить в их ложь.

Они начинают с трюка с грифельной доской: когда клиент получает письменное послание от духа «с того света». Гудини показывает палец с небольшим кольцом, в котором спрятан мел. Дальше следует демонстрация того, как медиум может незаметно написать что угодно на обратной стороне доски, пока та находится между ним и клиентом. А после отвлекающего маневра (обычно создаваемого помощником) доску переворачивают — все так же незаметно для клиента.

Мое сердце сжимается. Один из лучших маминых приемов отныне бесполезен. Нам придется придумать целую кучу новых трюков, не подвергшихся «проверке Гудини».

Карандаш летает по бумаге, пока Гудини повествует о других уловках, многие из которых мы с мамой использовали бесчисленное количество раз. Глотание горящих углей (на самом деле это лишь ватные шарики, которые окунули в подожженный спирт); таинственное постукивание (хитрый механизм в одной из моих туфель); левитирующий стол (медиум или помощник сами поднимают его ногой).

С каждым новым предложением, с каждым разоблаченным приемом мой ужас растет. Человек, который, по словам мамы, является моим отцом, в эту минуту лишает нас средств к существованию.

Мои ноги подрагивают от желания убежать и спрятаться. Я убираю блокнот в сумку и сжимаю вельветовые подлокотники. Я пришла сюда, чтобы встретиться с Гудини — и я с ним встречаюсь.

По просьбам зрителей, он завершает шоу несколькими из любимых «освобождений». И я отвлекаюсь от собственных мыслей, наблюдая за каждым его шагом, каждым трюком, каждым действием. Отмечаю драматические интонации голоса Гудини, его крупные размашистые жесты, его работу с публикой.

А под занавес звучит объявление, что книгу Гудини «Фокусник среди духов» можно приобрести в атриуме и что автор лично будет подписывать экземпляры.

Это мой долгожданный шанс, и я соскальзываю с места, надеясь избежать толкотни.

Не тут-то было. К моменту, когда мне удастся купить книгу, очередь тянется уже чуть ли не до парадного входа. Я морщусь от смеси неприятного запаха тел и аромата духов. Каждый зритель хочет рассказать Гудини свою историю. Он склоняет голову и подает правильные реплики, но я знаю, что он практически не слушает. Уверена, мысленно он уже перенесся к следующему мероприятию своей невероятно насыщенной жизни.

И вот подходит моя очередь.

Затаив дыхание, я вглядываюсь в лицо Гудини, ожидая увидеть... что-то. Возможно, замешательство или неосознанное узнавание. Но он смотрит на меня так же, как смотрел на человека передо мной, — вежливо, мило, открыто.

Интересно, как бы изменилось выражение его лица, знай Гудини, чем я зарабатываю на жизнь?

Книга жжет мне пальцы, и я сую ее на подпись так, будто обложка может меня укусить.

— Подписывать для кого-то конкретного?

Я избегаю его взгляда, словно он способен прочесть вину в моих глазах.

— Да, пожалуйста.

Он ждет, на лице отражается нетерпение.

— Имя?

Я откашливаюсь:

— Анна.

— Просто Анна?

Не в силах говорить, киваю.

И вижу, как появляется надпись: «С наилучшими пожеланиями. Гарри Гудини».

С наилучшими пожеланиями.

Внутри вспыхивают негодование и гнев, когда к Гудини подходит миниатюрная брюнетка и шепчет что-то ему на ухо. Его жена. Он гладит ее по руке и протягивает мне книгу с отстраненной улыбкой.

Мне следует уйти, но я не двигаюсь с места — ноги будто вросли в пол.

Гудини смотрит на меня, вскинув брови:

— Да?

Я указываю на книгу:

— Вам следовало назвать ее «Чего не следует делать».

Он склоняет голову:

— И почему же?

— Потому что ни один медиум больше никогда не будет использовать эти приемы... но мы оба знаем, что они просто придумают новые, не так ли? — Я холодно улыбаюсь и ухожу.

— Подождите, — зовет Гудини, но я продолжаю двигаться к двери и смешиваюсь с толпой.

Оказавшись на улице, несколько раз глубоко вдыхаю морозный воздух.

Мой отец, человек, с которым я знакома лишь по кинохроникам, фильмам и вырезкам из газет, теперь слишком реален. И он мой враг.

«Иди. Продолжай двигаться».

Я спешу мимо трамвайной остановки, сжимая в руке книгу Гудини.

Я знала, что он работал с Американским Научным Сообществом, и читала его пространные обличительные статьи в газетах, но все равно оказалась не готова к произошедшему.

Все, над чем мы с матерью так усердно работали, висит на волоске из-за Гарри Гудини. Да, я ненавижу спиритические сеансы и жду не дождусь, когда мы сможем перестать их проводить, но они всегда помогали нам выживать. Порой от успешности сеанса зависит, будет ли у нас крыша над головой и с полным ли желудком мы ляжем спать или с пустым.

Выступления Гудини направлены на разоблачение медиумов, но что бы он сказал, встретив настоящего? Того, кто действительно общался с мертвыми, или видел ужасающие картины будущего, или чувствовал эмоции других людей.

Кого-то вроде меня.

Я сталкиваюсь с прохожим на оживленном тротуаре и перехожу на другую сторону улицы, чтобы избежать толпы. Прямо сейчас я не желаю чувствовать чужие эмоции. Мои собственные мысли кружат в голове, цепляясь друг за друга, каждая тревожней предыдущей. Мы с мамой так близко подошли к тому, чтобы оставить позади кочевой образ жизни. Я с содроганием представляю, скольких рьяных скептиков вдохновит эта последняя атака Гудини. Что, если они подвергнут нападкам наше шоу? Я очень хочу выбросить книгу в канаву, но не могу. Мне нужно знать, какие еще из наших приемов мой предполагаемый отец препарировал. Засовываю том в сумку и продолжаю двигаться с одной тускло освещенной улицы на другую.

— Простите, мисс, не подкинете старику немного денег?

Застигнутая врасплох, смотрю на морщинистого нищего передо мной. Его грязная одежда говорит о многом, и я не задумываясь тянусь за кошельком. Сюю старику банкноту и, не обращая внимания на его благодарственное бормотание, нахмурившись оглядываюсь вокруг.

И не узнаю окрестности.

Я шла на восток или на запад? Это точно уже не театральный район. Нет никаких манящих ресторанов и оживленных магазинов. Строения здесь ветхие, покосившиеся. Неторопливо прогуливающиеся семьи сменились грубыми мужиками, прошмыгивающими в здания без опознавательных знаков. Кое-кто кидает на меня косые полные любопытства взгляды, и я понимаю, насколько неуместно здесь смотрюсь в своем синем шерстяном пальто и черных туфельках «Мэри Джейн». Те немногие женщины, которых я вижу, одеты в поношенные бесформенные платья до лодыжек и тяжелые шали — единственная защита от холода.

Я заворачиваю за ближайший угол, чтобы посмотреть название улицы и получить хоть какую-то подсказку о том, в каком направлении идти дальше. Зловонный, пропитанный солью и смолью запах реки здесь сильнее, а улицы — уже. Я, видимо, недалеко от доков. Кусая губы, прижимаю сумку к груди и пытаюсь выглядеть увереннее, чем чувствую себя на самом деле.

Когда миную полуразрушенное здание с затемненными окнами, дверь его

распахивается. Наружу вырывается свет и музыка и выходит грузный мужчина, держа другого человека за лацканы пиджака.

— И без денег не возвращайся, понятно, скряга! — говорит верзила, бросая жертву в сточную канаву.

Я застываю. Сердце бешено колотится.

Верзила пялится на меня:

— Ты заходишь?

Я мотаю головой, и он, пожав плечами, делает шаг назад и захлопывает дверь.

Человек в канаве стонет, и я хочу помочь ему, но парализована страхом. Я наконец понимаю, в какой опасности нахожусь. Обхожу пострадавшего стороной и ускоряю шаг. Над головой мерцает несколько уличных фонарей, освещая путь, и я вижу впереди поворот. Спешу туда, стараясь не бежать. Я на пересечении Вест-Энд авеню и пятидесятой улицы. Мы живем на семьдесят четвертой. Напрягаю память, пытаюсь вспомнить расположение улиц в Нью-Йорке.

Иду дальше, надеясь, что выбрала правильное направление. Прохожих становится все меньше; поднявшийся ветер гоняет мусор по потрескавшемуся тротуару. Я слышу за спиной какой-то шум. Сердце подкатывает к горлу. Я останавливаюсь, и все затихает. Снова начинаю двигаться — и звуки возобновляются. Шаги. Я тяжело дышу и изо всех сдерживаюсь, чтобы не побежать. Кэм Ли, акробат из Сан-Франциско, как-то сказал мне, что страх привлекает преступников, а уверенность — отпугивает. Ли отказался обучать меня кунг-фу, считая, что для девочки оно не годится, но научил меня агрессивной походке.

Я выпрямляюсь и расправляю плечи. Удлиняю шаг, и теперь моя походка из скованной превращается в высокомерную.

Как бы ненароком, оглядываюсь через плечо. Это мое воображение, или нечто только что скрылось в тени? Меня преследуют?

Иду быстрее и снова слышу за спиной шаги. Сглотнув, нащупываю нож-бабочку, который ношу в сумке с тех пор, как несколько лет назад в Канзасе нас с мамой ограбили.

Я стараюсь сохранять спокойствие, но мои чувства обострены. Сначала это обычные сигналы опасности, я ощущаю угрозу... затем — злобу, глубокую и удушающую. Она накатывает постепенно, волнами, и окутывает меня со всех сторон. Дыхание замирает, и я рывком вытаскиваю из сумки нож. Сжимаю его в руке и, разом забыв все уроки Кэма Ли, бегу.

Шаги следуют за мной, не слишком приближаясь, но и не отставая. Слезы застыли глаза, и вскоре я уже не слышу ничего, кроме своего тяжелого дыхания. Сердце бешено стучит, голова кружится. Если ничего не предприму в ближайшее время, то просто рухну в изнеможении, и меня поймают.

Я резко останавливаюсь и разворачиваюсь, стискивая в руке нож. Кэм Ли говорил, что лучше встретиться с противником лицом к лицу, чем убегать. Если мой преследователь думает, что я легкая добыча, то его ждет сюрприз.

«Иди сюда и возьми меня», — думаю, щелчком обнажая лезвие.

— Анна! Анна!

Внезапно кто-то обхватывает меня со спины, и я кричу. Молниеносным движением запястья опускаю нож и режу удерживающую меня руку. И отскакивая в сторону, слышу приглушенные проклятия. Нож со стуком падает на землю.

— Анна! Все в порядке. Это я!

Потрясенная, смотрю во встревоженные карие глаза Коула Арчера.

Инстинктивно тянусь за ножом, но Коул оказывается быстрее и отшвыривает оружие в сторону прежде, чем я успеваю до него добраться. Я оседаю на землю, глядя на соседа дикими глазами и не в силах отдышаться.

— Анна, все хорошо. — Его голос успокаивает, и я расслабляюсь, хотя и не понимаю, что происходит.

Почему он здесь? Может, это был он... но как только в голову приходит эта мысль, я тут же ее отбрасываю. Дыхание Коул ровное, а одежда — чистая, опрятная. Он протягивает руку и, все еще держа меня в поле зрения, наклоняется и поднимает нож.

— Не хочешь рассказать, что произошло?

Судорожно втянув воздух, открываю рот, чтобы ответить, но вместо этого начинаю рыдать.

Коул тянется ко мне, я позволяю себя обнять, прижимаюсь крепче и дрожу. Меня окутывают его тепло и сила, и я делаю еще один глубокий вдох. И чувствую исходящие от Коула волны беспокойства. Это первый раз, когда мне удается его прочесть.

— Кто-то шел за мной.

Он изучает улицу за моей спиной.

— Там никого нет.

Глаза застилают слезы, и сквозь них я тоже смотрю в ту сторону, но улица почти пуста.

— Кто-то был там, — говорю уверенно.

Но я все еще чувствую скрывающуюся в темноте угрозу, хотя и не так отчетливо. Жду, концентрируюсь, и пульсирующее ощущение постепенно проходит, шаг за шагом, как будто источник опасности от меня отдаляется.

— Уходит... — бормочу еле слышно. И чувствую, как Коул кивает, принимая мои слова, хотя даже сама не понимаю, что имела в виду. Такие знакомые, такие привычные способности, кажется, меняются, растут и превращаются в нечто неузнаваемое.

Я вспоминаю, к каким выводам недавно пришла, и гадаю, действительно ли все это вызвано появлением в моей жизни Коула. Чувствуя неловкость, разворачиваюсь, и вдруг вижу его буквально в паре сантиметров, так близко, что могу разглядеть махагоновые и золотые вкрапления в карей радужке глаз. Краска смущения приливает к щекам, и я неуклюже высвобождаюсь из объятий Коула. Откашлявшись, он протягивает мне платок. Я отворачиваюсь и вытираю лицо, расстроенная как своей реакцией на эту близость, так и слезами. Потом возвращаю промокший платок, стараясь не смотреть на соседа.

— Спасибо.

— Ты в порядке? Он ничего не?..

Я отрицательно качаю головой:

— Я даже не видела, кто это был.

— Хорошо.

В ужасе смотрю на разрезанный рукав Коула:

— Я тебя ранила?

— Нет. Но была к этому близка. — Он бросает взгляд на нож в своей ладони и скидывает бровь. — Что это за оружие?

Смущенно опускаю глаза.

— Балисонг — нож-бабочка. — То есть не то, что настоящая леди станет носить в сумочке.

Нахмурившись, Коул вертит оружие в руках. Нож раскладывается на три части, удерживаемые шарниром: две изящные половинки костяной рукояти и само лезвие.

— И ты носишь его, потому что?.. — В голосе слышится веселье, но в то же время Коул озадачен, наверняка гадает, зачем порядочной молодой девушке понадобилось такое оружие.

Может, дело в том, что меня нельзя причислить к категории порядочных?

— Для защиты. — Чувствуя его любопытство, беру нож и ловко проворачиваю в руке — части складываются со зловещим щелчком лезвия, и глаза Коула расширяются. Я еще пару раз открываю и закрываю балисонг, а затем убираю его обратно в сумку.

— Откуда он у тебя?

— От Швайнгарда Великолепного. — Неверие отражается на лице собеседника, и внезапно я раздражаюсь. — Шпагоглотатель. Он дал мне нож и научил им пользоваться.

— Шпагоглотатель? — Его голос недоверчиво повышается.

Внутри вспыхивают стыд и разочарование, и я отворачиваюсь. Я вспоминаю, как каждую ночь в обеденном шатре Швайнгард отдавал мне свой десерт, как волновался, если я гуляла в одиночестве, и как пытался не смеяться над моими неуклюжими попытками метать ножи. Я любила Швайнгарда, так почему должна этого стыдиться? Потому что он недостаточно уважаемый? Потому что он из цирка, а руки его покрыты татуировками?

— Может, лучше вернемся домой? — спрашиваю, нарочно меняя тему. Кто-то такой благопристойный и правильный, как Коул, не поймет мою цирковую семью.

— Конечно.

Он протягивает руку, и я вновь не понимаю его эмоций. Не то что они перемешаны и неразборчивы, как у некоторых... Нет, их просто будто не существует.

— И что же ты здесь делала, спрашивается? Это небезопасный район, особенно ночью.

От этих слов гнев накрывает меня с головой, и я отвечаю:

— Вышла прогуляться и заблудилась.

Коул хмурится:

— Ты не должна ходить одна по ночам. О чем думает твоя мать?

Я останавливаюсь и отдергиваю руку:

— Мне абсолютно ничего не угрожало! — И тут же исправляюсь: — Ну, пока я не заблудилась. Кстати, а что ты здесь забыл, раз это такой плохой район?

— У меня была назначена встреча, — быстро отвечает Коул.

Что за встреча может быть в таком месте в воскресенье ночью? Но я молчу.

Снова беру спутника за руку, и мы двигаемся дальше.

Он неловко прочищает горло, и мне приходит в голову, что, возможно, я смущаю его так же, как он меня.

— У тебя в городе есть семья? — спрашивает сосед, будто мы продолжаем тот недолгий разговор, который начали в кинотеатре.

— Нет никакой семьи, вообще. Только я и мама.

Я готова к неизбежному вопросу, и он не заставляет себя ждать:

— А как насчет отца?

— Я никогда его не знала, — пожимаю плечами. Пусть думает, что хочет. Я, конечно, не собираюсь признаваться, что являюсь ублюдком Гарри Гудини.

— Когда ты начала выступать на сцене?

Это настоящий интерес или просто вежливость? Я украдкой кошусь на Коула. Лунный свет смягчает черты его лица, отчего он выглядит моложе и менее сдержанным. Внезапно

меня охватывает желание, чтобы он понял, что дружба со шпагоглотателем не означает, будто я цирковой отброс, и что некоторые из этих так называемых уродцев — самые приятные люди из всех мною встреченных.

— Думаю, мне было лет восемь или девять. До этого я только помогала матери проводить спиритические сеансы. В бродячем цирке все делают всё.

— И что делала ты? — пораженно спрашивает Коул, а я задираю подбородок.

— Я была девочкой-мишенью, — отвечаю гордо.

— Девочкой-мишенью?

Я ощетиливаюсь, раздраженная веселым скептицизмом в его голосе.

— Да! Настоящая ассистентка сбежала в Канзас с каким-то ковбоем, и Швайнгарду нужен был кто-нибудь, в кого метать ножи во второй части номера.

— А что он делал в первой части?

— Глотал шпаги. Он талантливый и замечательный, и я его обожала, — вызывающе заканчиваю я.

— Кроме случаев, когда он кидал в тебя ножи.

Несмотря на раздражение, я смеюсь и решительно отвечаю:

— Даже тогда.

На мгновение мне хочется рассказать Коулу, как мной выстреливали из пушки, но я отбрасываю эту идею. Сосед и так, наверное, уже думает обо мне самое худшее. Я привыкла, что окружающие осуждают мой необычный образ жизни, и не обращаю на это внимания. Но сама мысль о том, что Коул тоже осудит... ужасна.

Какое-то время мы идем молча, а потом он наконец говорит:

— Анна, твоя жизнь была такой захватывающей.

Мои глаза округляются. Такой реакции я уж точно не ожидала. Может, это и было захватывающе, но я бы с радостью променяла все приключения на один спокойный день, когда можно не волноваться о подлых импресарио, полиции и о том, где достать пропитание.

— А как насчет тебя? — Может, я смогу получить некоторые ответы из первых уст.

— Моя семья в Европе.

— И что они думают о твоём переезде сюда?

— Они знают, что это не навсегда.

Насколько Коул интересовался моей жизнью, настолько же неохотно он делится подробностями своей, не сообщая лишних деталей.

— Знаешь, Европа довольно большая... Нельзя ли поконкретнее?

Мои нервы звенят, как натянутые струны. Теперь сосед знает обо мне больше, чем кто-либо другой, за исключением мамы. Так что он должен поделиться хотя бы основными фактами о себе. Это будет справедливо.

К моему удивлению, он громко смеется:

— Полагаю, это справедливо.

Он что, телепат?

— Я тоже так думаю.

— Ну хорошо. Мои родители британцы, но отец работал на правительство, поэтому мы много путешествовали. Италия, Франция, Греция... Когда я достиг школьного возраста — меня отправили в интернат.

Я сразу же представляю сцены из «Джейн Эйр».

— Это было ужасно?

— Не совсем. Во всяком случае, не после окончания войны. Интернат находился в небольшом городке в западной Германии. И я четыре года практически не получал весточек от родителей.

— Кошмар!

Коул пожимает плечами:

— Не такой уж кошмар. Маленькая школа, в крохотном заштатном городишке. На самом деле война нас миновала. Больше всего учителя боялись, что старшим мальчикам придется сражаться на стороне Германии. К концу войны мне уже исполнилось двенадцать, и я был достаточно крупным для своего возраста. Работники интерната прятали нас каждый раз, как появлялись слухи о приближении солдат. Но самым страшным было не знать ничего о судьбе родителей.

Я невольно уточняю:

— И что с ними стало?

— С мамой все в порядке. А отец войну не пережил.

— Мне очень жаль.

Я украдкой смотрю на собеседника. Да, голос его небрежен, но лицо... напряженное и застывшее, словно маска, отчего Коул кажется еще более сдержанным, чем когда-либо. Смеющийся парень, шагавший рядом со мной еще несколько минут назад, полностью исчез.

— Вы были близки?

Он едва заметно улыбается:

— Насколько это возможно, когда тебя еще в детстве отправляют в интернат. Он был хорошим отцом, честным и искренне верил в свою работу. Мне повезет, если стану хотя бы в половину так же хорош, как он.

Я хочу сказать, что Коул уже на пути к этому, но молчу. Несмотря на ночную прогулку, связавшую нас некой интимной близостью, я едва знаю Коула. Я решаю сменить неуместную тему:

— Откуда ты знаешь Жака? Тебя ведь не случайно выбрали из зала на нашем последнем шоу, не так ли?

При свете уличного фонаря я вижу румянец на щеках Коула.

— Э-э-э... нет. Мистер Дарби познакомил меня с Жаком. После столкновения с тобой в передней, я хотел поступить должным образом и попросил его нас представить. Я ожидал официальной встречи, а не участия в шоу. И тогда меня позвали на сеанс.

Если б не его очевидное смущение, я бы расхохоталась. Я хочу спросить Коула о его уловке с двумя булавками, но боюсь услышать встречный вопрос о том, как я проворачиваю свой фокус. Поэтому снова меняю тему:

— Так что же ты делаешь в Америке?

На мгновение кажется, что он не ответит, но тут Коул тихо, словно самому себе, говорит:

— Думаю, что должен был найти тебя.

Мы как раз подходим к нашему крыльцу, и я замираю.

— Что ты имеешь в виду?

Лакричные глаза Коула загадочно мерцают. Почему я с такой легкостью прочитала его прежде и ничего не чувствую сейчас?

— Я хотел сказать тебе... — Он смущенно покашливает. — Ты восхитительна на сцене.

Я забываю, как нужно дышать. Коул опускает взгляд в землю.

— Ну, то есть... ты действительно хороша.

В груди зарождается приятное тепло.

— Спасибо.

Он поднимает голову и делает шаг ко мне.

— Твоя мать — мошенница, но не ты, ведь так, Анна?

Я выдергиваю ладонь из хватки Коула, тело напрягается, в голове звенит тревожный звонок. И что я должна сказать? Ответ разоблачит и меня, и маму. И тут меня озаряет:

— Именно поэтому ты не спорил, когда я сказала, что все еще чувствую преследователя?

Молчание я принимаю за согласие, и мое сердце пропускает удар. Как много Коулу известно? И самое главное, откуда?

Горло перехватывает. Повисает долгая пауза. Мне так о многом хочется спросить, но боюсь, что любой вопрос откроет обо мне больше, чем я узнаю взамен.

И в тот момент, когда я поворачиваюсь, чтобы открыть дверь, рядом с нами останавливается автомобиль Жака, и оттуда выходит мама. Она переделалась, значит, заходила домой, пока меня не было.

— Где ты была? Мы ищем тебя весь вечер.

— Вышла погулять и заблудилась. — Нет нужды упоминать о Гудини, хотя его книга, спрятанная в сумке, оттягивает плечо тяжелым грузом, словно одна из громадных цепей, что великий иллюзионист использует в своих номерах.

Мама поджимает идеально накрашенные губы.

— В самом деле, дорогуша, как можно быть такой легкомысленной? — И тут же скидывает брови, заметив, что я не одна: — Мистер Арчер?

В ее голосе слышится любопытство, и Коул быстро отвечает:

— Я встретил Анну, когда она заблудилась, и проводил домой.

Я бросаю на него благодарный взгляд, радуясь, что сосед не упомянул, как я в ужасе неслась через трющобы, когда он меня нашел.

— Как удачно для Анны, — бормочет мама.

Коул изысканно склоняет голову:

— Рад был помочь.

Формальность, которая исчезла во время нашей прогулки, вновь возвращается. Интересно, ему неловко из-за мамы?

Я стараюсь посмотреть на нее глазами постороннего человека. Сегодня на мадам Ван Хаусен наряд из лама и черная атласная накидка, расшитая хрустальными бусинами. На руках множество украшений, а на лице особенно яркий макияж. Она выглядит богато и устрашающе.

А может, Коулу неуютно просто потому, что он знает: мама — мошенница и обманщица.

Открывается задняя дверца автомобиля, и выходит Оуэн. Я чувствую, как Коул рядом со мной напрягается. Племянник Жака выглядит изысканным франтом в этих модных брюках с манжетами и тесной жилетке. Из утонченного щегольского образа выбивается лишь широкая улыбка, которая освещает лицо Оуэна, как только он видит меня. В сравнении с ним, сердито глядящий исподлобья Коул в простом черном костюме смотрится угрюмым гробовщиком. Я прячу улыбку.

— Карета подана, миледи! — Оуэн окидывает рукой темно-красный «Пэккард» Жака. — Куда путь держите?

Я скрещиваю руки на груди и, чувствуя неодобрение Коула, стараюсь не улыбаться

выходке Оуэна.

— Зависит от того, куда мы направляемся.

— На луну, дорогая, на луну! — Он подмигивает, и я громко смеюсь.

— Ох, оставьте ваши глупости! — восклицает мама. — Мы идем поужинать в «Колонию».

Она отправляет меня наверх переодеться, но я задерживаюсь. Смотрю на Коула, который по-прежнему сверлит Оуэна хмурым взглядом.

— До свидания, Коул, и спасибо... что проводил.

Он резко кивает на прощанье.

Я открываю дверь и напоследок слышу, как Оуэн представляется:

— Привет, старина. Я Оуэн.

Поднимаясь по лестнице вслед за мамой, фыркая, представив, как Коул отнесется к обращению «старина».

— Взгляни, что я купила для тебя сегодня! — говорит мама, как только мы подходим к моей спальне.

Я собираюсь отчитать ее за лишнюю трату денег, но тут вижу персиковое вечернее платье из жоржета, расшитое серебряным бисером и сверкающими стразами. Оно просто прекрасно. Не говоря ни слова, я позволяю маме помочь мне переодеться и подхожу к зеркалу, не в силах поверить в подобное преображение. Тонкая дымчатая ткань ненавязчиво льнет к моему телу и изящными складками ниспадает чуть ниже колен. Насыщенный яркий цвет подчеркивает темные волосы и придает коже приятный теплый оттенок. Впервые я чувствую себя почти столь же красивой, как мама. Я поворачиваюсь к ней с сияющими глазами.

— Оно восхитительное. Спасибо огромное!

Мама подходит к туалетному столику.

— Только ничего не пролей на него в ресторане. А теперь нужно поторопиться — мы достаточно заставили мальчиков ждать.

Она помогает мне с макияжем: подводка и тушь делают глаза глубже, а помада придает губам красивую изогнутую форму. Как только мама решает, что я готова, мы в рекордно короткое время спускаемся вниз к машине.

Я усаживаюсь рядом с Оуэном, наслаждаясь восхищением в его глазах. Он так красив с этими шелковистыми белокурыми волосами и ямочками на щеках, и мне не верится, что я еду в город с ним. Радостное предвкушение лишь немного омрачено присутствием мамы и импресарио на передних сидениях.

Несмотря на легкомыслие Оуэна, я понимаю, что он гораздо искушенней меня. Мужская версия модных вертушек, которых я видела на некоторых из наших представлений. Смотрю вниз на свое платье и бижутерию, которую мама нацепила мне на запястье, и чувствую трепет при мысли, что теперь тоже могу быть ошибочно принята за такую модницу.

— Ты выглядишь сногшибательно, — говорит Оуэн, пододвигаясь ближе.

— Спасибо.

Я улыбаюсь, уставившись на свои руки. И не зная, что бы такого еще сказать, прислушиваюсь к оживленной беседе мамы и Жака о людях, которых даже не знаю. Мама быстро превращается в жительницу Нью-Йорка, и это позволяет надеяться, что мы останемся здесь, вопреки охоте на ведьм, устроенной Гарри Гудини.

— Пенни за твои мысли. — Оуэн наклоняется ко мне.

От его близости сердце стучит быстрее. От него пахнет помадой для волос, джином и чем-то сладким, чему я никак не могу подобрать название.

— Всего лишь пенни?

— Все зависит от мыслей, разве нет? — нежно шепчет Оуэн, и у меня перехватывает дыхание.

Внезапно автомобиль влетает в крутой поворот, и Оуэн оказывается на моих коленях, а его шляпа — на полу.

Я кричу и скидываю руки. Оуэн быстро усаживается обратно с уязвленным выражением на лице.

— Мне правда пора прекращать выставять себя дураком перед тобой, — говорит он, нахлобучивая шляпу на затылок. — Это плохо сказывается на моем эго.

Я смеюсь, завидуя непоколебимой самоуверенности Оуэна. Он идет по жизни с такой непринужденностью... Хотела бы я быть похожей на него.

— Бьюсь об заклад, у тебя много интересных мыслей, — возвращается он к нашему разговору.

— Вообще-то, я думаю о том, как было бы здорово остаться в Нью-Йорке навсегда.

— Уверена, что не хочешь увидеть Европу? Ты талантливый иллюзионист и могла бы отправиться в мировое турне. Я люблю Нью-Йорк, но убил бы за возможность путешествовать из города в город, выступая на сцене.

— В самом деле? Я думала, ты работаешь в банке.

— Так и есть. Но я также немного балуюсь фокусами. — В неудачной попытке казаться скромнее, Оуэн опускает взгляд на свои руки.

Я приподнимаю брови:

— Не знала.

Я подозревала, что ему нравится магия, но впервые слышу, что он и сам этим занимается.

— Я начал еще в школе. Но, конечно, я не так талантлив, как ты или твой отец.

К счастью, мы как раз подъезжаем к точке назначения, и я избавлена от необходимости отвечать.

Оуэн говорит, что «Колония» — это место, куда искушенные нью-йоркцы приходят на других посмотреть и себя показать. И я понимаю, почему. Мое внимание сразу привлекают дикие полосатые стены, но удерживают его — сверкающие люстры и разодетые посетители. Похоже, метрдотель знает Жака, и нас ведут к столику ближе к центру зала. Как только мы усаживаемся, к нам подходит высокий кудрявый мужчина в черном шелковом костюме и представляется как Корнелиус Вандербильт. Он буквально поедает маму глазами, несмотря на присутствие рядом прелестной мышки-блондинки.

— Мы с женой были на вашей премьере, — говорит он. — Вы с дочерью замечательно выступили.

Мама склоняет голову и улыбается так ослепительно, что мужчины моргают.

— Огромное спасибо, мистер Вандербильт.

— Пожалуйста, зовите меня Корнелиус. Это моя жена Рэйчел.

Его жена натянуто улыбается:

— Приятно познакомиться. Дорогой, нам правда пора возвращаться к Голдам.

Она неохотно пожимает мне руку, и я чувствую летящие от Рэйчел искры ревности. И

вздыхаю с облегчением, когда Корнелиус бросает на маму последний долгий взгляд и уходит прочь вместе со своей собственницей-женой.

Оуэн наклоняется ко мне:

— Вандербильты просто отвратительно богаты. Я слышал, что для своей свадьбы они заказали двухсоткилограммовый торт.

Я пытаюсь представить, на что это могло быть похоже, но безуспешно.

— Хочу увидеть духовку, способную испечь такой торт, — шепчу в ответ.

Оуэн смеется, и я расслабляюсь. Жак заказывает четыре «колониальных особых».

— Что это? — спрашиваю я, и Оуэн наклоняется ближе.

— Коктейли с джином. Они довольно вкусные, если контрабандная партия была на уровне.

Я оглядываюсь и вижу, что практически у каждого в руках по коктейлю.

— Как им подобное сходит с рук в таком высококлассном ресторане?

— Здешний бармен, Марко Хаттем, держит весь алкоголь в грузовом лифте в служебных помещениях. Если заявятся федералы, он просто отправит все это дело на верхний этаж.

Я смеюсь, представляя, как коварный бармен жмет кнопку «вверх» всякий раз, как надвигаются неприятности.

— К тому же, думаешь, федералам хватит смелости устроить облаву на ресторан, в который постоянно ходят Вандербильты, Голды и Карнеги? — Оуэн играет бровями, и я улыбаюсь.

Официант приносит напитки, и мы все делаем осторожные глотки. Коктейль крепкий, с привкусом аниса и апельсина.

— Вкусно, — говорю с удивлением.

— Так выпьем же за удачную партию! — Оуэн поднимает свой бокал, и мама, Жак и я присоединяемся к тосту.

— Никогда не могла устоять перед торжеством! — щебечет Синтия Гейлорд позади нас. — Что празднуем?

— Успех, — быстро отвечает Жак, отсалютовав маме бокалом. Та склоняет голову и улыбается, довольная таким ответом.

Гейлорды подставляют стулья и усаживаются за наш столик, и официант обновляет напитки. Блистательная хихикающая Синтия в своей стихии, когда они с моей матерью и Жаком делятся сплетнями. Мистер Гейлорд наблюдает за этим снисходительно, а мама... вы бы никогда не догадались, что она презирает собеседницу.

Парочки в модных вечерних нарядах подходят к нашему столику, чтобы познакомиться с мадам Ван Хаусен. Молва уже сделала ее настоящей сенсацией в городе. Это странно после множества городов, где мы сталкивались лишь с полицейскими да сердитыми жителями. Мама как должное принимает знаки внимания, склоняя голову и одаривая всех ослепительной улыбкой. А мы просто греемся в лучах ее славы и потихоньку поглощаем устрицы, икру и сыр с плесенью, запивая «колониальными особыми».

И все это время Оуэн продолжает нашептывать мне всякие слухи. Некоторые из них несомненно правдивы, но другие настолько невероятные, что я понимаю: Оуэн делает это, чтобы меня развлечь. И ему удастся.

— Вон там Лоис Лонг, — говорит он, указывая на великолепную брюнетку в откровенном наряде. — Она ведет колонку скандалов в «Нью-Йоркере» под псевдонимом Помада. Говорят, она ночи напролет пьет, танцует и веселится со сливками общества, а к

четырем утра идет в свой офис. Там пишет статью, полную сплетен о людях, с которыми всю ночь развлекалась, а потом отключается прямо за столом.

Я пытаюсь представить такую жизнь и, выпучив глаза, пялюсь на Лоис. Она окружена блистательными людьми, которые ловят каждое ее слово. Тут я замечаю разодетого джентльмена, стоящего с краю от толпы — вроде бы вместе со всеми, но отдельно.

— Кто этот человек? Не похоже, что он хорошо проводит время.

— Это Винсент Астор. Он унаследовал миллионы от отца, погибшего при крушении «Титаника».

Титаник.

Слово эхом отзывается в голове, воскрешая воспоминания о первом видении — хотя я тогда была такая маленькая, что даже не поняла, что произошло. Мы с мамой шли по позднему весеннему снегу в поисках недорогого пансиона. В Денвере удача отвернулась от нас, и мои изношенные туфельки промокли насквозь. Когда меня ослепила первая вспышка боли, я остановилась и сжала голову руками. Мама заметила не сразу и какое-то время еще продолжала идти дальше. Потом она все спрашивала и спрашивала, что не так, но я не могла ответить, ошеломленная обрушившимися на меня образами. Разбитый корабль. Люди бегут, кричат, тонут в темной ледяной воде. И помню, что почувствовала невыносимый запах жженого сахара перед тем, как потерять сознание. Это было страшно, но ничто не сравнится с ужасом, который я испытала, впервые увидев газетные заголовки, перенесшие мои видения в реальность.

— Душенька, ты в порядке?

Я вздрагиваю, когда сидящая справа Синтия прикасается к моему плечу. Через ее пальцы чувствую обеспокоенность, приправленную взбалмошным незамысловатым счастьем. И хотя эти эмоции согревают меня, сердце тоскливо сжимается. Я не помню, чтобы хоть когда-то была такой беззаботной...

— Прошу прощения. Кажется, я замечталась.

— О, хорошо. А то на мгновение ты выглядела так, будто увидела призрака. — Синтия сопровождает свою шутку подмигиванием, и я отвечаю улыбкой.

Но слово «призрак» напоминает мне, что я хотела расспросить ее о том обществе любителей духов.

— Может, расскажете мне еще что-нибудь об Обществе психических исследований?

— О, милая, это просто удивительно! По крайней мере так говорят. Сама я, конечно, еще не была ни на одной встрече, но в нашей церкви выступает с лекциями некий английский гость. Его речи такие увлекательные. И очень научные.

Я фыркаю:

— Что у вас за церковь, куда приглашают ораторов, разглагольствующих о призраках?

Она смеется.

— Очень прогрессивная и с очень древними корнями. Сведенборгианская. Ее еще называют «Новая церковь». Вы с мамой как-нибудь обязательно должны заглянуть — там будут рады медиумам.

Синтия причислила меня к медиумам. Я вижу, как мама поджимает губы и встает из-за стола:

— Думаю, нам пора.

Все поднимаются следом, и пока Жак помогает маме надеть пальто, я хватаю Синтию за руку. Нельзя упускать такую возможность. Если существуют люди, подобные мне, я очень

хочу их найти.

— Я бы хотела как-нибудь посетить вашу церковь.

Синтия хлопает в ладоши:

— Чудесно! Это на тридцать пятой улице, между Лексингтон и Парк-авеню. Мы встречаемся в одиннадцать, по воскресеньям. Хотя лекции, как правило, проходят по вечерам. Я сообщу.

— Я приду, — обещаю.

Не знаю, виноваты ли «особые» напитки или насыщенный событиями день, но к тому моменту, когда мы готовы к отъезду, я в полном оцепенении. По дороге к автомобилю, наваливаясь на руку Оуэна и с облегчением понимаю, что не чувствую его эмоций, значит можно не беспокоиться.

— Похоже, ты была рождена для такой жизни, куколка, — шепчет он.

Я сонно улыбаюсь и поудобнее устраиваюсь на сиденье.

Моя голова мотается из стороны в сторону, и Оуэн пододвигается ближе.

— Можешь положить голову мне на плечо. Обещаю, что не буду кусаться.

Предложение слишком заманчиво, чтобы отказаться, и я с усталым вздохом пристраиваюсь на его плече.

Домой мы попадаем только к часу. Все еще опьяненная успехом мама весело предлагает мужчинам выпить по последнему стаканчику на ночь. К счастью, оба отказываются. Жак отговаривается тем, что маме необходимо выспаться, та улыбается и машет рукой.

Я следую за ней наверх, с трудом переставляя ноги. Когда прохожу мимо квартиры мистера Дарби, он высовывается наружу.

— От этих ночных шатаний недолго и заболеть, мисси, помяни мое слово!

И захлопывает дверь.

Мама зевает:

— Какой странный человек...

Я в ответ сонно улыбаюсь. На самом деле сосед имел в виду: «*Будь осторожна, мисси, я не хочу, чтобы ты заболела*». Приятно знать, что кто-то заботится о моем благополучии. Но объяснить это маме я даже не пытаюсь.

Я тру усталые сухие глаза, проклиная бессонницу.

Несмотря на то, что вернулась домой уже выжатая как лимон, читаю книгу Гудини до тех пор, пока еще в состоянии сосредоточиться. По крайней мере это помогает не думать о том, кто и почему за мной следил. Уже трижды за прошедшую неделю я чувствовала на себе чей-то взгляд, и уверена: причина не в моей неотразимости. Но не могу уснуть я не только из-за этого.

Я боюсь очередного видения.

Прежде видения всегда были о других людях и событиях — и никогда обо мне или маме. Так почему они вдруг стали касаться нашей жизни? Может, это на самом деле всего лишь сны? Я беспокоюсь ерзаю. Но если нет, не стоит ли попытаться что-то предпринять? Узнать больше? Но как? Голова пуста. Возможно, ответ в том исследовательском обществе. Однако, как бы я ни хотела найти людей с похожими на мои способностями, все мое существо восстает, стоит только подумать о том, чтобы раскрыть кому-то свою тайну. Как можно выставить на всеобщее обозрение то, что столько лет берег и защищал? Особенно если инстинктивно знаешь: от сохранения этого секрета зависит твое выживание.

Что самое худшее может со мной случиться, если о моих способностях станет известно? Вопрос затрагивает что-то болезненное и примитивное внутри меня, пульс учащается, но я заставляю себя все хорошенько обдумать.

Я никогда не смогу жить нормальной респектабельной жизнью. Люди станут ждать от меня определенных вещей, преследовать меня — и моему уединению придет конец. Пострадает даже моя магия: зрители буду приходить не для того, чтобы увидеть иллюзионистку Анну, а чтобы поглазеть на уродца Анну. И плевать, что сейчас они думают, будто у мамы есть особая сила — я не хочу быть девочкой, которая говорит с мертвыми или предвидит будущее. Не хочу быть медиумом. Да и мама — дыхание перехватывает, — мама никогда не позволит мне стать центром всеобщего внимания.

Я осознаю, что дрожу, и делаю несколько глубоких вдохов. Но какое это имеет значение? Если маме угрожает опасность, я должна рискнуть. Я решаю пойти на лекцию вместе с Синтией и узнать больше.

Выбросив это из головы, приступаю к обдумыванию следующей проблемы: Гудини и его вендетта против медиумов.

Действительно ли наш способ зарабатывать на жизнь под угрозой? Мы всегда должны были держать скептиков в поле зрения, но Гудини делает охоту на медиумов модной. И вероятность разоблачения становится все более реальной. Жак лично поручается за каждого, кого приглашает на наши спиритические сеансы, но могу ли я доверять его слову? Я всегда мечтала отказаться от сеансов и жить нормальной жизнью, но можем ли мы позволить себе остановиться?

Я с замиранием сердца снова проглядываю нашу банковскую книжку. Как всегда, мама прожигает жизнь, доводя наше благосостояние почти до катастрофы, а потом ждет, что я вытащу деньги из шляпы.

Я хороший фокусник, но не настолько.

Согласно книжке, у нас достаточно средств, чтобы не голодать. И даже немного больше. Я хмурюсь. Мама совершала гораздо больше покупок, чем здесь указано, а мое новое платье

даже не учтено. Где она брала деньги? Надеюсь, не получала кредит от магазинов... Мне ни к чему еще и такая головная боль.

Я убираю книжку обратно в ящик стола и тяжело вздыхаю. Еще раз посмотрев в сторону спален, пересчитываю собственные тщательно припрятанные сбережения. По-прежнему тридцать восемь долларов. Достаточно, чтобы мы какое-то время не голодали и не скитались без дома, но не более того. Я добавляю еще десятку от доходов с нашего последнего сеанса, а остальное кладу в конверт, чтобы потом отнести в банк. Нерешительно достаю еще десять долларов и тоже убираю в свой тайник. Пятьдесят восемь долларов. Все еще недостаточно.

Ведь я знаю о вендетте Гудини и не разделяю финансовый оптимизм матери.

И это значит лишь одно: я должна не только по-прежнему участвовать в сеансах, но и сделать их достаточно впечатляющими, чтобы заработать больше денег. Должна что-то изменить. Добавить нечто столь удивительное, чтобы люди буквально ломались к нам, и мы могли бы брать запредельную плату. Вот только, что именно? Не знаю... Но как только мы укрепим в финансовом плане — сможем выйти из игры. И надеюсь, успеем сделать это прежде, чем Гудини или один из других скептиков-линчевателей камня на камне не оставят от нашей репутации. Ведь если нас публично обвинят в мошенничестве, театр «Ньюмарк» разорвет с нами контракт, и все будет кончено.

Но разве правильно продолжать заниматься тем, что мне претит, из чистой корысти? Я вспоминаю слова Гарри Гудини: *«Людей, которые недавно понесли утрату, нетрудно убедить в возможности общения с любимыми. По мне, так эти несчастные страдальцы, жадно ищущие избавления от душевной боли, которая неизбежно следует за потерей близкого, — жертвы падальщиков, что зарабатывают на чужом горе».*

Это обо мне и маме. Падальщики.

С резким вздохом, я прячу деньги и готовлюсь к визиту к мистеру Дарби. Перед уходом снова тщательно проверяю замки.

Все еще напуганная вчерашним преследованием, решаю держаться поближе к дому, и в конце концов просто заскакиваю в пекарню на углу за сладкими булочками и спешу обратно.

Мистер Дарби открывает дверь прежде, чем я успеваю постучать.

— Как раз вовремя, — ворчит он, — я проголодался. Уже почти одиннадцать.

— А что вы ели на завтрак до моего переезда? Я вполне уверена, что вы не голодали. — Я смотрю на его кругленький живот и улыбаюсь.

— Не дерзи, мисси. Я уже поставил чайник.

Мы идем в кухню, но тут я вижу странную девушку, подметающую пол, и от удивления резко останавливаюсь.

Она смотрит на меня, затем отводит взгляд.

— Я почти закончила здесь, сэр. Хотите, чтобы я отнесла мусор в подвал?

— Нет! — обрывает мистер Дарби. — Держись подальше от моего подвала, слышишь? А теперь уходи. На сегодня ты сделала достаточно, и я не хочу, чтобы ты докучала моей гостье.

Глаза незнакомки бегают, выдавая ее нервозность, и я отмечаю, насколько у нее мягкие и ухоженные для служанки руки. Она спешно покидает комнату, бросая на меня еще один взгляд, и я ставлю корзину на стол.

Мистер Дарби заглядывает в бумажный пакет:

— Сегодня никаких круассанов?

— Нет, я хотела попробовать что-то новенькое. — Я колеблюсь, но наконец спрашиваю:

— Кто эта девушка?

Что-то в ней настораживает. Но, к счастью, это всего лишь заурядное «я-не-уверена-что-вы-мне-нравитесь» чувство, а не что-то из моих способностей.

Сосед пожимает плечами и наливает чай:

— Она пришла вчера в поисках работы. Коул сжалился и нанял ее, чтобы каждый день немного прибиралась. Думаю, она шпионка.

— Шпионка?

— Да. Шпионка, засланная соперником-изобретателем.

Я смеюсь:

— Скорее, засланная Коулом. Он, вероятно, собирается сообщать вашим родственникам, чем вы тут занимаетесь весь день в его отсутствие.

Мистер Дарби фыркает:

— Куда интереснее, чем он весь день занимается!

Да, это интересует нас обоих.

Старик нюхает булочку, затем кусает. На лице появляются морщинки сосредоточенности, пока он жует.

— Неплохо. Но, заметь, не так хорошо, как круассаны.

Меня все еще интересует незнакомка, но в то же время любопытно, что находится у соседа в подвале.

— А сегодня можно заглянуть в вашу мастерскую? — спрашиваю, стараясь говорить беспечно.

— Может, да. А может, нет.

«Старый хитрец», — думаю, доедая булочку. Но ничего не говорю. Если выдам свое любопытство, он будет дразнить меня этим, как кролика морковкой.

Я молчу до тех пор, пока мы оба не заканчиваем завтрак.

— Что ж, пойдем. Знаю, тебе смерть как хочется взглянуть хоть одним глазком.

Когда мы проходим через кухню и дальше по длинному коридору, я слышу над головой шум — значит, мама уже проснулась.

Мистер Дарби открывает дверь и дергает за веревочку, болтающуюся над лестницей.

— Не споткнись, — предостерегает он.

По мере того, как мы спускаемся, запах смазки, плесени и сожженного кофе становится все сильнее. А когда лестница наконец заканчивается, я смотрю вокруг и ахаю. Не знаю, чего я ожидала, но уж точно не этого нагромождения и сплетения меди, стали и проводов. Мои глаза не знают, куда смотреть в первую очередь. Комната в длину и ширину такая же, как весь дом, и ярко освещена обычными лампочками, что свисают с каждой третьей или четвертой балки. Вдоль стены тянется верстак, где в грандиозном беспорядке свалены инструменты странной формы, коробки и сферы. В одном углу стоят гигантский цилиндрический сварочный аппарат и токарный станок. В другом — огромная машина неизвестного назначения. Мистер Дарби, определенно, или истинный гений, или сумасшедший.

— Как чудесно! — выдыхаю я. — Что это за вещи?

Сосед радостно хлопает в ладоши:

— Это, мисси, работа всей моей жизни. Разве не великолепно?

Он раскидывает руки в стороны, охватывая всю комнату, и я восхищенно киваю, осторожно перешагивая через гигантский моток колючей проволоки.

— Это замечательно.

— Я знал, что ты оценишь! Я с первого взгляда узнаю родственную душу.

— Для чего все это?

Мистер Дарби скрещивает руки на груди:

— Для начала ты должна показать мне один из своих фокусов.

Я осматриваю комнату.

— Хорошо. Хм... Вы можете меня связать? — И проказливо улыбаюсь.

Сосед вскидывает брови:

— Прости? Что же это за фокус?

— Привяжите меня к стулу, и держу пари, что смогу выбраться.

— Уверена?

Я киваю:

— Я могу выбраться откуда угодно.

Я вижу на его лице недоверие, когда он вытягивает длинную грязную веревку из коробки с инструментами. Однако это не мешает старику привязать меня к стулу крепко-накрепко.

— Я ведь не сделал тебе больно?

Я усмехаюсь:

— Раньше меня связывали цепями.

Мистер Дарби морщится:

— У тебя была очень странная жизнь, мисси.

Я смеюсь. Трюки с освобождением были практически дополнением к моему репертуару, так как мне частенько приходилось вытаскивать маму из тюрьмы. А еще они добавляют достоверности нашим спиритическим сеансам, когда клиенты хотят удостовериться, что это не я изображаю духа. Конечно, никто не знает, что я могу освободиться, побыть призраком и снова связать себя прежде, чем кто-либо заметит. Полагаю, мама поощряла мои стремления, считая, что так я буду больше походить на отца. А для меня это вызов.

— А теперь отвернитесь.

— Зачем? — воинственно спрашивает мистер Дарби.

— Затем, что хороший фокусник никогда не раскрывает своих секретов, — отвечаю я — Я сказала, что покажу вам трюк, а не принцип его исполнения.

По выражению его лица я понимаю, что сосед как раз на это и рассчитывал, и тем не менее он послушно отворачивается. Хотя на самом деле без разницы, смотрит он или нет, но мне нравится создавать вокруг своего выступления атмосферу таинственности.

— А теперь считайте до десяти. Медленно.

Старик вздыхает, но делает то, что я говорю, даже не подозревая, что я распутала уже половину классических морских узлов, которые он навязал. Мало кто понимает, что использование большого количества веревки вовсе не означает крепкого связывания.

— Обернитесь, — говорю я прежде, чем он успевает досчитать до восьми.

Мистер Дарби поворачивается, и я хихикаю, видя его изумленно выпученные глаза.

— Ну что же! Это действительно фокус. Я могу попробовать еще разок?

Отрицательно качаю головой:

— Нет. Уговор есть уговор. Вы обещали показать мне одно из ваших изобретений.

Он недовольно кивает:

— Ты права.

Затем оглядывает комнату, задумывается и жестом велит мне следовать за ним. К моему разочарованию, мы направляемся не к огромной машине в углу, а к другой — гораздо меньшей, из латуни.

— Это моя гордость и радость, — говорит сосед, поглаживая аппарат. — Я еще не устранил все неполадки, но когда сделаю это — разбогатею. Подожди немного и сама увидишь.

Я скептически гляжу на машину:

— И что это такое?

— Я называю это УПВ — устройство, перемещающее вещи.

— Что ж, это, безусловно, странно, — говорю я, — но что оно делает?

Мистер Дарби нетерпеливо машет рукой:

— Перемещает вещи!

— Какие вещи?

Он тянется к маленькому серому кругляшку.

— Сейчас покажу. Отойди.

Оглядевшись, хватает метлу, крепит к ней кругляшок и ставит в углу. А затем разматывает длинный шнур.

— Раньше я для всего использовал заводные механизмы, — говорит мистер Дарби, кивая в сторону машины, — но потом осознал потенциал электричества.

Он включает машину, а она начинает чуть слышно потрескивать.

Сначала ничего не происходит, но потом я удивленно открываю рот: метла начинает двигаться кругами сама по себе. Я подхожу поближе, пытаюсь разглядеть невидимые нити, но ничего не нахожу. Метла танцует все яростней, и я отскакиваю, когда ее рукоять пролетает в паре сантиметров от моего лица. Мистер Дарби быстро выключает машину.

— Это недостаток, — признается он. — Все еще на стадии эксперимента. Но как только я найду способ этим управлять... откроются безграничные возможности! Домохозяйки смогут спокойно отдыхать, пока машина делает за них всю работу.

Я поднимаю метлу и восхищенно изучаю странный кругляш.

— Как это работает?

— Магнетизм. Я придумал, как использовать электричество, чтобы усилить магниты. — Сосед указывает на потолок, и я вижу еще один серый круглый предмет, прикрепленный к балке.

— Невероятно!

Мистер Дарби кивает, сияя от счастья.

Внезапно у меня перехватывает дыхание, мои мысли кружат вокруг открывающихся возможностей. В разоблачающей книге Гудини нет ничего подобного. И это почти наверняка не удастся обнаружить...

— Машина будет работать где угодно?

Сосед пожимает плечами:

— Почему бы и нет. А что?

Я улыбаюсь:

— А то, что у меня есть идея. Не хотите ли поучаствовать в спиритическом сеансе,

мистер Дарби?

Я завожу руку назад и растираю напряженные мышцы шеи. Рядом со мной на заднем сиденье своего роскошного темно-красного «Изотта-Фраскини» сидит Синтия Гейлорд. Я слушаю ее отдаленное щебетание и пытаюсь понять, почему так нервничаю.

Когда Синтия сегодня позвонила, я сразу же ухватилась за возможность посетить лекцию в ее церкви. Церковь, совмещающая науку и спиритизм? Ниточка к обществу, которое на самом деле изучает сверхъестественное? Может, там найдутся хоть какие-нибудь ответы на вопросы о моих способностях, о моих видениях, касающихся мамы, и — я вздрагиваю — о неожиданном визите Уолтера. Я даже могу выяснить, почему мои способности меняются и как их можно использовать, чтобы вычислить преследователя. Обратного пути нет.

Так зачем нервничать? Может, я не так уж стремлюсь узнать о своем даре, как думала? Боюсь разоблачения?

Нахмурившись, я смотрю на водителя на переднем сиденье. Он не похож на большинство водителей, которые обычно работают на богачей. У него толстая мясистая шея, нос сломан, и, если не ошибаюсь, на левой руке не хватает части мизинца.

Я накручиваю на палец выбившийся из прически локон и поворачиваюсь к Синтии, чтобы отвлечься:

— Расскажите мне об этом приглашенном лекторе побольше.

Она замолкает на полуслове, и я понимаю, что перебила ее. В этих прелестных голубых глазах практически видно, как крутятся винтики в голове миссис Гейлорд.

— О... Ну, он англичанин и очень умный. Я просто обожаю британцев, а ты?

В мыслях всплывает образ Коула, и я быстро отгоняю его прочь. Киваю, и Синтия продолжает:

— Он доктор чего-то там. Не помню, чего именно. Джек постоянно говорит, что я забывчива, как ребенок. Как бы то ни было, этот англичанин работал со всеми ведущими учеными в области сверхъестественного в мире и будет рассказывать о некоторых изысканиях Общества психических исследований. О том, что мертвые все время рядом с нами и только и ждут проводника, чтобы выйти на связь и направить нас по нужному пути. Они устраивают эксперименты с электричеством и личными вещами. — Синтия неопределенно машет рукой, и я понимаю, что ее знания о данном предмете исчерпаны.

— Звучит очень интересно, — уверяю я.

— Ты в него просто влюбишься! Не могу поверить, что твоя матушка отказалась пойти с нами. Она такой хороший медиум. Хотя, уверена, у тебя тоже есть дар. То, что ты сделала на последнем сеансе...

— Нет, — быстро прерываю я, — это все присутствие мамы... оно привлекло дух.

Синтия морщит носик, и я осознаю, насколько она молода. Вероятно, не многим старше двадцати. На что это похоже: быть такой юной и такой богатой? Мне все равно, что мама считает миссис Гейлорд неотесанной провинциалкой; бьюсь об заклад, ей никогда не приходилось переживать, как бы наскрести достаточно денег, чтобы не остаться ночью на улице. Сегодня на Синтии сшитая на заказ шуба из горностая с белым лисьим воротником, который, вероятно, стоит столько, что можно целый год оплачивать жилье.

— Ну, может, твой дар только сейчас просыпается? Видимо, это передается по

наследству.

Не стоит упоминать, что сама я задаюсь тем же вопросом.

От необходимости отвечать меня спасает то, что машина как раз останавливается перед прекрасным зданием в духе Ренессанса, построенным из светло-серого камня. Широкие эркеры придают фасаду радушный вид, что несколько противоречит высокому и неприступному железному забору, огораживающему территорию. В любом случае я не чувствую себя здесь желанной гостьей.

Синтия увлекает меня через ворота и вверх по ступенькам. Ее нарядный облик контрастирует с классическими архитектурными деталями. У дверей я нерешительно замираю; нервы натянуты точно струны.

— Ну же, глупышка. — Синтия протягивает руку и ловит мою ладонь. — Нужно успеть занять хорошие места.

Она тянет меня по проходу, с видом молодой королевы кивая направо и налево уже сидящим на скамейках людям. Думаю, теперь я знаю, в чем секрет светских персон: любое событие нужно превращать в представление.

На стенах кремовая штукатурка, благодаря чему помещение кажется светлым и теплым. А декоративные арки и узорчатые вазы продолжают тематику итальянского стиля. На самом деле атмосфера в святилище настолько спокойная и безмятежная, что трудно поверить, будто люди здесь регулярно пытаются вызывать мертвых.

Комната постепенно заполняется, и я удивляюсь, как много людей, оказывается, интересуется сверхъестественным. То тут, то там периодически попадаются мужчины, но большинство присутствующих — холеные дамы в модных нарядах.

Синтия легонько толкает меня локтем и незаметно указывает в угол комнаты:

— Это преподобный Герберт Каллен. А рядом с ним — тот самый приглашенный лектор.

Низенького и полного преподобного практически полностью заслоняет стоящий перед ним высокий мужчина. Я не могу разглядеть лицо гостя, так как он стоит ко мне спиной, но преподобный смотрит на собеседника с почтением.

Затем любезно ему кивает и уходит за кафедру. Откашливается и гомон в зале стихает.

— Многие из вас слышали удивительную лекцию, которую наш гость читал на прошлой неделе: о спиритизме, науке и религии, — начинает преподобный гнусавым голосом. — И сегодня нас благословили возможностью снова увидеться с ним и послушать еще одну просветительскую речь: о научных основах психических исследований. С удовольствием представляю вам доктора Финнеаса Беннета.

Я вежливо хлопаю вместе с остальными прихожанами, но затем замираю, разглядев приглашенного оратора.

Человек из книжного магазина.

Я с любопытством наблюдаю, как доктор Беннет занимает свое место за кафедрой. Тогда, в книжном, он сказал, что спиритизм — его хобби.

— Благодарю, доктор Каллен, — говорит доктор Беннет, непринужденно оглядывая зал.

Рядом со мной Синтия Гейлорд подается вперед, глаза ее сияют. Возможно, личность лектора интересует ее не меньше сегодняшней темы. Доктор Беннет с его румяными щеками и густыми волнистыми волосами больше похож на английского сельского сквайра, чем на исследователя паранормального, а его акцент выражен гораздо сильнее, чем у Коула. Конечно, в детстве Коул много путешествовал с родителями и, вероятно, говорит более по-

европейски.

— Дамы и господа, поклонники спиритуализма, еще раз спасибо за приглашение в эту знаменитую церковь и за возможность поделиться с вами той толикой мудрости, что я почерпнул за годы изучения телепатии, призраков, экстрасенсорного восприятия и психических аспектов спиритизма.

Его театральные манеры настолько отличаются от поведения человека, встреченного мной в магазине, что я мгновенно настораживаюсь. Я признаю в докторе Финнеасе Беннете мошенника высшей категории.

Ну конечно, рыбак рыбака...

Он рассказывает об ангелах, демонах и духах-наставниках, и голос его почти столь же завораживающий, как у мамы. До сих пор я не услышала ничего такого, чего не нашла сама, бессистемно шгудирюя материалы, но тут доктор упоминает о каких-то предварительных исследованиях экстрасенсорного восприятия и предвидения — способностей читать чужие мысли или говорить, что произойдет, до самого события.

Я внимательно слушаю.

— Сначала мы проводим простые тесты с картами и, если испытуемые их проходят, приступаем к более сложным проверкам. Результаты еще не окончательные, но исследование очень перспективное. Я надеюсь опубликовать свои выводы по этому вопросу в следующем году.

Я откидываюсь на спинку скамьи. Что ж, не слишком-то много полезной информации. Кроме того, что, предположительно, существуют и другие люди с похожими на мои способностями, я не узнала ничего нового. Может, если поговорю с ним лично, удастся выяснить побольше, но в глубине души мне не хочется завязывать близкое знакомство с доктором Беннетом.

Синтия рядом со мной слегка покачивается из стороны в сторону, словно тростинка на ветру. Я хмурюсь и оглядываю остальных слушателей — все они кажутся совершенно замороженными доктором Беннетом.

— Итак, друзья, все вы понимаете важность моей работы. С волнением сообщаю, что ищу для покупки земельный участок в Нью-Йорке для строительства американского отделения Общества психических исследований, а также лаборатории.

Он поднимает руку, будто предупреждая аплодисменты:

— Но, мои дорогие братья и сестры, такой проект требует вложений, а я... — доктор понижает голос, — всего лишь бедный ученый.

Все сидят неподвижно, едва дыша. Прищурившись, я тщательно изучаю лица ближайших ко мне слушателей. Большинство из них расслабленные, радостные, одурманенные. Некоторые, как и Синтия, слегка покачиваются.

— Ваш милейший пастор, — продолжает доктор Беннет, — великодушно предложил пройти по рядам с пресловутой шляпой, чтобы положить хорошее начало для новой лаборатории.

Мой рот открывается, когда тарелка для пожертвований начинает передаваться по кругу. Уверена, она будет полна наличных к тому моменту, как вернется к доктору. Я видела, как гипнотизеры со сцены вводят в транс большие группы людей... но в тех случаях зрители были добровольными участниками. И почему-то я сомневаюсь, что здесь все обстоит именно так.

Доктор Беннет внимательно изучает толпу, на его устах играет улыбка. Он скользит по

мне взглядом, смотрит дальше, но... тут же возвращается, и улыбка его меркнет. Я скрещиваю руки на груди и вскидываю брови. Доктор слегка кивает в ответ, и уголки его губ снова чуть приподнимаются. Если он и нервничает из-за возможности разоблачения, то виду не подает. Возможно, я ошиблась. И тут Синтия достает из сумочки стодолларовую купюру и кладет на тарелку.

А может, и не ошиблась.

Тарелка для пожертвований возвращается к отправителю, и мы собираемся отведать кофе и десерт. Народ стряхивает пелену с сознания и спешит получить свое овсяное печенье и имбирный крем. Синтия вызывается добровольцем подавать кофе, и я, взяв чашку и отказавшись от печенья, подхожу к небольшой группке людей, окруживших доктора Беннета.

Хоть я на самом деле и не видела, как он гипнотизирует толпу, зато заметила некоторые признаки того, что люди были введены в транс заранее, а сегодня доктор просто использовал ключевое слово. Человек в таком состоянии открыт для предложений вроде «положите денежку на тарелку».

— Думаю, что автоматическое письмо — прекрасный способ связаться с миром духов, — говорит доктор Беннет, — но на свете очень мало людей действительно на это способных.

— Доктор, а сами-то вы медиум? — интересуется мужчина с густыми усами и ярко выраженным немецким акцентом.

— Боюсь, что нет, мистер Хубер, — смеется Беннет. — Мои таланты лежат в другой области.

— Воистину, — бормочу я.

Он поворачивает голову в мою сторону:

— А вы кто?

— Анна Ван Хаусен.

— И вас интересуют медиумы и спиритизм, мисс Ван Хаусен?

Значит, он не вспомнил, что мы встречались в книжном.

— Да, среди прочего. — Я невинно улыбаюсь: — Еще гипноз, например.

Доктор Беннет откашливается:

— Ах да... гипноз. Увлекательная тема.

— Я тоже так считаю. Особенно исследования Гюстава Лебона^[10] в области психологии толпы и внушаемости. — Это научит его не пытаться зачаровать мага.

На лице Беннета отражается удивление, но оно тут же сменяется кривой усмешкой.

— Вы очень начитанны, мисс Ван Хаусен.

— Как я уже сказала, — улыбаюсь в ответ, — мне интересно все сверхъестественное. К сожалению, я пропустила предыдущие лекции. Не могли бы вы рассказать мне побольше об Обществе психических исследований?

— Конечно. Оно состоит из ученых, писателей и прочих, увлеченных сверхъестественным. Сначала мы изучали лишь проявления духа и явления призраков, но затем сделали несколько удивительных открытий в других психических сферах.

Я делаю небрежный глоток кофе.

— И какие же еще психические таланты вам удалось открыть?

Он улыбается:

— Боюсь, я не вправе говорить об этом в общественном месте, но мы могли бы обсудить некоторые аспекты в приватной обстановке. В конце концов, вы увлеченная

последовательница. Может, вы с вашей знакомой — Синтией, не так ли? — как-нибудь встретитесь со мной?

Синтия появляется рядом, и я практически могу видеть значки доллара в глазах доктора.

Я напрягаюсь и мысленно молюсь, чтобы моя спутница, не дай Бог, не сказала этому человеку, чем занимаемся мы с мамой. Первое правило при получении информации от кого-то: не давай им в ответ слишком много сведений о себе.

Синтия берет меня под руку.

— Спасибо за приглашение. Знаете, Анна ведь еще совсем юная. Думаю, будет лучше, если я поприсутствую на этой встрече — чтобы ее матушка меньше волновалась.

Честно говоря, я рада ее компании. Доктор Беннет может быть исследователем сверхъестественного, а может оказаться мошенником. Еще рано судить, но следует быть осторожной. И, возможно, стоит посоветовать Синтии не разбрасываться так деньгами.

— Было бы чудесно. Просто позвольте мне проверить свой график встреч. Вы можете связаться со мной через церковь позже на этой неделе. — Доктор снисходительно похлопывает Синтию по руке и отходит.

— Разве он не великолепен? — спрашивает она, наблюдая, как Беннет общается с мистером Хубером. — Не так красив, как Джек, конечно, но все-таки видный.

Мы идем к двери, моя голова разрывается от открывающихся возможностей. Неужели после стольких лет без какой-либо информации о своих способностях я наконец-то приблизилась к получению ответов? Жаль, не удалось коснуться руки Беннета — хотелось бы узнать, что он чувствовал. Прежде чем выйти на улицу, я оборачиваюсь и еще раз оглядываю переполненную комнату... и вижу, что доктор смотрит мне вслед.

Настраиваясь на спиритический сеанс следующим вечером, я осознаю, что нервничаю сильнее, чем когда-либо прежде перед выступлением. Страх разоблачения усиливается, да еще и это перемещающее вещи устройство мистера Дарби, которое мы добавили к своему репертуару... Я словно канатоходец над бездной. «Еще чуть-чуть, — обещаю я себе. — Еще немного, и мы сможем бросить это занятие».

Чуть ранее посыльный доставил записку, в которой говорилось:

*«Готов я столкнуться и с чудом, и с юдом,
и с лешим оттуда,*

и с тем, кто шуршит во тьме^[11] —

все лишь бы с тобою побыть этой ночью... увидимся при луне».

Сейчас листок спрятан у меня в кармане. Текст заставляет меня улыбаться, прямо как Оуэн. Конечно, он ведет себя несколько наигранно. Но с такой-то матерью, как у меня, разве вправе я осуждать? В моей жизни все в какой-то мере помпезное и театральное.

«Только не Коул», — шепчет внутри тоненький голосок. Да, Коул не имеет со всем этим ничего общего. В сравнении с Оуэном он кажется немного угрюмым, кроме тех редких случаев, когда ослабляет свою оборону. В такие моменты он становится едва ли не другим человеком.

Я качаю головой, смущенная собственными мыслями. Сейчас не до мечтаний, необходимо готовиться к сеансу.

После полудня мама уехала, а мы с мистером Дарби провели весь день, настраивая его УПВ и убеждаясь, что оно будет работать с первого этажа. Сосед, несомненно, сейчас внизу, возится с машиной.

— Вы точно уверены? — спросила я его, а мистер Дарби воодушевленно потер руки:

— Жаль только, что не смогу увидеть выражение их лиц.

По крайней мере, его не мучает совесть из-за нашего замысла. Старик смотрит на все происходящее как на грандиозный розыгрыш.

Хитрость заключается в том, чтобы не позволить нашим гостям увидеть маленькие магниты, управляемые устройством, и не дать услышать, как я трижды стучу ногой об пол, подавая наш условный сигнал. Один магнит мы прикрепили к лампе над столом, другой спрятали в дешевых часах, которые я сегодня купила как раз по этому случаю. Даже если они разобьются вдребезги, пролетев через всю комнату, полагаю, люди все равно решат, будто кругляш — часть механизма.

«Всего несколько раз», — обещаю я себе, пытаюсь успокоить совесть. Как только пойдут слухи, мол, у нас предметы летают по комнате, народ станет умолять, чтобы принять участие в одном из сеансов. Мы уже повысили цены и сегодня вечером заработаем более двухсот долларов. И раз уж мы получаем больше денег, я смогу отложить достаточно, чтобы спасти нас от нищеты. И тогда наконец можно будет завязать с мошенничеством.

В комнату, танцую, wpłyвает мама в струящемся восточном платье из шелка с широкими рукавами. В одном из них спрятан ключ от наручников, которыми будет скована мадам Ван Хаусен, как только войдет в кабинет. Также платье скрывает маску «призрака», сделанную из муки и бумаги. Это один из наших самых шокирующих трюков, который смотрится весьма потусторонне и убедительно в мерцании свечей.

Если только один из гостей не побывал на последней лекции Гарри Гудини.

— Так кто сегодня придет? — Я ставлю чайник.

— Гейлорды, венгерская пара по рекомендации Жака — не припомню их имена — и мать и дочь из Кливленда, Джоанна и Лизетт Линдсей. Все они приверженцы спиритизма, так что на сей раз никаких скептиков.

Обведенные черным глаза матери выделяются на абсолютно белом лице; в волосах ее египетский обруч из бисера. Она похожа на Теду Бара из «Клеопатры» — экзотичная, прекрасная и таинственная. На мне платье попроще, из темно-синего жоржета с белым кантом. Мама считает, что мы создаем «восхитительный контраст». Что бы это ни значило. По-моему, так она просто хочет убедиться, что все взоры сегодня будут устремлены только на нее.

— О, еще в твое отсутствие звонил Оуэн и, считай, напросился. — Она бросает на меня косой взгляд, и я отворачиваюсь.

Наливаю себе чашку чая и ставлю тарелку с крошечными бутербродами для наших гостей. Пока мама опустошает шкафик с алкоголем, снова проверяю лампу над столом, желая убедиться, что магнит не виден.

— О, прекрати, — недовольно ворчит мама, потягивая херес. — Из-за тебя я нервничаю. Успокойся. Жак проверил едва ли не каждого и дал мне кое-какие пикантные сведения о Гейлордах.

Едва ли не каждого?

В дверь стучат, и я впускаю первых гостей: пару из Кливленда. С вьющимися светлыми волосами и голубыми глазами чуть на выкате, они больше похожи на сестер, чем на мать и дочь. Я никогда не смогу их различить.

— Хотите что-нибудь перекусить? — Я протягиваю тарелку с сэндвичами.

Гости резко качают головами. Дочь отводит взгляд, тогда как мать смело смотрит мне в глаза:

— Но выпить я бы не отказалась. Что-нибудь, чтоб дух разогнать? — И громко лающе хохочет над собственным каламбуром.

— Джин? Херес?

— Джин подойдет, спасибо.

— Мне просто воды, — произносит дочь, посмотрев на мать.

Я наливаю и приношу им напитки, но миссис Линдсей залпом опрокидывает свой прежде, чем я успеваю повернуться и предложить что-нибудь только что прибывшей венгерской паре.

— Еще, пожалуйста.

Мои глаза округляются.

— Конечно...

Я делаю вид, что не заметила, как дочь бросает на мать очередной предупреждающий взгляд. Поддавшись внезапному порыву, протягиваю руку и мягко касаюсь плеча младшей гостьи:

— Уверены, что не хотите сэндвич?

Во рту внезапно пересыхает, когда мне передается ее волнение. Почему она так нервничает?

Не лучшее начало для этой ночи.

После этого семейство Линдсей в своих модных платьях молча стоит в углу. Странно.

Большинство гостей обожают, когда их приглашают на наши эксклюзивные вечера, и сразу же стремятся завязать дружеский разговор.

В любом случае думать об этом некогда. В течение следующих несколько минут прибывают остальные гости, и я слишком занята, поддерживая беседу и наполняя бокалы и чашки. Венгерская пара сметает все бутерброды и кажется слишком жизнерадостной, чтобы действительно увлекаться спиритизмом. Мистер Гейлорд явно скучает. Но, подозреваю, он выглядит так всегда. Синтия же — как игривый щенок, которому он не может сопротивляться. Оуэн еще не пришел. Я замечаю, что тарелка с закуской опустела, и подаю матери сигнал: пора начинать.

Она хлопает в ладоши:

— Что ж, насколько я знаю, все вы пришли сюда не ради еды. Начнем?

И тут раздается стук. Хотя я и ждала, но все равно вздрагиваю от неожиданности. Оуэн. Глубоко вздохнув, иду открывать дверь.

Оуэн стоит, прислонившись к косяку и задиристо наклонив голову:

— Я же не пропустил явление призрака?

Несмотря на свою нервозность, я смеюсь:

— Нет, мы только начинаем.

Внизу щелкает дверной замок, и мое сердце замирает. Ну что еще? Еще до того, как Коул появляется, я уже знаю, что это он — по характерному размеренному шагу по лестнице. Новый гость скользит взглядом по Оуэну и поворачивается ко мне:

— Надеюсь, ты не против, если я присоединюсь?

— Смотри сам, старина. Но там может оказаться тесновато, — отвечает Оуэн с поддельным британским акцентом.

В ответ на насмешку Коул вскидывает бровь.

— Прошу, входите. — Я отступаю в сторону, пропуская обоих.

— Ты сегодня чудесно выглядишь, — говорит Оуэн, проходя мимо.

Я рассеянно улыбаюсь и закрываю дверь.

— Мама, последние гости прибыли, — кричу из коридора.

Оуэн присоединяется к остальным, но Коул хватает меня за локоть, задерживая.

— Я рад, что на мгновение мы одни. — Голос его тихий и настойчивый. — Мы обязательно должны поговорить сегодня о твоих способностях. Это важно.

Я сглатываю. Сердце колотится, мчится, словно старомодная двуколка, запряженная парой гнедых.

— Прошу прощения?

— Ты знаешь, о чем я, Анна. Нам надо поговорить. — В его голосе звучит нетерпение.

Мысли вращаются с бешеной скоростью. Я не могу ни признать, ни отрицать что-либо, пока не знаю, кто он и чего хочет. Я делаю глубокий вдох.

— Я иллюзионист, Коул, — говорю мягко. — А моя мать — медиум. И нам уже правда пора присоединиться к остальным.

Поворачиваюсь в сторону гостиной, но прежде, чем успеваю сделать шаг, Коул, стоя за спиной, близко склоняется ко мне:

— Анна, нужно, чтобы ты доверилась мне. Прошу.

Его дыхание щекочет мне ухо, касается шеи, и я дрожу. Не зная, что еще сделать, с трудом сглатываю и иду вперед. Коул двигается следом, и внутренности мои сворачиваются в самый тугой из всех тугих узлов.

Я занимаю место рядом с Оуэном, а Коул садится напротив, с семейством Линдсей, и обращается к присутствующим:

— Прошу прощение за опоздание. И благодарю за приглашение, мадам Ван Хаусен. Это большая честь.

Я хмуро смотрю на мать, и она в ответ улыбается мне, словно вкусившая сливки кошка, а затем закрывает глаза:

— Давайте возьмемся за руки и поприветствуем мир духов, чтобы он открыл нам свои двери.

Мама просит всех закрыть глаза и начинает привычную «распевку» А я тем временем закипаю. Почему она не могла просто сказать мне, что пригласила Коула? Почему всегда необходимо затевать какие-то игры?

С усилием я возвращаюсь в реальность, к сеансу. Мама, словно иллюзионист, голосом очаровывает зрителей. Я оглядываю всех, оценивая их реакцию. Волнение освещает миловидное личико Синтии, хотя ее муж, кажется, немного взвинчен. Я не виню его, учитывая, чему Гейлорды стали свидетелями на последнем сеансе. Пара из Венгрии почти исходит нетерпением. Оуэн сосредоточенно хмурит брови, лицо же Коула непроницаемо. И тут я замечаю, как переглядываются мать и дочь Линдсей. Прикрываю глаза, когда они смотрят в мою сторону, и сквозь опущенные ресницы наблюдаю, как дочь медленно наклоняется и заглядывает под стол. Мать, поджав губы, изучает комнату. В груди все сжимается — словно аккордеон захлопнули. Происходит что-то очень, очень дурное.

Слегка сдвинувшись, я под столом тяну ногу к старшей Линдсей. И в тот миг, когда касаюсь ее, меня, словно током, бьет яркой враждебностью. Нет, это не скептицизм. Гораздо хуже. Сразу за злобой следующий удар — зависть, от которой внутри все сворачивается. И тут до меня доходит.

Миссис Линдсей не скептик. Она конкурентка.

Я отдергиваю ногу, но пульсация нарастает, ползет по моей коже, словно личинки, и внезапно на меня накатывает озарение с такой силой, что аж дыхание перехватывает. Вот, кого я чувствовала после того, как Оуэн высадил меня на улице. Именно она в ту ночь смотрела на меня из тени.

Желудок сжимается. Я открываю рот, чтобы спросить маму, не хочет ли она воды, но прежде, чем успеваю выдать хоть слово, мадам Ван Хаусен изящно поднимается со стула:

— Духи требуют, чтобы я вошла в кабинет.

— Может, хочешь выпить воды, перед тем как подвергнешь себя этому испытанию? — спрашиваю в отчаянии.

Мама распахивает глаза и качает головой.

— Слишком поздно, — говорит пустым голосом. — Духи уже во мне.

Я едва не кричу от досады. Почему она не обращает на меня внимания? Неужели так стремится показать, кто в доме хозяин, что готова рискнуть всем?

Я помогаю мадам Ван Хаусен с наручниками, по мере сил стараясь не спускать взгляда с двух женщин. Что они задумали? Хотят навредить моей маме? Пришли сюда, чтобы узнать и разоблачить ее уловки? В Англии одна медиум наняла кого-то, чтобы плеснуть кислоту в лицо соперницы во время представления. Я глазами пытаюсь подать маме знак, но она так погружена в роль «пустого сосуда», что либо действительно меня не видит, либо просто не обращает внимания.

Вдох-выдох. Я зову Синтию и ее мужа проверить наручники на мадам Ван Хаусен. Как

правило, я прошу об этом всех гостей, но сейчас не хочу, чтобы миссис Линдсей и близко подходила к маме.

Я запираю кабинет и после секундной заминки гашу все свечи, оставив только одну — небольшую в центре стола. Все, что сейчас в моих силах, — это создание иллюзии. Продолжая следить за женщинами, я начинаю говорить нараспев. Голос у меня не такой эффектный, как у мамы, но с задачей справляется. И все только, чтобы мадам успела выскользнуть из наручников и платья-кафтана и пробраться через потайной выход.

В какой-то момент Коул открывает глаза, и в тусклом свете я вижу, как его голова дергается в сторону двух женщин справа от меня. Затем он смотрит на меня, лицо его темнеет от беспокойства.

Сосед понимает: что-то не так. Нутром чует.

Волосы на руках встают дыбом, когда я чувствую, как кто-то пытается меня прочесть. Как будто бросает ко мне серебряную нить и пробует наладить связь. Я на мгновение сбиваюсь с ритма, но тут же беру себя в руки. Мама рассчитывает на меня. В панике я оглядываюсь на женщин: они до сих пор на своих местах, по-прежнему настороже.

Взрыв, и возле кабинета образуется облако дыма. Мерцающая в искусственном свете, она на какое-то время замирает в воздухе, и гости начинают задыхаться.

Синтия и венгерка кричат, когда призрачное видение выплывает из темноты. Маска скрывает мамины волосы и лицо, а из-за черной одежды голова кажется бестелесной.

Температура в комнате резко падает, и по моей коже ползут мурашки. Я верчусь по сторонам, вглядываясь во мрак, и ужас стягивает грудь. В последний раз я чувствовала подобное, когда...

Еще одна вспышка, и за маминой спиной проявляется силуэт. Я застываю и во все слезящиеся от дыма глаза смотрю, как образ вздрагивает, а затем становится более отчетливым. Я так сильно впиваюсь пальцами в край стола, что удивляюсь, как это не отломил кусок. Юноша, одетый в зеленую военную форму, стоит по стойке «смирно» и смотрит своими темными глазами прямо на меня.

Я оглядываюсь, чтобы узнать, видят ли остальные то же самое, но трудно определить. На лицах всех присутствующих читается потрясение. Только Коул, кажется, напряженно следит за чем-то позади моей матери, сосредоточенно хмурия брови.

Я вновь оборачиваюсь к силуэту и вижу, что его рука вытянута вперед.

— Мне нужно с тобой поговорить.

Страх змеей ползет по моей спине.

Уолтер.

Нити света тянутся ко мне, в ушах стоит гул.

— Нет! — кричу я, ожидая, что Уолтер вторгнется в мое тело.

— Анна! — Я слышу голос Коула, но он будто пробивается ко мне сквозь слой инея.

Краем глаза замечаю, как миссис Линдсей встает со стула, при этом что-то бессвязно бормоча себе под нос.

В отчаянии я выкрикиваю:

— *Go sabhala Dia muid ar fad!*

«Боже спаси нас всех» по-гэльски. Чужой язык производит на клиентов впечатление. И трижды топаю ногой — сигнал для мистера Дарби.

На лице Уолтера играет улыбка:

— Я ведь всегда могу поговорить с твоей матерью.

Я вскакиваю, сжимая кулаки.

Миссис Линдсей движется к мадам Ван Хаусен, однако Коул удерживает ее, взяв за руку. Он бросает на меня предостерегающий взгляд, но у меня нет времени разбираться, что это значит. Я все еще пытаюсь сосредоточиться на Уолтере, который уже легонько касается пальцами мамино плеча.

— *Go sabhala Dia muid ar fad!* — снова кричу я, топая сильнее, отрывисто, посылая четкие звуковые сигналы.

Уолтер мешкает. Коул стискивает руку миссис Линдсей, которая продолжает напевать что-то странное и невнятное. Ее дочь, вцепившись в другую ее ладонь, яростно шепчет матери на ухо. Оуэн, должно быть, улавливает мое отчаяние, потому что тоже встает. Вдруг я слышу снизу тихий шум машины и едва не лишаюсь чувств. Должно получиться. В неразберихе, которая обязательно возникнет из-за летающих часов, мама успеет вернуться в кабинет.

Если Уолтер ее отпустит.

Женщина из Венгрии издает душераздирающий крик, указывая на часы, зависшие прямо над каминной полкой. Синтия цепляется за мужа и, замерев, смотрит туда же. Семейство Линдсей поворачивается к часам, и я вижу, как женщины задирают головы вверх, словно ожидают обнаружить нити.

Вдруг часы стремительно несутся через комнату и врезаются в нашу прекрасную хрустальную лампу. Венгерка истерично вопит, и даже соперница-медиум бледнеет в свете свечей.

Мама исчезает. И, к моему ужасу, Уолтер тоже.

Он пошел за ней? Прямо сейчас он вселяется в ее тело?

Я колочу в дверь кабинета:

— Мама! Ты в порядке?

Тишина.

— Уолтер! — выкрикиваю и тут же захлопываю рот рукой. Никто, кроме меня, даже не знает, что он здесь.

— Рядом, — раздается шепот откуда-то слева.

Тяжело дыша, я оглядываюсь. Многого в темноте не разглядеть, но очертания я вижу. И, дрожа всем телом, вновь отворачиваюсь.

— Прости за это дурачество. У меня не так много времени. Но ты помогла мне, теперь я могу помочь тебе.

Я хочу задать ему миллион вопросов, но замираю. Замираю, потому что говорю с мертвецом, и, боюсь, другие поймут, что я говорю с мертвецом. Я неотрывно пялюсь на двери в кабинет.

— Ты не хочешь, чтобы они знали, что я здесь, да? — В голосе Уолтера звучит разочарование.

Я едва заметно качаю головой. Сейчас я слышу Синтию, что склоняется над все еще стонущей венгеркой, и миссис Линдсей, которая что-то сердито шепчет дочери.

— Я здесь, чтобы предупредить тебя, Анна. Ты помогла моей бедной милой матушке, и я хочу помочь тебе. Вокруг тебя и твоей мамы сгущается опасность.

Я оборачиваюсь. И плевать, что другие решат, будто я сумасшедшая.

— Что за опасность? — спрашиваю шепотом.

Уолтер качает головой:

— Не знаю. Но здесь есть люди, которые желают причинить тебе боль. Будь осторожна. Его образ в темноте начинает мерцать.

— Подожди!

Но Уолтер исчезает.

Я поворачиваюсь к кабинету. Неужели дух все-таки вселился в мамино тело?

— Мама!

Несколько мгновений проходит в напряженной тишине, а затем мама начинает рыдать — то есть действует по плану.

Мои колени подгибаются.

Коул молниеносно оказывается рядом, помогая устоять.

Все собираются возле дверей, чтобы увидеть мадам Ван Хаусен.

— Отойдите, — приказываю я.

С одной стороны я и сама беспокоюсь и желаю убедиться, что с ней все в порядке, но с другой... нужно дать маме время. Множество вещей может пойти не так при «появлении призрака», и мадам должна выглядеть точно так же, как тогда, когда мы видели ее в последний раз.

Пожалуйста, Господи, пусть она останется прежней и не будет одержима мертвым парнем...

— Необходимо убедиться, что духи ушли. — Я долго вожусь с замком и, задержав дыхание, наконец приоткрываю дверь.

Увидев маму, сидящую именно так, как задумано, я вздыхаю с облегчением. Несмотря ни на что, нас не поймали, и мама в безопасности.

Пока что.

Сейчас же я просто хочу, чтобы эти женщины покинули наш дом. Если нам грозит опасность, как сказал Уолтер, то вероятный источник — именно они.

— Что это было? — Синтия теревит бусы; ее голубые глаза широко распахнуты.

— Думаю, дорогая, мы удостоились визита из преисподней, — протяжно отвечает мистер Гейлорд, и я впервые вижу оживление на его лице.

Я освобождаю маму от наручников и провожаю к столу. Она все еще тихо плачет — по щекам текут самые настоящие слезы. Реши она продолжить карьеру актрисы, без сомнения стала бы лучшей.

— Она всегда так реагирует на общение с духом, — уверяю остальных. — Это тяжелое испытание. Пожалуйста, присаживайтесь. Скоро она придет в себя.

Садятся все, кроме Коула, который спрашивает, не хочу ли я, чтобы он убрал осколки.

Успокаивая маму, я киваю:

— Веник в кладовке.

Мадам Ван Хаусен делает глубокий дрожащий вдох и оглядывается, будто только что вышла из транса.

— Что произошло? — спрашивает голосом маленькой девочки, но, когда ее глаза останавливаются на мне, я слышу другое: «Что, черт возьми, произошло?!»

Синтия и венгерка подсакивают и начинают суетиться вокруг мадам, а я включаю свет. Затем быстрым взглядом окидываю комнату, желая убедиться, что все на месте. Все, как и должно быть.

— Это нечто невероятное! — восклицает венгр. — Никогда прежде не видел такого талантливого медиума. Надеюсь, вы не возражаете, если мы расскажем о вашей матери своим друзьям?

— Конечно, нет, — отвечаю устало.

Ведь этого мне и хочется. Да?

— Думаю, пора расходиться, — повышаю я голос. — Маме нужно отдохнуть.

Мадам Ван Хаусен изображает на лице жалостливую гримасу, но меня не обманешь. Уверена, она взвинчена из-за своего представления и готова учинить мне допрос с пристрастием по поводу разбитой лампы. Венгерская пара тут же нас покидает, но Синтия хватается меня за руку и тянет за собой к двери:

— Я говорила с доктором Беннетом. Завтра он устраивает первую встречу американского отделения Общества психических исследований и очень просил, чтобы мы пришли.

В волнении она хлопает в ладоши. И пусть я нервничаю из-за сеанса, все равно не могу удержаться от улыбки, глядя на Синтию. Ее энтузиазм заразителен.

— Завтра вечером у нас выступление.

— Я сказала ему, что и сама собираюсь присутствовать на вашем шоу, а после мы сможем прийти. Доктор будет нас ждать.

Несмотря на нервное трепыхание бабочек в животе, я с улыбкой соглашаюсь. Как бы ни

пугало меня разоблачение, гораздо сильнее я беспокоюсь о маминой безопасности. Что там сказал Уолтер? Угроза исходила от кого-то из присутствующих на сеансе. Я поворачиваюсь к гостинной. Готова поспорить, что речь о миссис Линдсей. Но хотелось бы знать наверняка. А еще хотелось бы найти ответы на некоторые важные вопросы, и если доктор Беннет способен их дать, то неважно, насколько я ему не доверяю, — я должна воспользоваться шансом.

Гейлорды и пара из Венгрии уже ушли, но семейство Линдсей почему-то задерживается. Миссис Линдсей подходит к моей матери, и я напряженно застываю.

— Это на самом деле было весьма впечатляюще. — Соперница шныряет глазами по комнате в поисках признаков обмана. — Вы должны показать мне, как такое можно проверить.

Мадам Ван Хаусен вскидывает брови и тут же устало опускается на ближайший стул:

— Мир духов — тайна, даже для меня.

— О, прекратите, — презрительно выплевывает Линдсей. — Мы с вами обе знаем, что это какая-то иллюзия. Точно. Никто не способен на то, что я...

— Мама! — Бледная кожа ее дочери заливается краской, и несчастная хватается за плечо матери.

Я быстро перевожу взгляд на собственную родительницу, которая тут же вытягивается в струнку:

— Уверяю вас, миссис Линдсей, это никакая не иллюзия. Пути духов...

— ...неисповедимы, — заканчивает миссис Линдсей со скупой улыбкой. — Это ваши слова. Идем, Лизетт. Думаю, здесь нам больше делать нечего.

Как только женщины уходят, Оуэн приподнимает брови:

— Да уж, а вы знаете толк в веселье.

Мама фыркает и скрывается в кухне — уверена, чтобы налить себе чего-нибудь покрепче. Я слышу голоса и понимаю: она говорит с Коулом, который как раз выбрасывал последние осколки стекла. Я беру Оуэна за руку и провожаю к двери:

— Огромное спасибо, что пришел.

Он смеется:

— Намек понял, но ты ведь в курсе, что на самом деле я здесь не ради спиритического сеанса? Я пришел спросить, не хотела бы ты составить мне компанию в пятницу вечером, после выступления? Мы с друзьями собираемся в какое-нибудь местечко в Гарлеме, где промышляют алкоголем. Думаю, тебе понравится.

Разговор на кухне внезапно стихает, и мое сердце ухает вниз.

— Не уверена, что мама...

— Конечно, иди! — доносится из кухни мамин голос. — Ты должна чаще общаться со сверстниками.

Мое лицо пылает, но злюсь я на себя. Какое мне дело, если Коул слушает?

— Ну, тогда с удовольствием.

Оуэн протягивает руку и сжимает мою ладонь:

— Жду с нетерпением.

От его прикосновения мой пульс ускоряется. Когда Оуэн только пришел, его волосы были прилежно зачесаны назад, теперь же пряди падают на лоб. А нос с горбинкой, сияющие голубые глаза и озорная улыбка делают его похожим на непослушного ребенка. Закрывая за ним дверь, я улыбаюсь.

Безусловно, Оуэн мной заинтересовался, но заинтересована ли я? А почему нет? Он красивый, забавный, искушенный и просто душа компании. И, что еще важнее, имеет стабильную работу и упорядоченную жизнь. Конечно, я заинтересована. Как и любая нормальная девушка на моем месте.

В коридор выходит Коул: рот плотно сжат, а в глазах плещется гнев и... что-то еще. Неужели ревность? Поразительно. Я с удивлением смотрю на соседа. Он почти всегда кажется гораздо старше меня, а еще таким правильным и серьезным, что мне и в голову не приходило, будто он может думать обо мне... в этом ключе.

«Да, так и есть», — шепчет внутри тоненький предательский голосок.

— Полагаю, мне тоже пора. Уже поздно, — говорит Коул и резко кивает.

Он пытается проскользнуть мимо, но я шагаю вперед и упираю руки в бедра. Теперь, когда я хочу поговорить с соседом, он пытается сбежать? Что ж, это мы еще посмотрим.

— Постой. Я думала, мы собирались...

Он прижимает палец к моим губам, и я замираю. Все нервные окончания внезапно начинает покалывать от тепла, что исходит от этого простого прикосновения. Наши глаза встречаются. Гнев во взгляде Коула ослабевает, а уголки губ едва заметно приподнимаются.

Он указывает головой в сторону безмолвной кухни.

— Завтра, — говорит беззвучно и отнимает руку от моих губ.

Я сжимаю их, жалея, что ушло тепло.

— Спокойной ночи, Анна, — прощается Коул и выходит за дверь.

Я мысленно встряхиваюсь. Ну ладно... но завтра я хочу получить ответы.

— Как тебе миссис Линдсей? — спрашивает мама, едва я вхожу в кухню. — Что за нахальная женщина! Терпеть не могу скептиков. Все они сплошь подлые лжецы.

Я прячу улыбку. Кто бы говорил...

— Не думаю, что она скептик, мама. Скорее, еще один медиум.

Мама прищуривается:

— Разумно. Я поговорю с Жаком. Впредь нам нужна более подробная информация о клиентах. Это становится слишком рискованно. — Она вытаскивает из рукава маску и кладет на стол ключ от наручников. — Итак, что же там произошло?

Я готова к вопросу и отвечаю без колебаний:

— Я запнулась о шнур. Миссис Линдсей выглядела так, будто собирается наброситься на тебя, так что я дернула его ногой. Сожалею, что учинила такой беспорядок, но ты, по крайней мере, смогла спокойно вернуться в кабинет.

На мамином лице читается сомнение, она явно пытается вспомнить, где я находилась в тот момент. Но я-то знаю, что маска ограничивает видимость, а еще в комнате было очень темно...

— Прости за лампу.

Мадам качает головой:

— Не переживай. Жак купит мне новую, если попрошу.

Я хмурюсь. Не хочу зависеть от того, кому не доверяю.

Мама поворачивается ко мне с таким невинным выражением, что я застываю в напряженном ожидании.

— Значит, ты и Оуэн.

Я вздыхаю:

— Я и Оуэн, что?

— Ну ты ведь идешь с ним в пятницу на танцы? Он тебе нравится?

Я пожимаю плечами. По-моему, немного поздновато для этих бесед в стиле дочки-матери. Когда заставляешь своего ребенка помогать тебе обманом вытягивать у людей деньги, то теряешь право учить его жизни.

— Вы повеселитесь.

— Зачем ты сегодня пригласила Коула? — спрашиваю небрежно.

Мама начинает хлопотать, вытирая уже чистую столешницу:

— Хотела, чтобы у тебя был выбор.

Я чувствую, что она желает развить тему, но не решается. А действительно ли я хочу знать, что у нее на уме? Один из принципов моего выживания — не слишком углубляться в мамины мотивы. Так что... Широкий зевок в качестве предлога — и я кошусь в сторону спальни:

— Я правда устала. Думаю, пора ложиться спать.

На какой-то миг на лице мадам будто бы вспыхивает разочарование, но она тут же улыбается:

— Спокойно ночи, дорогая. Спи крепко.

Наклоняется ко мне, и я послушно целую ее в щеку:

— Спокойной ночи, мама.

Ложась в кровать, я все думаю о том мамином взгляде. Она действительно разочарована, что я не доверяю ей свои мысли и мечты? Я только что упустила возможность сблизиться с собственной матерью? Или это игра? Наверняка и не скажешь.

* * *

Одежда тяжелым грузом тянет меня вниз. Я не могу дышать. Мама. Я должна ей помочь. Легкие горят огнем. Она выкрикивает мое имя. Я не могу дышать. Мне очень жаль.

Я просыпаюсь мокрая от пота; ноги запутались в клубке одеяла. Отпинываю его и прислушиваюсь. Тишина. Проверяю, как там мама, и сердце постепенно успокаивается. Сходив на кухню и попив воды, возвращаюсь в комнату. Мысли путаются. Почему это происходит? Все реально? Ложусь обратно в кровать и натягиваю одеяло до подбородка.

Страх усаживается мне на грудь, будто толстый кот, и заглядывает в глаза. Уолтер, видения, неизвестный преследователь... Как хочется, чтобы рядом был кто-то, с кем можно поговорить. Кто-то понимающий. Кто сможет помочь. Я сворачиваюсь в клубок и накрываюсь одеялом с головой.

Никогда прежде еще не чувствовала себя такой одинокой.

Проснувшись через несколько часов, радуюсь солнцу, сияющему за окном. В солнечные дни страху не за что зацепиться. Сегодня я поговорю с Коулом.

Я быстро умываюсь, больше чем обычно переживая о своем внешнем виде. Вспоминая о пальцах Коула на моих губах, трижды меняю шляпку, хоть и обзываю себя при этом неразумной дурочкой. От нервозности сердце аж подпрыгивает, словно подбрасываемые жонглером кегли. И причина не только в предстоящей встрече с соседом, но и в том, чему он может меня научить. Потому что я точно знаю: вчера вечером я почувствовала, как он через стол протягивает ко мне свою нить эмоций. У Коула такие же способности, как у меня.

Я подкрашиваю губы, но тут же, недовольная, все стираю. Я не яркая и не таинственная. Глядя на себя в зеркало, гадаю: что же видят другие? «Красивая молодая девушка» — так назвал меня Оуэн. А Коул считает меня красивой? Рядом с моей матерью, вслед которой

оборачиваются все мужчины на улице, трудно сказать.

В отличие от мадам Ван Хаусен, которая меняет облик в зависимости от настроения, я всегда выгляжу одинаково — серьезной и задумчивой, — независимо от того, что надеваю и пользуюсь ли косметикой. Сегодня на мне черные шелковые чулки, синее шерстяное платье и темное пальто с запахом. И, наконец определившись, я надеваю новую черную шляпку-клош с цветком из бисера на боку. Я выгляжу умной и современной, но никак не очаровательной. Горя от нетерпения, отворачиваюсь от отражения и собираю вещи.

Спускаюсь вниз и замираю перед дверью. Нужно постучать? Спросить у мистера Дарби могу ли я поговорить с Коулом? Как бы себя повела приличная девушка?

От необходимости это выяснять меня спасают открывшаяся дверь и появившийся оттуда Коул.

— Доброе утро.

— Доброе утро.

Мгновение мы просто смотрим друг на друга, а затем он указывает на парадный выход.

На улице, может, и солнечно, но воздух потрескивает от мороза, и я натягиваю мягкие кожаные перчатки.

— Не хочешь сходить в кафе «Чайлдс» поесть вафель? — спрашивает Коул, протягивая мне руку.

Я киваю, и мы в молчании идем к надземной остановке поезда. Мимо нас снуют мужчины в темных костюмах и котелках; женщины, в основном служащие, спешат в свои конторы, чтобы выпить первую чашку кофе.

В вагоне тесно, и мы с Коулом пробиваем себе дорогу, прямо как настоящие ньюйоркцы. Здесь мы не можем поговорить, но, когда я цепляюсь за свисающий с потолка ремень, сосед ободряюще мне улыбается. Он прижимается ко мне так близко, что я чувствую чистый аромат его мыла даже под зловонным запахом тел, духов и сигарет, что источают другие пассажиры. Моя голова как раз достает до груди Коула, и я устремляю взгляд туда, где воротник его рубашки встречается с впадинкой на горле. С замиранием сердца смотрю на нее и думаю: каково это, прижаться губами именно туда? В лицо бросается краска, а во рту внезапно пересыхает. Никогда в жизни еще не чувствовала себя столь неуверенно и смущенно.

И в итоге... я залезаю Коулу в карман.

Я не собиралась этого делать! Ведь ни разу так не поступала лет с одиннадцати или двенадцати, но тогда нам срочно нужны были деньги, чтобы уехать из города. Однако стоя так близко к Коулу и чувствуя себя настолько странно, я никак не могу сдержаться. Наверное, потом просто выдам все за шутку и верну ему его бумажник или ключи, ну или что я там обнаружу. Отпущу колкость по поводу опасностей переполненного поезда, и на этом все. Но в тот момент, когда мои пальцы смыкаются на конверте, перед глазами вспыхивает витиеватый женский почерк на адресованном Коулу письме, что лежало на столе мистера Дарби. И я понимаю, что не верну его. Я перетаскиваю конверт в свой карман, щеки мои пылают.

Коул озадаченно смотрит вниз. Я слабо улыбаюсь в ответ и прячу глаза. Не сомневаюсь: вина крупными буквами написана на моем лице. Совсем забыла, что сосед может прочитать меня так же, как я читаю других.

«Чайлдс» встречает нас жизнерадостным синим козырьком и вафельницей на окне, но мне так не терпится начать разговор, что я едва ли обращаю на все это внимание. Прикусив

язык, жду, когда Коул заговорит, но он, кажется, не торопится. Я наблюдаю, как он намазывает вафли джемом да еще и поливает сверху сиропом. Затем начинает с аппетитом есть, а я все не решаюсь приступить к своей порции. Пахнет вкусно, но мой желудок слишком сжимается от волнения.

— Ты не любишь вафли?

И снова этот проклятый официальный тон. Глубоко вздохнув, кладу вилку и просто смотрю на Коула. Он смотрит на меня в ответ:

— Жаль... — И замолкает; рот сжимается в прямую линию.

Я подаюсь вперед, сердце мое раздувается.

— О чем ты жалеешь?

Он чуть кривит губы:

— Жаль, что мы не встретились при других обстоятельствах. Тогда бы мне не пришлось объяснять. — И качает головой, словно сам собой недоволен.

— Но ты и не объяснил еще ничего!

— Знаю. У меня это плохо выходит. Никогда не думал, что это будешь ты...

Он все ходит вокруг да около и выглядит так, будто жаждет, чтобы под ногами разверзлась дыра и поглотила его.

— Не понимаю...

— Мне хотелось бы просто позавтракать вместе с тобой, — порывисто говорит Коул. — Без всего остального.

Я изумленно открываю рот и тут же выпрямляюсь:

— Ты стесняешься!

Коул отводит взгляд:

— Наверное. Немного. По крайней мере, в женском обществе. Могу оправдаться тем, что ходил в интернат только для мальчиков.

Это кое-что проясняет. Излишний официоз и то, что Коулу неуютно рядом с моей матерью. Грудь сжимается, а сердце переполняется сочувствием к нему. А затем я вспоминаю, зачем сюда пришла.

За ответами.

— Я догадываюсь, что ты хочешь сказать, — начинаю осторожно, словно крадусь по осколкам стекла. — Но мне правда нужно знать, что происходит. Тебе обязательно надо объяснить мне все остальное.

Коул смотрит вниз на свои руки. Сильные руки с красивыми пальцами и короткими ногтями. Я помню, как эти пальцы прикасались к моим губам...

— Я знаю, кто ты. — Я резко поднимаю глаза к его лицу. — По крайней мере, подозреваю.

Я закусываю губу и опускаю взгляд:

— Кто же? Девушка? Иллюзионист? — Я нарочно не говорю «мошенница», но слово висит между нами, яркое и смертельно опасное.

— Нет, экстрасенс.

И «мошенница» с хлюпом падает прямо в сироп.

— Кто?

— Экстрасенс. Тот, кто обладает сверхъестественными способностями.

Я все кусаю губу и отвожу глаза, опасаясь того, что Коул может в них увидеть.

— В самом деле? — произношу тихо. — И какие же, по-твоему, у меня способности?

— Я знаю, что ты чувствуешь чужие эмоции. А еще можешь говорить с мертвыми. Правда не уверен, это твоя личная способность или срабатывает только при взаимодействии со мной. Ты говорила, что раньше такого не случилось?

Я качаю головой, и только тогда до меня доходит:

— Постой-ка. В смысле, при взаимодействии с тобой?

Коул отводит взгляд:

— Я тоже экстрасенс. Ну... не совсем. Скорее, проводник. Мои способности усиливают твои. Я даже могу их имитировать, пока ты находишься рядом.

Мысли путаются, сердце болезненно ухает в груди. Мир вокруг кренится и качается, и я цепляюсь за край стола.

— Итак. Это объясняет появление Уолтера.

Коул кивает, глядя на свои руки:

— Я не знаю, произошло бы это в любом случае, или мое присутствие усилило твои способности. Потому и хотел поговорить с тобой вчера. Прости, что тянул так долго.

Я на мгновение прикрываю глаза. Ощущение того, как Уолтер захватывал мое тело, настолько сильное, что меня почти тошнит.

— Анна, я все понимаю. И не хотел этого. Я остановил его, как только понял...

— Когда схватил меня за руку?

Коул кивает:

— Я могу блокировать — или отключать — чужой дар. Помнишь в кинотеатре? Когда тебя захлестнули эмоции той бедной женщины? Как только я понял, что происходит, то оборвал контакт, но потом увлекся фильмом и пропустил момент, когда все снова началось.

Значит, я не ошиблась. Это присутствие Коула меняет мои способности. Желудок сжимается, и я отпиваю горячего кофе, чтобы расслабиться. Кружка большая и удобная. Я обхватываю ее руками и делаю еще один глоток. Мир вокруг нас заполнен гулом разговоров, но ничто не может заглушить гул беспокойства и надежды, звучащий в моих ушах.

— Ты можешь, м-м-м, управлять этим?

— Да, но это требует времени. Учатся все по-разному: кто-то быстрее, кто-то медленнее.

Мое сердце замирает. Какое-то мгновение я не могу ни двигаться, ни дышать. Наконец смотрю в глаза Коула, наполненные беспокойством и чем-то еще, что я никак не могу разобрать.

— Есть и другие? — спрашиваю шепотом.

Он отводит взгляд:

— Да.

Я не одинока.

Меня накрывает облегчение, сладкое, со вкусом свободы, и я откидываюсь на спинку стула. Когда-то я считала себя безумной, которой мерещится всякое. А оказывается, все это время существовали и другие. Не то чтобы я не догадывалась. Написано слишком много книг о психических явлениях, чтобы это было простым совпадением, но убедиться лично...

— Кто? — спрашивает мое потерянное и одинокое «я» из самой глубины души.

Коул протягивает мне платок.

— Не могу сказать, — отвечает тихо.

Я перестаю вытирать глаза:

— Почему?

— Я вообще больше ничего не могу тебе сказать. Не сейчас. — И хотя его тон полон сожаления, я знаю, что он говорит серьезно.

— А когда сможешь?

Коул поджимает губы и пожимает плечами. Острая боль, смешанная с отчаянием, прорывается из моей груди. Я хватаю его за руку, пытаюсь сосредоточиться и прочитать... Но он закрылся.

Понятия не имею, почему вдруг чувствую себя обманутой и преданной. Я ведь едва знаю Коула. Я просто... Внезапно меня осеняет:

— Когда я спросила, зачем ты приехал в Америку, ты сказал, будто искал меня. Что это значит?

— На этот вопрос я могу ответить. Я приехал в поисках других экстрасенсов. Ты первый настоящий, кого я обнаружил. — Потемневшими от беспокойства глазами он вглядывается в мое лицо.

Голова кружится от попыток соединить все воедино.

— Этим ты и занимаешься? Потому что отсутствуешь дома весь день? Ищешь экстрасенсов? Коул кивает.

— И поэтому ты был в трущобах в тот вечер, когда я потерялась?

Еще один кивок:

— Хожу к гадалкам, медиумам и прочим. В этом деле много шарлатанов, так что никогда не знаешь наверняка.

— Вот для чего ты познакомился с Жаком — чтобы получить приглашение на наш сеанс.

— После того, как я встретил тебя в передней, я уже знал.

Сердце сжимается от разочарования. Только я решила, что Коул хотел познакомиться со мной... но ему интересны лишь мои способности.

— Зачем ты ищешь таких, как я?

Он на мгновение закрывает глаза и качает головой:

— Слушай, это правда не моя тайна. Есть люди...

Я в отчаянии стискиваю руки:

— К чему вообще этот разговор, если ты не можешь ничего объяснить?

— Я предупреждал их, что только все запутаю.

— Предупреждал кого? — Взглянув на лицо Коула, я встаю: — Нет, молчи. Знаю, ты не можешь сказать.

Я разворачиваюсь и ухожу.

— Анна, постой! Прошу, ты должна мне поверить. — В его голосе слышится мольба, но мне нечего ответить. Я просто хочу уйти от него так далеко, как только возможно.

Коул встает, чтобы направиться следом, но я вскидываю руку:

— Не. Сейчас.

Мгновение он смотрит на меня и наконец согласно отступает.

Стиснув зубы, я выхожу наружу, в холодное утро, не в силах разобраться, какая из бурлящих внутри эмоций сильнее: гнев, разочарование или боль от разбитого сердца.

Согреваясь бурлящим внутри гневом, я миную остановку поезда и иду вниз по улице.

Ну как можно было рассказать мне то, что я так давно жаждала узнать о самой себе, а потом отказаться поведать подробности? Он же просто оставил меня в подвешенном состоянии, вручив эти крохи и ничего больше!

— Поверь мне, — передразниваю я, уворачиваясь от прохожих на оживленном тротуаре. Как я могу? Я ведь никому не доверяю.

Вдруг замираю.

Возможно, я похожа на мать гораздо больше, чем думала.

Иду дальше, пытаюсь разобраться в суматошных мыслях, кружащихся в голове, точно конфетти, подхваченное ураганом. Есть и другие люди, похожие на меня. И они умеют управлять своими способностями. И... отключать их? Жить нормальной жизнью? Я так этого хочу! Избавиться от дара и быть как все.

А научить меня этому может только Коул. Коул, который перескакивает от равнодушия к заботе быстрее, чем фокусник в состоянии сказать «Абракадабра».

Я вновь останавливаюсь, когда осознаю кое-что еще. Видения. Теперь понятно, почему она вдруг стали касаться моей жизни, раз рядом с соседом способности усиливаются.

Гнев испаряется, оставляя меня в одиночестве, будто ребенка, который, обнаружив путь к центру лабиринта, понимает, что выхода нет.

Я подумываю запрыгнуть на трамвай, но в конце концов решаю, что свежий воздух поможет очистить разум и избавиться от последних остатков гнева. В театре мне нужно быть только через несколько часов, к тому же день просто чудесный, несмотря на холод. Я иду мимо старых зданий, и солнечный свет отражается на их первозданных мраморных фасадах.

Я до сих пор на Шестой авеню, среди высоченных домов, благодаря которым чувствую себя будто на дне глубокого каньона. Пытаюсь выбросить из головы разговор с Коулом, и пешая прогулка меня успокаивает.

Проходит, наверное, больше часа, как вдруг я останавливаюсь, ошеломленная огромной вывеской над витриной на противоположной стороне улицы:

«МАГИЯ ОТ МАРТИНКА-ХОРНМАНА И ДРУГИХ».

Я все пялюсь на надпись, и на смену замешательству приходит воодушевление. Разве можно переживать о проблемах в личной жизни, когда перед тобой самый известный в мире магазин магии? Как и любой стоящий иллюзионист, я знаю, что братья Мартинка открыли свой магазин в тысяча восемьсот шестидесятом и управляли им целых сорок лет, прежде чем продали Великому Картеру, который, в свою очередь, продал все Гудини. А тот через несколько лет тоже передал дело в руки другого известного фокусника — Отто Хорнмана.

И вот этот магазин прямо передо мной. Я смотрю по сторонам. Это счастливая случайность привела меня сюда сразу после разговора с Коулом? Или нечто иное? Я замираю, но не слышу ничего, кроме стука собственного сердца.

Перебегаю оживленную улицу, едва не попав под колеса такси, и, прежде чем открыть дверь, останавливаюсь и делаю глубокий вдох. В этот момент я не дочь властной женщины. Не девушка, увлеченная парнем, которого интересуют лишь ее способности. Сейчас я фокусник.

Требуется какое-то время, чтобы глаза привыкли к полумраку помещения, но как только это происходит, у меня перехватывает дыхание. Магазин уставлен полками от пола до потолка, и здесь царит такой беспорядок, что в сравнении с этим мастерская мистера Дарби кажется образцом опрятности.

За прилавком никого нет, и зал выглядит пустым, но звук голосов в дальней комнате подтверждает, что я не одна. Товары, как попало разложенные на любой подходящей поверхности, притягивают мое внимание. На одной полке неустойчиво громоздятся колоды карт. С другой — разноцветными водопадами ниспадают шарфы. А в глубине магазина я вижу волшебные шкафы и разнообразные ящики. Части стен, не занятые полками, увешаны плакатами и листовками о выступлениях известных иллюзионистов. Из общей массы я сразу же выделяю несколько с именем Гудини.

И глубоко вдыхаю затхлый запах дерева, старинных книг и пудры для карт.

Руки тянутся к ближайшей ко мне открытой колоде, и я ее перетасовываю. Это красивые карты, со скрещенными мечом и волшебной палочкой на «рубашке». Не расставаясь с колодой, бреду к отполированному деревянному ящику с двойным дном.

— Я могу вам помочь?

Застигнутая врасплох, оборачиваюсь и вижу пожилого джентльмена в очках с толстыми стеклами, что высунул голову из двери, ведущей в заднюю комнату.

— Спасибо, я просто смотрю.

Он заинтересованно вскидывает брови, но затем кивает и исчезает, и я слышу его слова:

— Просто какая-то девушка, присматривается...

Просто какая-то девушка. Я перемещаю одну карту между пальцами, туда-обратно, затем подбрасываю в воздух и ловлю серединой колоды. Одной рукой снимаю, переворачиваю, возвращаю и, наконец, молниеносно раскрываю карты широким веером.

Действительно, какая-то девушка...

— Впечатляет.

Мое сердце взмывает вверх, к горлу, когда вдруг оказывается, что я смотрю прямо в холодные глаза Гарри Гудини. Я опускаю взгляд. Это самый известный магический магазин в мире. Конечно, Гудини здесь бывает.

Может, в глубине души я на это и надеялась?

— Спасибо, — бормочу, чувствуя, как пылает лицо. Скорее всего, он меня не помнит. Он, наверное, за эти дни подписал сотни книг.

— Вам нравятся карты, Анна?

От того, как Гудини произносит мое имя, по спине пробегают мурашки. С его венгерским акцентом это звучит так же, как выходит у мамы. Ана.

Я закусываю губу:

— Да. Я люблю фокусы.

— А, поклонница, — приподнимает брови Гудини.

Я смотрю ему прямо в глаза:

— Нет, иллюзионист.

Его брови вновь взмывают вверх:

— Вы выступаете?

Как же хочется забрать слова назад! С тем же успехом я могла просто нарисовать мишень на маминой спине. Вместо ответа начинаю вновь играть с картами. Гудини берет другую колоду и демонстрирует собственные умения. Он хорош. Но я, несомненно, лучше.

— Я чувствовал, что увижу тебя снова, — произносит он, не отрывая взгляда от своих карт.

У меня кровь стынет в жилах. Он имеет в виду обыкновенное «я-чувствовал» или что-то из разряда «я-предвижу-будущее»? Многие люди — в частности создатель Шерлока Холмса, сэр Артур Конан Дойл — полагают, что у Гудини есть сверхъестественные способности, но сам иллюзионист это яростно отрицает.

— А я-то считала, что вы не менталист, — говорю смело, откладывая карты.

Гудини следует моему примеру:

— Я и не менталист. Догадка чисто интуитивная.

— Хорошая интуиция.

Он едва заметно улыбается.

— Так скажи мне, иллюзионист Анна, наша встреча случайна или нет?

Вдруг занервничав, я перехожу к другим товарам.

— Намекаете, что я вас преследую? — Беру ящик и открываю двойное дно, лишь бы не встречаться глазами с собеседником. Я ведь за ним не следила, так почему же чувствую себя виноватой?

Краем глаза замечаю, как Гудини пожимает плечами:

— Такое уже бывало.

Естественно. С его-то известностью, я бы удивилась, если б не бывало.

— Что ж, сейчас не тот случай.

Ставлю ящик и направляюсь к мячикам для жонглирования. Беру набор и несколько раз для пробы подкидываю в воздух.

Гудини скрещивает руки на груди, рукава его пиджака сморщиваются, и в этой позе он выглядит еще ниже ростом, чем на самом деле.

— Итак, ты жонглируешь и отлично управляешься с картами, но все это цирковые трюки. Не магия.

— В смысле совсем не похоже на ваши трюки с освобождением из цепей? — В моем тоне проскальзывают оборонительные нотки.

«Покажи ему», — призывает мой внутренний иллюзионист.

«Убирайся отсюда!» — вопят защитные инстинкты.

— Ключевое слово здесь «трюки». — Гудини иронично изгибает губы. — Эдриан Монс и Робер-Гуден^[12] — вот кто творил настоящую магию.

— Настоящую магию? — усмехаюсь я, и он улыбается в ответ. Ободренная, я продолжаю: — А не вы ли посвятили целую книгу разоблачению Робер-Гудена?

Он пожимает плечами:

— Я был молод и горяч. — Затем склоняет голову, прищуривается, будто что-то обдумывая, и, наконец, достает из кармана карточку. — Моя личная визитка. Думаю, миру не помешало бы побольше талантливых женщин-иллюзионистов. Моя жена, к примеру, весьма способная. Ты всегда можешь прийти и показать мне свои номера. Возможно, я смогу что-нибудь посоветовать.

Я еще какое-то время жонглирую, потом кладу мячи. Медленно беру карточку, будто она может взорваться перед моим лицом, и бросаю в карман. Искушение показать Гудини, на что я способна, гораздо сильнее здравого смысла.

— Может, я прямо сейчас вам что-нибудь продемонстрирую?

Его заостренные брови весело приподнимаются.

Я тайком поглаживаю лежащую в сумке отмычку:

— Есть у вас наручники?

— И что же ты знаешь о наручниках?

Мой пульс учащается, и я нагло улыбаюсь:

— Испытайте меня.

Улыбка Гудини становится шире, когда он идет к загроможденному прилавку. Наклонившись, какое-то время роется в вещах, а затем возвращается, держа в руках манжеты Ловелла.

Я не показываю, какое испытала облегчение. На секунду я испугалась, что он собирается надуть меня, вручив наручники «Гигант Бин». Расширителя у меня с собой нет, так что пришлось бы признать поражение. Но с этими... с этими я справлюсь.

Гудини крепко сковывает мне руки, не замечая отмычки в рукаве пальто, и разворачивает меня лицом к себе.

— Отвернитесь.

В отличие от мистера Дарби, он не спрашивает зачем. Большинство трюков, Гудини и сам выполняет за занавесом.

Какое-то время я просто смотрю на его шею, на то, как пиджак обтягивает плечи... Мы с ним одного роста.

— Итак. Что ты имела в виду, сказав, будто медиумы найдут другие способы обманывать клиентов?

От испуга и удивления я едва не роняю отмычку.

— Лишь то, что они придумают новые, более качественные иллюзии, как поступают фокусники.

Секунду мои пальцы неуклюже возятся с замком, но затем я успокаиваюсь и позволяю телу действовать самому. Мышцы помнят, что делать.

— Откуда тебе об этом хоть что-нибудь знать?

— Как вы выбираетесь из запертых ящиков? — спрашиваю вместо ответа.

Гудини издает низкий смешок:

— Туше?

Подойдя к нему вплотную, я шепчу:

— Думаю, секрет в коротких болтах.

После чего бросаю наручники на прилавок и со всех ног мчусь прочь из магазина.

* * *

Вечером, сразу после шоу, Синтия, как и обещала, ждет у театра. Внутри меня идет настоящая война радостного волнения с нервозностью. С одной стороны, очень хочется выяснить у Общества психических исследований все, что только возможно. С другой — я безумно боюсь того, что могу узнать. Например, что мои предчувствия никак не отключить, а видения все равно сбудутся, как бы тщательно я ни приглядывала за мамой.

Лицо Синтии озаряется предвкушением. Она сегодня просто восхитительна в блестящем коралловом кардигане и плиссированной бежевой юбке. Того же цвета фетровая шляпа красуется на сияющей светловолосой головке. Синтия выглядит непривычно скромно, что сильно отличается от ее обычного блистательного образа. Я так и не сняла сценический костюм, и в этом шелковом восточном платье чувствую себя чересчур разодетой и яркой.

— Волнуешься? Я — очень!

Я согласно улыбаюсь и забираюсь в автомобиль.

Поездка до церкви пролетает незаметно. Синтия рядом со мной что-то радостно щебечет, и я убеждаюсь, что она не изменилась, несмотря на свой новый облик. Прислушиваясь к ее болтовне, я отвлекаюсь от внутренних спазмов.

Не задерживаясь в святилище, мы идем в заднюю комнату, которая похожа, скорее, на контору и не соответствует итальянскому стилю церкви. В углу стоит ветхий стол, а темно-коричневый ковер на полу обшарпан и покрыт пятнами. В центре комнаты кругом выстроено восемь деревянных стульев с прямыми спинками.

Тут же, общаясь, стоит несколько человек. Как только мы с Синтией заходим и представляемся, я сажусь на один из стульев, а моя спутница продолжает болтать с остальными. Я в моем нынешнем настроении к светским беседам никак не расположена. Не знаю, чего жду от этой встречи, но надеюсь получить какие-нибудь ответы. Не похоже, что Коул собирается осчастливить меня таковыми.

Я хмурю лоб. Сосед сказал, что есть и другие люди со способностями. И хотя он об этом не заикался, интересно... он имел в виду Общество психических исследований? Я так и сяк кручу эту идею. Может быть, но всяких спиритических объединений предостаточно. А вдруг он говорил о более зловещих сообществах? Вроде того, к которому принадлежит Алистер Кроули^[13] или другие оккультисты. Но Коул отказался уточнять, значит, я уже не узнаю.

Даже сидя спиной к двери, я понимаю, когда доктор Беннет входит в комнату. Чувствую его энергию еще до того, как он бодро здоровается с присутствующими. Мои способности становятся сильнее и острее, как и предупреждал Коул. В голове вспыхивает видение, и я вздрагиваю.

Почему мне кажется, что у меня осталось мало времени?

— Рад, что вы смогли прийти, мисс Ван Хаусен.

Застигнутая врасплох, я смотрю в румяное лицо доктора Беннета:

— Э-э-э... да. Спасибо за приглашение.

— Что вы надеетесь получить от этой встречи?

Вопрос ожидаем, так что и ответ у меня уже заготовлен. Я сверкаю улыбкой в стиле Синтии Гейлорд:

— О, мне просто крайне интересны всякие там сверхъестественные явления.

Доктор Беннет разглядывает меня, склонив голову, а я все улыбаюсь, пока щеки не начинают болеть. То, что я хочу найти ответы, не значит, будто я ему доверяю. Пока нет.

— Вы пришли по адресу, — произносит он наконец и сцепляет руки в замок: — Ну что, занимаем свои места?

Сложив переплетенные пальцы на живот, доктор Беннет какое-то время рассказывает об истории Общества психических исследований:

— Это самое долгоживущее объединение по изучению сверхъестественного, членами которого являлись такие светила, как Диккенс, Йейтс, а в настоящее время и сэр Артур Конан Дойл.

— Что оно изучает? — спрашивает мистер Хубер, немец, которого я уже видела на лекции.

— Экстрасенсорное восприятие, ясновидение, теорию снов и, конечно, вызывание призраков во всей его многогранности, вроде автоматического письма или телекинетической активности.

Я осторожно наблюдаю за доктором Беннетом. Он не раздумывает над ответами и

говорит властно и уверенно. Но, опять же, мама ведет себя точно так же.

— А Общество уже обнаружило неопровержимые доказательства существования чего-то подобного? — интересуется Синтия, и я смотрю на нее с удивлением.

Доктор Беннет улыбается:

— Это, моя милая леди, как раз то, что желает узнать все научное сообщество. До сего дня давалась весьма размытая информация о результатах исследований, дабы не тревожить широкую общественность. Но могу сказать, что я присутствовал при некоторых экспериментах и получил удовлетворившие меня доказательства.

Раздается шорох и бормотание других присутствующих.

— Какие доказательства? — спрашиваю я.

— Я был свидетелем появления призрака, телекинеза и автоматического письма. А еще я лично знаю людей с экстрасенсорными способностями.

Я скрещиваю руки на груди и хмурюсь. Я тоже все это видела. Ха! Я все это делала.

— Вы так недоверчиво смотрите, мисс Ван Хаусен. — Говоря это, Беннет улыбается, но я понимаю, что теперь он воспринимает нас с Синтией как возмутительниц спокойствия.

— Я просто осторожна, доктор Беннет. Не могли бы вы рассказать побольше об экстрасенсорных способностях? — Кажется, это ближе всего к моим собственным талантам. Даже думать не хочу об Уолтере.

— Экстрасенсорное восприятие — это способность читать мысли и эмоции или предсказывать будущее. В некоторых виденных мною тестах применялись карты, но другие были более сложными, с использованием электроэнцефалограмм, то есть записей электрических волн головного мозга. Такое устройство первым разработал мой друг, Ричард Катон.

Я вновь нерешительно поднимаю руку, и доктор кивает.

— Вы упомянули ясновидение. Вы знакомы с теми, кто предсказывает будущее? И если да, то являются ли видения незыблемыми, или у кого-то получалось изменить предсказанное? — Задавая вопрос, я словно ступаю на тонкий лед, но другого способа получить ответы просто нет.

Беннет приподнимает бровь:

— Насколько мне известно, ясновидец видит то, что произойдет, а не то, что только может случиться. Мне говорили, что видеть будущее, это как видеть прошлое. И то, и другое неизменно. — Он улыбается и оглядывает комнату: — Еще вопросы?

Сердце колотится как сумасшедшее, и я стискиваю руки на коленях. Неизменно. Я судорожно вдыхаю, стараясь не привлекать к себе внимания. «Сосредоточься».

Мистер Хубер поднимает руку:

— Значит, вы пытаетесь открыть североамериканское отделение Общества психических исследований?

Доктор Беннет хмурится:

— Такой была моя цель, когда я только приехал в Штаты. Но должен быть с вами откровенен: мы с Обществом, как бы так выразиться... распрощались? Да, думаю, это подходящее слово.

Он замолкает, и пожилая дама в боа из перьев задает следующий вопрос:

— Можно поинтересоваться, что произошло?

Беннет вздыхает:

— Я не хочу порочить организацию, которую прежде так уважал. У меня возникли

претензии к их методам. Я считаю, что всех людей нужно расценивать как равных, а ученые в Обществе, по-моему, упустили это из виду и стали относиться к субъектам своих исследований не лучше, чем к лабораторным мышам. Но хватит об этом. Достаточно сказать, что я планирую создать собственную организацию, которая, конечно, будет ценить науку, но не ставить ее выше людей, коим она служит.

С последними слова он встает, и одна милая леди начинает хлопать. О, да доктор настоящий артист.

— А теперь не пора ли нам перейти к тестам? И хотя некоторые из них могут показаться вам необычными, уверяю, все они вполне научные. Только представьте! У кое-кого из вас могут обнаружиться настоящие сверхъестественные способности!

Я нервно вытираю руки о платье. Он действительно в состоянии это определить? Внезапно я понимаю: не хочу, чтобы он знал. Пока что. До сих пор Беннет не дал ни одного повода ему доверять.

Он проводит с нами серию опросов и тестов, вроде «угадайте картинку на предложенной карте». И хотя ответы всплывают в моей голове, каждый раз я выдаю неверный. Никогда прежде мне не удавалось прочесть чьи-то мысли. Интересно, это влияние Коула, или я всегда была на это способна, просто никогда не пробовала?

Когда все заканчивается, Беннет сообщает, что теперь желает поговорить лично с каждым.

— У меня есть опросный лист, и я хотел бы, чтобы вы все его заполнили. Пожалуйста, укажите свои имя и адрес, и я смогу отправлять вам более подробную информацию о встречах и тому подобное. Еще у нас есть печенье и кофе. Общайтесь, пока я провожу беседы. Мисс Ван Хаусен? — Он кивает на стулья, стоящие в углу комнаты.

Мы усаживаемся, но прежде, чем успеваем начать, подходит мистер Хубер:

— Прошу прощения, что прерываю, но мне, кажется, нечем писать.

— О, простите. — Доктор Беннет вынимает из кармана ручку и протягивает Хуберу.

У ручки серебряное основание с причудливой гравировкой и угольно черный колпачок.

Мистер Хубер смотрит на нее и хмурится:

— Где вы ее нашли? Мистер Паркер на днях потерял точно такую же.

Доктор непринужденно улыбается:

— На самом деле я купил ее в «Хэрродсе»^[14] перед тем, как покинул Лондон. Прелестная вещица, не правда ли?

Мистер Хубер согласно кивает и отходит к столу, где остальные едят печенье и беседуют.

Ложь Беннета словно кирпичом бьет меня в грудь.

— Вы врете, — выпаливаю я и тут же прикрываю рот рукой.

Доктор прищуривается и откидывается на спинку стула:

— И как же вы это определили?

Я сглатываю, в голове царит полный кавардак.

— Прошу прощения. Конечно, я не могу этого знать.

— О, думаю, можете, мисс Ван Хаусен. Не пытайтесь меня обмануть. Вы очень талантливая юная леди.

Я застываю, внутренне содрогаясь.

Он знает.

Я ни капли ему не доверяю, но в то же время отчаянно хочу... Хочу иметь возможность

просто вывалить все на кого-то, кто, очевидно, знает об экстрасенсорных способностях больше, чем я. Но в отличие от мамы я предпочитаю не рисковать. Еще слишком рано откровенничать с человеком, который совершенно точно является мошенником от науки.

Он ждет моего ответа. Его лицо буквально дрожит от сдерживаемого волнения.

Нет. Я ему не доверяю.

— Не понимаю, о чем вы, — говорю, пытаюсь изобразить смущение. — Имеете в виду мое магическое шоу?

Доктор Беннет смеется:

— Вообще-то, нет. Я говорю о ваших психических способностях. Вы единственная из всех, кого я когда-либо тестировал, кто на все вопросы ответил неверно. По теории вероятности такого быть не может. Итак, как видите, вас выдало не опрометчивое замечание о ручке, моя дорогая. Я уже знал. Загадка в том, почему вы это скрываете?

Я проклинаю собственную глупость, совершенно не представляя, что теперь сказать или сделать, чтобы не выдать себя еще больше. Наконец качаю головой:

— Думаю, разговор окончен, доктор Беннет. Но меня очень заинтересовали ваши исследования и организация.

Беннет тоже встает:

— Что ж, мисс Ван Хаусен, я понимаю вашу позицию. Вы не первая, кто желает сохранить свои способности в тайне. Буду держать вас в курсе событий. Надеюсь, однажды вы сможете мне довериться. Есть другие тесты, которые я хотел бы провести. И полагаю, что могу оказаться вам полезен.

Его серые глаза ясны и абсолютно искренни, но они не совпадают с теми волнами, что от него исходят.

— Готова уйти? — спрашиваю Синтию после ее личной беседы с доктором.

Я очень хочу убраться отсюда подальше и обдумать все, что выяснила.

Мы покидаем церковь под пристальным взглядом Беннета, и у меня возникает предчувствие, что он свяжется со мной уже очень скоро.

Несколько дней спустя, вернувшись после утреннего похода по магазинам, я с удивлением обнаруживаю, что мама уже проснулась и оделась. Все это время она вела себя идеально — наши представления проходили без сучка и задоринки, и последний сеанс она больше не упоминала. Так что теперь я гадаю, что же у нее на уме.

До сих пор мне удавалось избегать Коула, но, вероятно, он тоже не искал со мной встречи. Честно говоря, немного обидно, что он не стремится увидеться и узнать, как я. Наверное, ждет, что я сама к нему приду. И, возможно, так и будет, но не скоро.

Новых видений за эти дни тоже не было, и я молюсь, что предыдущие — просто какая-то странная аномалия, однако мысленно продолжаю прокручивать слова доктора Беннета. Что, если он прав? Что, если я ничего не могу предотвратить?

— Где ты была, дорогая?

Я показываю маме корзину:

— Ходила за покупками.

— Ты все время ходишь только за едой. А я хочу купить тебе новые наряды. Тебе же завтра вечером совершенно нечего надеть.

Смотрю на нее в ступоре:

— Завтра вечером? Я думала, что надену свой обычный сценический костюм.

— Да нет же, я говорю о твоей встрече с Оуэном. Ты ведь хочешь хорошо выглядеть?

Я шумно выдыхаю:

— Ох, совсем забыла...

Да что со мной такое? Остался всего день до свидания с красивым молодым мужчиной, а у меня это вылетело из головы! Порой я думаю, что уже никогда не буду нормальной.

Мама в притворном отчаянии вскидывает руки:

— Ну что мне с тобой делать? Собирайся. Я позвоню Жаку, и он пришел за нами машину. Пройдемся по «Бонвит-Теллер»^[15] и что-нибудь тебе подберем.

Я качаю головой:

— Нет. У меня много одежды, к тому же могу взять что-нибудь из твоей.

— Неужели тебе не хочется чего-нибудь новенького?

— Мама, мне ничего не нужно. И, что важнее, мы не можем себе этого позволить.

Мама садится за стол, разочарованно поджав губы:

— Иногда мне с трудом верится, что ты моя дочь.

— Мне тоже, — отвечаю сухо.

— А ну-ка не дерзи. И в каком смысле, мы не можем себе этого позволить? Разве мы не хорошо зарабатываем? Аренда квартиры почти ничего не стоит, да и электричество дешево. Не понимаю, отчего ты все время так переживаешь.

«Потому что кто-то должен», — думаю я.

— У нас почти одинаковый размер, и у тебя много вещей. Я могла бы выбрать что-нибудь из них. Давай. Пойдем посмотрим, что у тебя есть.

Мама смягчается при мысли, что мы вдвоем будем копаться в ее гардеробе, и следующий час я провожу, выбирая себе наряд. Мы останавливаемся на украшенном серебряными бусинами бежевом платье с короткими рукавами и довольно дерзким ассиметричным подолом. К платью я подбираю длинный шелковый шарф. Получается

гораздо вычурней, чем мне хотелось бы, и в половину не так вычурно, как предпочла бы мама.

Как только мы заканчиваем, раздается стук в дверь, и я иду открывать, надеясь, что это не Жак. В который раз. В последнее время он приходит едва ли не каждый день.

Но, к моему удивлению, за дверью стоит Коул с огромным букетом цветов в руках. На щеках соседа алеют два красных пятна, и выглядит он таким смущенным и юным, что я тут же его прощаю.

Не говоря ни слова, он протягивает мне цветы. Это смесь из лилий, роз, ромашек и орхидей.

— Это мне? — спрашиваю с трепетом.

Коул кивает:

— Я не знал, какие ты предпочитаешь, так что пришлось взять несколько разных видов. Надеюсь, тебе понравится.

— Они прекрасны, — говорю, уткнувшись лицом в цветы и вдыхая их сладкий аромат.

— Я просто хотел извиниться... — Коул откашливается и смотрит мне через плечо.

Я понимаю намек, выхожу в коридор и, тихонько прикрыв за собой дверь, смотрю в красивое лицо соседа. Его темные глаза задумчивы, будто он сомневается, какой прием ему тут окажут. Мне очень хочется коснуться его щеки, успокоить, но я сдерживаюсь. Нужно услышать то, что Коул собирается сказать.

Он начинает снова напряженным голосом:

— Я просто хотел извиниться за ту путаницу, что устроил нашим разговором. Я собирался дождаться, когда точно буду знать, что могу тебе рассказать, но почувствовал, что это срочно, и ты должна знать немедленно...

Коул замолкает, и перед глазами всплывает видение о маме. Он понятия не имеет, насколько это срочно.

— Если бы это касалось только меня, — продолжает Коул, — я раскрыл бы тебе все. Но на карту поставлено слишком многое, гораздо больше, чем просто ты и я. И я правда не могу выдавать чужих секретов.

Он стискивает зубы, и его нерешительность и сомнения передаются мне, будто он нашептывает мне о них на ухо. Замерев, тону в настороженных темных глазах Коула, и сердце разрывается от такой щемящей нежности к нему, что импульсивно встаю на цыпочки и прижимаюсь губами к его щеке.

— Я все понимаю, — говорю мягко. Не знаю, кто из нас удивлен больше, но, судя по улыбке, отразившейся в глазах Коула, он доволен.

— Спасибо, — отвечает он просто.

Мгновение мы разглядываем друг друга, затем я прочищаю горло:

— Нужно поставить их в воду. Зайдешь?

Коул смотрит на дверь, и лицо его окрашивает слабый румянец:

— Нет. На самом деле у меня еще есть дела, но, может, позже?

— Конечно. — Я открываю дверь в квартиру, а он направляется к лестнице. — Позже. Эй, Коул? — Он оборачивается. — Мне нужно поговорить с тобой о том, что происходит с моими...

Я колеблюсь, зная, что мама где-то поблизости. Но я должна рассказать Коулу о видениях. Вдруг он сможет дать мне о них хоть какое-то представление.

— ...С моими способностями, — заканчиваю шепотом.

Сосед кивает и спускается по лестнице, а я захожу в квартиру в обнимку с цветами, едва ли не пританцовывая.

* * *

Проснувшись на следующее утро, я получаю записку от доктора Беннета, в которой тот интересуется, могу ли я встретиться с ним в небольшом кафе в нескольких кварталах от моего дома. Воспоминания о последнем видении все еще очень яркие, так что я соглашаюсь, но, наблюдая за тикающими стрелками на больших часах над буфетной стойкой, начинаю жалеть о своем решении. В кафе стекается обеденный поток посетителей, и шум вызывает у меня головную боль. А может, все из-за нервов.

Официантка снова наполняет мою чашку. Ее черно-белая форма помята и небрежна, словно бедняга уже отработала длинную смену, а на белом фартуке виднеются пятна.

— Уверены, что не хотите взглянуть на меню? — спрашивает официантка.

Я качаю головой:

— Я все еще кое-кого жду.

Она изнеможенно улыбается, и я почти чувствую запах беспокойства в исходящих от нее волнах усталости. *«Вероятно, какие-то проблемы дома»*, — думаю печально. Надо это прекращать. Наверное, пора быть откровенной с доктором Беннетом. Он сказал, что может помочь, а я устала справляться со всем в одиночку. И, несмотря на цветы, не уверена, что могу рассчитывать на Коула.

Словно по заказу, в дверях появляется доктор Беннет, все так же похожий на обаятельного сельского сквайра, в твидовом костюме с иголки и сером пальто. И, невзирая на опоздание, он находит время болтать с официантками и обмениваться кивками с другими посетителями кафе. Заметив меня, Беннет озаряется улыбкой и направляется к дальнему угловому столику, который я выбрала как самый уединенный.

— Добрый день, мисс Ван Хаусен. Спасибо, что согласились на встречу в такие короткие сроки. Надеюсь, ваше утро было приятным. — Он снимает котелок и усаживается напротив меня.

— Очень приятным, — отзываюсь сухо.

Ничего не могу с собой поделаться: то я убеждаю себя принять его помощь, а через минуту меняю решение.

Я пробую еще раз:

— Надеюсь, ваше тоже было приятным.

— Оно было интересным. Очень интересным.

Я собираюсь спросить, что же его так заинтересовало, но тут возвращается официантка — гораздо более пружинистой походкой. Доктор Беннет заказывает кофе, и под действием его добродушной обходительности и английского акцента женщина превращается в жеманную глупышку.

Я уже на пределе, и наигранность собеседника меня раздражает.

— Так зачем вы хотели встретиться, доктор Беннет? — спрашиваю, едва официантка уходит.

Он улыбается:

— Прямой подход. От такой юной леди, как вы, я иного и не ожидал.

— И все же вы отказываетесь ответить мне той же любезностью, — хмурюсь я.

Улыбка доктора слегка тускнеет, и он согласно склоняет голову:

— Отлично сказано, мисс Ван Хаусен. Я здесь, так как знаю, что вам интересна моя новая организация, и хочу, чтобы вы стали ее частью. — Он взмахом руки останавливает мои возражения. — Нет, я абсолютно искренен. Я кое-что разузнал о вас и в курсе, что ваше с матерью шоу имеет успех, но также знаю, что доход с него не столь уж велик. И мне не нужны ваши деньги. Меня интересуют ваши способности.

В груди все сжимается, как от того, что Беннет проверял меня, так и от его слов. Я опускаю взгляд на стол, пальцем поглаживаю шероховатые неровности дерева. Очень хочется сбежать, но желание найти поддержку сильнее. Я должна выяснить, может ли доктор мне помочь. Я поднимаю глаза:

— Зачем я вам?

— Я задумал создать особую группу. И мне нужны умные талантливые люди, чтобы положить начало этому делу. Я преследую две цели: во-первых, изучить психические явления и принести таланты в мир; а во-вторых, помочь тем, кто тяготеет своими способностями.

Беспокойство мурашками пробегает по шее и рукам. И я должна поверить, что мотивы доктора благородны? Как бы выяснить, чего же он хочет от меня на самом деле?.. И тогда в голову приходит идея. Насколько откровенным он готов быть? Я складываю руки на столе и подаюсь вперед:

— Вы гипнотизировали людей, чтобы они отдали вам деньги?

Наши взгляды скрещиваются. Прямо сейчас Беннет понятия не имеет, какой у меня дар, знает только, что это какая-то разновидность экстрасенсорного восприятия. Борьба отражается на его лице. Доктор солжет, рискуя быть пойманным, или же предпочтет правду?

Он решается:

— Да.

Официантка приносит кофе, и мы замолкаем. Затем я снова смотрю Беннету в лицо; сердце бешено колотится в горле.

— Значит, вы мошенник?

— Я ученый.

Я окидываю его сердитым взглядом:

— Неправильный ответ.

Один уголок его губ приподнимается.

— Я ученый мошенник, — признается доктор. — Когда ученому требуются деньги для дальнейших исследований, он делает все возможное, чтобы их достать. Мои методы просто несколько неортодоксальны.

— В чем истинная причина вашего ухода из Общества психических исследований?

Беннет качает головой:

— Моя очередь. То, чем занимаетесь вы с матерью... это ведь обман?

Я по-прежнему смотрю ему в глаза, хотя первым желанием было отвернуться. Я сглатываю.

— Неправильный вопрос, — говорю слабым голосом. Ни за что на свете не дам ему в руки оружие против нас с мамой.

Доктор кивает. На губах его играет улыбка. Мое сердце уходит в пятки. Почему мне кажется, будто я только что продемонстрировала ему брешь в своей броне?

— Понятно, защищаете матушку. Очень похвально. Ну тогда... какие у вас способности?

Я скрещиваю руки на груди:

— А ваши тесты вам не подсказали?

С застывшим лицом Беннет наклоняется вперед:

— Мое время крайне ценно, мисс Ван Хаусен. Не тратьте его. — Голос его тихий, но смысл ясен.

Я невольно откидываюсь на спинку, и доктор расслабляется, зная, что добился своего. Я поняла. Он не даст мне ничего, пока не получит что-нибудь взамен.

— Я могу говорить с призраками.

Беннет сужает глаза:

— На это многие претендуют. Откуда мне знать, что вы не лжете?

— А откуда мне знать, что не лжете вы? — парирую я, а затем глубоко вздыхаю: — Всегда есть риск. Хитрость в том, чтобы выяснить, стоит игра свеч или нет. Общение с мертвыми — лишь один из моих талантов, и, к сожалению, он что ни на есть настоящий. Но меня интересует, что я получу взамен, если разрешу вам меня изучать?

Доктор долго меня разглядывает, и я чувствую, что он не доверяет мне так же, как я не доверяю ему. Как ни странно, это утешает. По крайней мере, мы оба знаем, чего ожидать.

— Ну, для начала, возможность работать с другими себе подобными, — говорит он наконец. А затем, сверкнув глазами, наклоняется через стол: — И возможность управлять своими способностями.

Я смотрю на него едва дыша. Не будь я осторожна, то с ходу бы согласилась, но всякое успешное жульничество заключается в том, чтобы дать людям то, чего они так жаждут. Мама, к примеру, предоставляет клиентам шанс пообщаться с умершими близкими. А доктор Беннет, похоже, предлагает мне исполнение моего заветного желания. О да, он очень, очень хорош. Прежде, чем я успеваю ответить, Беннет смотрит на часы:

— Что ж, мисс Ван Хаусен, у меня назначена еще одна встреча. Пожалуйста, подумайте над моим предложением. Буду счастлив видеть вас частью моей организации.

Он встает и, нахлобучив на голову котелок, кивает.

— Почему я не могу просто обратиться в Общество психических исследований и работать с ними? — спрашиваю я быстро.

Доктор замирает. Я не могу ничего прочесть по его взгляду, но подозрение так и исходит от него, словно запах ладана.

— Общество психических исследований очень жестоко к таким, как вы, мисс Ван Хаусен. Потому я и ушел. Вопреки вашему очевидному мнению обо мне, у меня есть совесть. — Он прикасается пальцами к полям котелка и бросает на стол несколько монет. — Хорошего дня. Буду ждать от вас весточки.

Едва он выходит, я ссутуливаюсь и выдыхаю. По спине струится пот. Почему я вообще задумываюсь о сотрудничестве с тем, кому не доверяю? Потому что, несмотря ни на что, должна защитить маму.

Я возвращаюсь к нашему дому и вижу автомобиль Жака, припаркованный в конце улицы. Великолепно. Теперь остаток дня придется наблюдать, как он заискивает перед мамой. Но в этот момент импресарио выходит из здания, спешит к машине и, заскочив внутрь, уезжает, даже меня не заметив.

Стук сердца глухо отдается в ушах, в крови бурлит паника, глаза застыли слезы. Я мчусь к дому. Что-то не так. Если он ее обидел...

Я взлетаю по лестнице, распахиваю незапертую дверь и врываюсь в квартиру. Все тихо

и спокойно.

— Мама! — зову я, перебегая от комнаты к комнате.

Мама сидит в постели:

— Что? Что такое?

Я останавливаюсь и делаю глубокий дрожащий вдох:

— Ничего. Я думала, с тобой что-то случилось.

Она хмурится, острым взглядом окидывая мой взъерошенный вид:

— Я просто прилегла отдохнуть.

Я закусываю губу. Хочется плакать от облегчения, но тогда мама захочет узнать, что меня так расстроило.

— Вы с Жаком поссорились?

Она укладывается на взбитые подушки и укрывается одеялом:

— Конечно, нет. Я его весь день не видела.

Я застываю. Пульс снова ускоряется. Тогда что он тут делал? Почему с таким диким видом несся к своему автомобилю?

Мама слегка улыбается и закрывает глаза. Я все еще не готова оставить ее одну, так что, кутаясь в плед, сворачиваюсь калачиком в вольтеровском кресле напротив кровати и слушаю, как мамино дыхание постепенно становится тихим и ровным.

Она выглядит моложе, когда спит, — уязвимой и более открытой. Интересно, что сделало ее такой, какой она была до моего рождения? Она редко говорит о своей семье, но несколько обмолвок позволяют предположить, что детство ее прошло в нищете и лишениях. А в четырнадцать лет мама сбежала и никогда не оглядывалась назад. Наблюдая за ней спящей, я всегда чувствую себя защитницей, хотя на самом деле Маргарита Эстелла Ван Хаусен вполне способна сама за себя постоять. Конечно, когда твое существование зависит от одного человека, его выживание крайне важно. Мама всегда была всем, что у меня есть. А теперь?

Теперь я не знаю.

Не желая больше оставаться наедине со своими мыслями, я уйду, осторожно заперев за собой дверь, и направляюсь на прогулку в Центральный парк. Поднявшийся ветер расшвыривает сухие листья на моем пути.

Моя неприязнь к доктору Беннету может соперничать только с моей потребностью в его знаниях. Пойти ли к нему? Не знаю. Стало бы проще, будь Коул со мной откровенен. Возможно, я не доверяю ему на все сто, но он определенно нравится мне больше, чем доктор Беннет. Я улыбаюсь, вспомнив букет, который Коул принес вчера.

И хотя все еще расстроена тем, что он не дал мне больше информации о других, я его понимаю. У него к себе очень высокие моральные требования, и не представляю, чтобы Коул рассказал мне что-нибудь, пока не уверен в своем на то праве.

Я заливаюсь румянцем, представив, что Коул подумает, если когда-нибудь узнает, насколько на самом деле низки моральные устои в нас с мамой. Обман, ложь, воровство и мошенничество — вот из чего состоит рабочий день семейства Ван Хаусен. И если быть честной с самой собой, я не достойна дружбы Коула.

Но это не значит, будто я не нуждаюсь в ответах. Ведь если я выясню, как управлять способностями, то в следующий раз смогу почерпнуть больше информации из своих видений.

Например, узнаю, кто хочет навредить маме и почему.

Я плотнее кутаюсь в шарф, продолжая размышлять. Это кто-то из наших знакомых? Мать и дочь Линдсей точно в числе подозреваемых. Миссис Линдсей, похоже, не очень-то уравновешенна, и я знаю, что именно она преследовала меня в ту ночь, когда я заблудилась. Ее дочь на преступницу не тянет, но никогда не скажешь наверняка. Жаку я не доверяю, но нет сомнений, что он хорошо зарабатывает на нашем шоу и не поставил бы все это под угрозу. Мало того, что он деловой человек, но еще и не кажется склонным к насилию. Внутри все сжимается, когда я вспоминаю, как импресарио бежал сегодня из нашего дома. Что он там делал? Мистера Дарби и Оуэна я исключаю. Первый даже не знаком с мамой, а у Оуэна нет никаких причин желать ей зла. Коул? В груди щемит. Да, у него есть секреты. Но они, безусловно, не имеют к маме никакого отношения.

Итак, все опять сводится к миссис Линдсей и ее дочери.

Я сворачиваю за угол и только решаю вернуться назад, как меня окутывает темный кокон чужих эмоций, настолько зловещих, что я замираю будто вкопанная. Сосредотачиваюсь, в очередной раз жалея, что не умею управлять своими способностями. Чувствовать эмоции людей при прикосновении было неприятно, но это намного... намного хуже.

Ощущение усиливается, и я оборачиваюсь по кругу, глядя по сторонам.

— Так-так, неужели это дочка шарлатанки!

Я застываю, столкнувшись с полным ненависти взглядом миссис Линдсей. И стараюсь выглядеть уверенней, чем себя чувствую:

— Здравствуйте, миссис Линдсей. Не ожидала вас здесь встретить. Думала, вы живете в Кливленде.

— А я думала, что мамаша глаз с тебя не спускает.

Пальто миссис Линдсей изношенное и тонкое, а ее светлые волосы спутались и слиплись. На щеке и под ногтями грязь. Она выглядит так, будто провела ночь в парке. Я пячусь, но миссис Линдсей подходит ближе, и от запаха алкоголя мой желудок переворачивается.

— Не понимаю, о чем вы. А ваша дочь сегодня не с вами?

Младшая Линдсей, кажется, хоть как-то в состоянии повлиять на мать, и я надеюсь, что она появится. И поскорее.

— Нет, дорогая. Здесь только ты и я. Раньше у меня каждую ночь заказывали сеансы — все лучшие люди Нью-Йорка шли ко мне, потому что я настоящая. Слышишь меня? Настоящая!

Я киваю. Сердце стучит все яростней.

— Но не теперь.

Она приближается, я стараюсь не шевелиться, опасаясь, что любое движение побудит ее к действию.

— Теперь все говорят лишь о твоей матери! — Миссис Линдсей выплевывает слова. Лицо ее уродливо перекошено. — А твоя мать... она мошенница! Обманщица! Воровка!

Я не вижу, как она поднимает руку, и удар обжигает мое лицо прежде, чем я успеваю среагировать. Удар достаточно сильный, так что я отшатываюсь, а миссис Линдсей смотрит на свою ладонь, будто не может поверить в содеянное.

Воспользовавшись ее удивлением, я отступаю.

— Вы сумасшедшая! — На глаза наворачиваются слезы.

— Нет, это твоя мать сумасшедшая, если думает, будто ей такое сойдет с рук. Я знаю

людей. Разных людей.

Ее глаза безумны. Я поворачиваюсь и мчусь прочь, а миссис Линдсей кричит мне вслед:

— Лучше передай ей, чтоб поостереглась! Я собираюсь ей помешать! Передай ей это!

Мертвые не любят обманщиков!

Я бегу, пока покалывание в боку не заставляет меня остановиться. Лодыжка пульсирует, а дыхание с хрипом вырывается из горла. Она ненормальная, абсолютно чокнутая! Я тороплюсь домой, чтобы предупредить маму.

— Я убью ее, — говорит мама, прикладывая лед к моей щеке. — Нам никак не удастся скрыть эту отметину.

Я пялюсь на родительницу, открыв рот:

— Тебя только это волнует?

Она хмурится, лоб ее прорезает глубокая складка, и я пораженно осознаю, что моя мать стареет. Она по-прежнему прекрасна, но время уже оставило свой отпечаток веером тонких морщинок, расходящихся от уголков ее глаз.

— Конечно, нет. Но мы не можем позволить этой сумасшедшей нас запугивать. — Мама мрачно улыбается. — Она не знает, с кем связалась.

Нет. Не знает.

Я размышляю об этом по дороге в театр. У мамы долгая память, и она никогда не забывает тех, кто ей досадил. Однажды она заложила судебному приставу одного импресарио-вымогателя, после чего мы спешно покинули город. Сегодня мадам молчалива и мрачна, и я гадаю, о чем же она думает.

Или что планирует.

Я прижимаюсь все еще горячей после удара миссис Линдсей щекой к холодному окну. Мы сворачиваем за угол, и я застываю, заметив через дорогу от парка необычную пару. Они стоят под полосатым тентом мясницкой лавки, куда я часто навещаюсь, и их лица скрыты в тени. Но это неважно. Я знаю, кто они.

Коул и миссис Линдсей.

Когда мы проезжаем мимо, я невольно пригибаюсь, но успеваю заметить, как Коул что-то сует в руку собеседницы.

— Что ты делаешь? — спрашивает сидящая рядом мама.

— Ох. Ничего. Просто уронила косметичку.

Я задерживаюсь внизу еще ненадолго и выпрямляюсь, только уверившись, что мы безопасно миновали парочку. Мысли мои несутся почти с той же скоростью, что и пульс.

Зачем Коул говорил с миссис Линдсей? Он был на сеансе. И знает, что она хочет навредить маме. Боль рикошетом бьется в груди, и я стискиваю руки на коленях. Эта безумная имела в виду Коула, когда говорила, что «знает людей»?

Я помню ту связь, которую почувствовала во время нашей с ним прогулки, и потом снова — в кафе. И тепло пальцев Коула на моих губах. И как он стоял передо мной с букетом цветов. Я смагиваю слезы. Хоть что-то из этого было настоящим?

К моменту выхода на сцену мне удастся избавиться от большинства суматошных мыслей и по памяти провести шоу, улыбаясь в нужных местах и непринужденно выдавая все свои реплики. Ничто не должно мешать представлению. Зал теперь всегда переполнен, и наша известность растет. Когда мы с мамой возвращаемся в гримерку, я решаю выбросить из головы переживания о Коуле и миссис Линдсей и провести замечательный вечер с Оуэном. Милым, простым, красивым Оуэном.

Мои волосы уже завиты, и прическа смотрится весьма симпатично под бледно-бежевой шляпкой-клош. Я переодеваюсь в платье, и тут в маме вновь просыпаются несвойственные ей материнские инстинкты:

— Итак, я не желаю, чтобы ты гуляла всю ночь. И хочу поговорить с Оуэном, прежде

чем вы куда-то пойдете.

— Да, мама.

Я наношу на губы немного красящего бальзама и смотрюсь в зеркало. Под слоем макияжа синяк едва заметен. А я недурна собой. Не такая красивая, как мама, но все же довольно симпатичная. У меня такие же, как у нее, темные волосы и нос такой же — короткий и тонкий. Но глядя на свое отражение, я с удивлением замечаю и другие свои черты. Не мамины, а те, что я унаследовала от отца. Розоватый цвет лица, волевой подбородок, голубые глаза... Я действительно дочь Гарри Гудини?

Стучат в дверь, и мама идет открывать. В примерку заходят Жак и Оуэн — оба смотрятся настоящими франтами в своих превосходных костюмах. Я бросаю на Жака подозрительный взгляд из-под ресниц. После стычки с миссис Линдсей я почти забыла о его бегстве из нашего дома. Зачем он приходил, если не с мамой увидеться? Сердце замирает. Возможно ли, что Жак встречался с Коулом? Но зачем?

Оуэн театрально оглядывает меня с ног до головы и говорит, прерывая мои размышления:

— Кое-кто сегодня великолепно выглядит.

Несмотря ни на что, я с нетерпением жду сегодняшнего свидания. С Оуэном я не думаю о своих способностях и не переживаю о том, что он пытается уличить нас с мамой в мошенничестве. На самом деле рядом с Оуэном я вообще ни о чем не думаю и просто наслаждаюсь жизнью.

Я закатываю глаза, и он ухмыляется.

— Сегодня великолепно сразу две особы, — говорит Жак, и голос его полон восхищения. Я впиваюсь в него взглядом, но импресарио слишком занят, пожирая глазами мою маму, чтобы заметить.

Привыкшая к мужскому обожанию, мама принимает комплимент гораздо лучше, чем я. Она склоняет голову и смотрит на Жака сквозь длинные накрашенные ресницы:

— Ох, Жак, бьюсь об заклад, ты говоришь это всем своим клиентам.

— Не всем, дорогая. Уверен, что Клайд и его говорящая лошадь такого бы не оценили.

— Разве что лошадь, — вставляет Оуэн, и все смеются. — Я не против стоять тут и шутить хоть весь вечер, но нам с Анной пора. Нас ждут друзья.

— Куда вы идете? — спрашивает мама, пока я ишу палантин из искусственного меха, который она мне одолжила.

— В местечко под названием «Коттон», — отзывается Оуэн.

Мама протягивает мне накидку:

— Дорогая, могу я минутку поговорить с Оуэном наедине?

Я прищуриваюсь, но она смотрит в ответ широко распахнутыми невинными глазами. Вздохнув, я сдаюсь.

— Я буду ждать тебя в фойе, — говорю Оуэну.

На своих кубинских каблуках я спешу по коридору, обходя двух привратников, уже приступивших к уборке. Надеюсь, Оуэн не пожалеет, что пригласил меня.

— Анна.

От одного взгляда на него мое сердце болезненно сжимается.

— Привет, Коул.

— Ты сказала, что мы можем встретиться позже. Позже наступило. — Усмешка освещает его лицо.

Почему внезапно так хочется плакать? Но тут я вспоминаю, как Коул говорил с миссис Линдсей, и беру себя в руки:

— Сегодня пятница. Ты знал, что в пятницу у меня свидание.

— Вот ты где, — раздается за спиной голос Оуэна. — Я уж решил, ты заблудилась.

Коул быстро переводит взгляд, лицо его неподвижно.

— Привет, старина, — кивает Оуэн. — Что ты здесь делаешь? Готова как следует поплясать?

Коул не обращает на него внимания и, отвесив мне легкий поклон, отходит с дороги:

— Прошу, не позволяйте мне вас задерживать.

— О, мы не позволим, — весело отзывается Оуэн и, подхватив меня под локоть, уверенно ведет дальше по коридору.

— Может, завтра? — Я оглядываюсь, разрываясь между гневом и сожалением, но сосед на меня не смотрит.

Его взгляд направлен на Оэна, и в глазах клубится темная враждебность.

Непослушными пальцами я закрепляю палантин на плечах. Оставлять Коула в коридоре не хочется, но чего он ожидал, появившись без предупреждения? Не говоря уже о его дружеских встречах с кем-то, кто желает мне навредить.

Оуэн нахлобучивает черную фетровую шляпу и накидывает шерстяное пальто. Он выглядит очень элегантно в узком двубортном пиджаке и мешковатых брюках. Интересно, что бы на танцы надел Коул? Если он вообще ходит на танцы.

— Твоя мать — это нечто, — смеется Оуэн, открывая передо мной дверь.

— Что она тебе сказала? — спрашиваю, когда мы выходим из театра.

Оуэн качает головой:

— Сказала, чтобы ты повеселилась от души, но завтра у вас представление, так что лучше бы мне вернуть тебя в целостности и сохранности.

Он придерживает для меня дверцу, и я сажусь в машину. Здесь так холодно, что я вижу свое дыхание в свете уличного фонаря. Оуэн оббегает автомобиль и запрыгивает в салон.

— Готова хорошо провести время, куколка?

Я улыбаюсь:

— Только если перестанешь называться меня куколкой. Я не кукла и никогда ею не была.

— «Красотка» сработала бы лучше? — Он усмехается, показывая, что поддразнивает меня.

— Как насчет просто Анны?

— Конечно. Итак, ты готова повеселиться от души, Просто Анна?

Я смеюсь, чувствуя легкость в груди. Возможно, подход Оуэна верен. Почему все вечно должно быть серьезным?

* * *

Едва мы заходим в «Коттон», я понимаю, что и в другом Оуэн прав: клуб, безусловно, именно то место, где можно повеселиться от души. Воздух здесь густой и дымный, а музыка — громкая и напористая. Оуэн ведет меня по краю зала в форме подковы мимо множества столиков и искусственных пальм. Я верчу головой, разглядывая женщин в ярких цветных платьях, пелеринах и шляпках. Некоторые шляпы поистине поразительные: украшенные перьями и столь блестящим бисером, что глазам больно.

Оуэн подводит меня к длинному столу, за которым уже собралось человек шесть или семь. Парни бурно приветствуют моего спутника, а девушки бросают на меня любопытные, но не совсем дружелюбные взгляды.

— Это Анна, я вам о ней рассказывал! — кричит Оуэн, когда мы втискиваемся на пару свободных стульев, возникших словно из ниоткуда. — Анна, это все.

Я мельком улыбаюсь. Как по волшебству передо мной появляется напиток, а одна из дам предлагает мне сигарету. И я беру, хотя вообще-то не курю. Но все остальные за столом курят, мне неловко отказываться.

Сидящая рядом девушка подносит мне зажигалку, я затягиваюсь и задыхаюсь от едкого дыма, проникшего в легкие. Отпиваю из стоящего передо мной бокала и снова закашливаюсь — теперь уже жидкость прожигает себе путь до моего желудка.

Моя соседка по столу смеется:

— К местному пойлу нужно привыкнуть. — Затем протягивает руку: — Я Адди. А это Присси, Элла и Мэриэн.

Пожимаю ее ладонь и машу остальным — ослепительным в своих блестящих платьях и облегающих шляпках. У всех дам, как и у меня, стрижки «боб» и прядки уложенные завитками перед ушами.

— Здесь с трудом верится, что «сухой закон» существует! — пытаюсь я перекричать музыку.

— В том и суть! — отвечает Присси. — Здесь его не существует.

Остальные хохочут, будто в жизни не слышали ничего забавнее.

— Как они это проворачивают? Почему копы не закроют это место?

Смех становится еще громче.

— Видишь того толстяка? — указывает Адди.

Проследив за ее пальцем, я нахожу взглядом круглолицего мужчину рядом со столь же полной женщиной. На ее голове повязка с кучкой торчащих из нее черных перьев. Сидит парочка возле темноволосого незнакомца и ослепительной миниатюрной блондинки в сетчатом вечернем платье, отделанном стеклярусом.

Я киваю.

— Это начальник полиции и его жена. А рядом с ними — Нико «Нож» Джулианни, большая шишка из группировки Морелло. «Коттон» никто не тронет.

Я таращу глаза от изумления, и Адди снова смеется:

— Какая ты наивная! Не волнуйся, малютка, сегодня облав не будет.

Я смущенно ерзаю. Теперь все в курсе, что для меня это внове. Я опять осторожно отпиваю из своего бокала. На сей раз напиток проскальзывает внутрь гораздо легче, что, наверное, хорошо. Или не очень.

Внезапно Оуэн рядом застывает.

— Что она здесь делает? — слышу я его бормотание. Он поворачивается ко мне: — Я ненадолго.

Затем вскакивает со стула и исчезает, оставив меня в компании чужаков.

Я вижу, как переглядываются Присси и Адди.

— Что? — вертит головой Мэриэн. — Что я пропустила?

— Лоррен, — одними губами говорит ей Адди.

Глаза Мэриэн расширяются.

— О!

— И она ужасно рассержена!

Девушки тянут шеи, пытаюсь рассмотреть, что происходит, но мой обзор перекрыт. Наконец высокий мужчина отходит, и я вижу, как Оуэн спорит с белокурой незнакомкой. Она стоит ко мне спиной, так что лица не разглядеть, но Оуэн взбешен. Он яростно жестикулирует и хватается собеседницу за руку. Внезапно блондинка вырывается и выбегает из зала. Поправив галстук, Оуэн возвращается к столу, а я отвожу глаза, чтобы он не понял, что я подсматривала.

Лицо заливает румянец, я чувствую себя как никогда неуютно. Оуэн усаживается рядом и делает большой глоток из бокала.

— Все в порядке? — спрашиваю, притворяясь, будто наблюдаю за танцующими.

— Конечно. Моя бывшая подружка явилась устроить сцену. Я с ней расстался несколько недель назад. — Он кладет руку мне на плечо. — Вообще-то, сразу же, как только встретил тебя.

Оуэн улыбается, ямочки на его щеках становятся глубже, и я чувствую облегчение. Пока не замечаю очередное переглядывание Адди, Мэриэн и Присси. Этим и занимаются нормальные девушки? Приходят в бар и портят другим настроение? С меня хватит. Я встаю и беру Оуэна за руку:

— Мы разве не танцевать сюда пришли?

Мгновение он выглядит удивленным, но тут же смеется:

— Вот это моя девочка!

Мы выходим на переполненный танцпол и начинаем двигаться. Поначалу я очень скована, но мелодия такая заводная, стучать ногами в ритме по полу так здорово, и вскоре я уже танцую шимми вместе со всеми. В помещении почти невыносимо жарко, однако слепая решимость повеселиться оказывается крайне заразительна. Оуэн — отличный танцор. Он улыбается мне, будто счастлив, что я все еще с ним в паре.

Музыка замедляется, я собираюсь уйти с площадки, но Оуэн хватается за мою руку и притягивает в свои объятия, подмигнув:

— Не так быстро, Просто Анна. Я ждал этой песни весь вечер.

Он прижимает меня еще ближе и поднимает мою правую руку в основной позиции вальса.

— Это медленный фокстрот, но на танцполе нет места для длинных проходов, так что мы называем его просто «медляк», — говорит Оуэн, и его дыхание щекочет мне ухо.

Я чуть отстраняюсь, чтобы лучше разглядеть его лицо. Яркие голубые глаза, обычно насмешливые, теперь лучатся восхищением.

— Ты ведь понятия не имеешь, как сейчас прекрасна?

Я опускаю взгляд, смущенная и довольная одновременно. Тепло от его ладони, прижатой к моей спине, разливается по всему телу. Эмоции Оуэна, как всегда, несколько спутанные, но на сей раз сильнейшая из них — радость. Счастье исходит от него, будто жар от дровяной печи, и я придвигаюсь поближе, чтобы погреться в ореоле этого волшебства. Украдкой смотрю на Оуэна, и у меня аж дыхание перехватывает — какой же он красивый! Я закрываю глаза, и мы раскачиваемся в такт музыке, которая вьется вокруг нас, словно шелковые ленты.

Оуэн обнимает меня сильнее, прижимается своей щекой к моей.

— Я бы вечно вот так с тобой танцевал, и пусть весь мир подождет.

Сердце мое трепещет. Я, кажется, тоже мечтаю, чтобы этот момент не кончался, чтобы

я вечно кружилась в крепких мужских объятиях, а вокруг, будто бриллианты, сверкали огни. Внезапно перед глазами вспыхивает образ Коула, стоящего с цветами у меня на пороге, и я заливаюсь румянцем. Кем надо быть, чтобы испытывать подобные чувства к двум разным мужчинам? К тому же на Коула я до сих пор злюсь.

Мелодия заканчивается, я замираю, но, прежде чем уйти с танцпола, Оуэн подносит мою руку к губам.

— Спасибо за танец, — шепчет он. И целует костяшки моих пальцев, глядя на меня своими голубыми глазами.

Я сглатываю. Во рту так сухо, что ответить я не могу, лишь слабо улыбаюсь, и Оуэн ведет меня обратно к нашим местам.

Я залпом выпиваю свой коктейль, забыв, как он обжигает горло, и в итоге выпрыскиваю половину напитка на стол. Владельцам стоило бы нанять мамино поставщика. По-прежнему откашливаясь, я склоняюсь к Оуэну:

— Я бы сейчас не отказалась от стакана воды со льдом.

— Все, что угодно, для Просто Анны! — Он театрально вскидывает руку и уходит за чем-нибудь холодным для меня.

За столом никого — все, должно быть, на танцполе, — и я веселюсь, наблюдая, как народ пьяно пошатывается и слишком громко смеется. Похоже, половине Нью-Йорка завтра обеспечено похмелье. Музыканты объявляют перерыв, и остальная часть нашей компании возвращается обратно. Молодые люди, обливаясь потом, сбрасывают пиджаки. Девушки обмахиваются ладошками. Оуэн приводит с собой чернокожего парня и важно провозглашает:

— Напитки за мой счет.

— Это последний лед, так что наслаждайтесь, — говорит официант, выставляя перед нами бокалы.

Затем уходит, а я с наслаждением делаю большой глоток воды. Мэриэн вылавливает из своего коктейля осколок льда и прикладывает ко лбу:

— Здесь жарче, чем в аду! Может, пойдём в «Кони Инн»^[16]? По крайней мере, остынем по дороге.

Адди недовольно качает головой:

— Нет, лучше в «Райскую Аллею».

— Мы могли бы остаться здесь и посмотреть представление, — предлагает один из парней. — Следующее начнется в час.

— Вы делайте, что хотите, — вмешивается Оуэн, — а нам пора. Я обещал маме Анны, что приведу ее не слишком поздно.

Все смотрят на меня, и я чувствую себя младенцем со слюнявчиком на груди. Оуэн ловит эти взгляды и добавляет:

— Да нет же. Просто у нее завтра выступление.

Насмешка на их лицах сменяется чем-то сродни уважению.

— О, точно. Оуэн говорил, что ты иллюзионист. Как так вышло? — интересуется Присси.

— Моя мать — медиум. Это вроде как семейное.

Оуэн фыркает:

— Ясное дело, как! Ее отец — Гарри Гудини.

Сердце уходит в пятки.

— Но Гудини давно женат, и детей у него нет, — смущенно замечает кто-то.

— Они с мамой познакомились в Европе, много лет назад, — объясняю я, чувствуя, как зудит и пылает лицо, и взмахнув рукой, будто тем самым могу прекратить этот разговор.

Смысл моих слов доходит до всех одновременно.

— О! Так ты его внебрачная дочь? И тоже иллюзионист? Как поразительно! — восклицает Мэриэн.

— Как романтично, — вздыхает Адди, хватая меня за руку. — Ты точно не можешь пойти с нами?

Все смотрят на меня с большими теплотой и интересом, чем проявляли весь вечер.

Я убью Оуэна.

— Простите, но правда не могу, — качаю я головой.

Мужчины достают бумажники и бросают на стол купюры. Оуэн хмуро смотрит в свой.

— В чем дело? — спрашиваю я.

— Я думал, у меня есть еще десятка. Потому и сказал, что оплачу последнюю порцию напитков.

Он проверяет карманы, все больше впадая в отчаяние.

Остальные спокойно собираются, не обращая внимания на уныние друга.

Я тянусь к своей сумочке:

— Кажется, у меня есть немного денег.

Оуэн берет протянутые купюры и шепчет:

— Боже, мне так стыдно...

С красными от смущения щеками он машет официанту.

— Хлюст ^[17], — закатывает глаза Адди.

Я хочу спросить, что она имеет в виду, но Оуэн, кажется, торопится уйти.

Оказавшись на улице, вся толпа направляется к одному автомобилю, а мы с Оуэном идем к нашему, который оставили чуть поодаль.

— Тебе понравилось? — с тревогой спрашивает Оуэн.

Вздвогнув от холода, я сильнее кутаюсь в палантин.

— Да.

Прошедший вечер кажется нереальным, будто это происходило с кем-то другим. Но есть и черное пятно — разговор о Гудини. Ну зачем Оуэн все испортил, рассказав о нем своим друзьям?

Оуэн обнимает меня за плечи, и я улыбаюсь в темноте, вспомнив тот волшебный миг, когда он прижимал меня к себе. Ладно, вечер не совсем провальный. Были и чудесные мгновенья.

— Я рад. Ради таких вот ночек я и сбежал из душного старого Бостона.

— Ты там вырос, да?

— К сожалению, — фыркает Оуэн.

— Почему к сожалению?

Я вдруг осознаю, как же мало о нем знаю.

Наступает тишина, и на какой-то миг мне кажется, что Оуэн не собирается отвечать, но тут он начинает говорить, и в голосе его не слышно обычной беспечности:

— Мой отец происходит из старинного бостонского рода. Ну, знаешь, из тех, у кого денег куры не клюют, но они никогда об этом не говорят.

Он смотрит на меня, и я киваю. Я действительно знаю. Это одна из причин, по которым

мы никогда не совались в Бостон: жители слишком прижимистые и подозрительные.

— Они лишили отца наследства, — продолжает Оуэн, — когда он женился на моей матери. Мол, она какая-то коварная танцовщица-француженка, которая обманом заманила его в брачные сети. Кажется, отец тоже так считает. По крайней мере, если судить по его отношению ко мне.

Он бросает на меня косой взгляд, и до меня доходит:

— Ах...

— О, они оплатили мое обучение в хороших школах. Это же немыслимо, чтоб Винчестер учился в государственном учреждении! Но отец и мои многочисленные кузены не упускали случая напомнить мне, насколько я второсортная личность.

Я вздрагиваю от горечи его слов.

— Прости, — сокрушается Оуэн, — не стоило портить наш прекрасный вечер разговорами о моих проблемах. К тому же, все это неважно. Когда-нибудь я разбогатею и вернусь с триумфом. — Он крепче стискивает мои плечи. — Я правда хотел бы, чтобы эта ночь длилась вечно.

Мое сердце сжимается, созвучное тоске в его голосе. Я знаю, каково это — сомневаться в родительской любви. Я поворачиваюсь к Оуэну, и он обнимает меня за талию обеими руками. Нас окутывает свет фонаря. Миссис Линдсей, Гудини, моя мать и мои видения исчезают под воздействием теплоты мужского взгляда.

На мгновение я понимаю, что значит быть обыкновенной девушкой, наслаждающейся обществом обыкновенного парня.

— Я действительно замечательно провела время. Огромное спасибо за все.

Оуэн пальцами приподнимает мое лицо. «Сейчас он меня поцелует», — думаю я. Но он лишь говорит:

— Это было мне в радость. Анна, ты чудесная девушка.

Мы идем дальше, и мне не нужны никакие способности, чтобы знать: Оуэн так же счастлив, как я.

Но тут по спине пробегает холодок дурного предчувствия, и я спотыкаюсь.

Оуэн смеется и подхватывает меня под руку:

— Переборщила с алкоголем? Мне показалось, ты почти не пила.

Я не отвечаю. Вместо этого останавливаюсь и замираю, сосредоточившись. Над верхней губой выступают капельки пота, и я дрожу.

Происходит что-то ужасное.

Я дрожу все сильнее, и Оуэн сжимает мои плечи:

— Анна, что с тобой?

Вдруг из-за угла с визгом вылетает молочный фургон и мчится прямо к нам. Прежде, чем мы успеваем среагировать, он тормозит рядом, наружу выпрыгивает человек, ударом в лицо сбивает Оуэна с ног, а когда тот падает на обочину, еще и пинает под ребра. Вскрикнув, я пячусь к кирпичной стене. Дверцы кузова фургона распахиваются, выскакивает еще один мужчина и, стиснув мне руки, тянет к машине. Поняв его намерения, я бросаюсь на землю. Застигнутый врасплох, незнакомец ослабляет хватку, и я отползаю назад, ища оружие. Хоть какое-нибудь. Ничего. Я встаю, готовая, если получится, бежать за помощью, но мужчина, ударивший Оуэна, оказывается быстрее — он хватает меня сзади, тащит к фургону и закидывает в кузов, словно мешок картошки. Я бьюсь головой о дверцу. Перед глазами вспыхивают звезды, а на лицо стекает кровь — теплая и соленая. Я отчаянно пытаюсь ее стереть, и тут же новый удар — на сей раз об пол.

— Гони, гони, гони! — кричит кто-то.

— Анна! — слышу я голос Оуэна, но он стихает, когда фургон уносится прочь.

Мне на голову натягивают нечто темное, удушливое, и я начинаю бороться изо всех сил. Наугад тычу назад локтем и попадаю во что-то мягкое — раздается приглушенное «Ох». Меня хватают за волосы и вдавливают головой в деревянный пол.

— Свяжите ее! — приказывает женский голос.

Я пытаюсь понять, где уже его слышала, но мне заводят руки за спину и стягивают запястья веревкой. Я прекращаю борьбу. Справиться с веревкой — не проблема. Мужчина, удовлетворившись тем, что я крепко связана, отползает в сторону. Я притворяюсь, будто лишилась сознания, что не так уж далеко от правды — влажный вонючий мешок на моей голове едва ли пропускает достаточно воздуха. Гудини однажды сказал, что, выполняя свои трюки с освобождением, он концентрируется на замедлении дыхания и пульса. Легче сказать, чем сделать, особенно когда сердце от ужаса стучит как безумное.

— Мы ее убили? — спрашивает кто-то.

— Не. Просто оглушили.

Женщина что-то шепчет, и я напрягаюсь, чтобы снова расслышать ее голос, но он слишком тих. Неужели она боится, что я ее узнаю?

Без понятия, как долго мы уже едем. Время ускользает, а я впадаю то в панику, то в абсолютное спокойствие. Хотя похитители не могут видеть мое лицо под мешком, я все равно не рискую открыть глаза. Наконец, целую вечность спустя, фургон останавливается.

— Что нам с ней делать?

— Сейчас ее нельзя перетаскивать. На улицах еще ходят люди. Кто-нибудь наверняка заметит.

— Я бы хотела просто сбросить ее в реку, — ворчит женщина, и кровь стынет в моих жилах. Я точно знаю этот голос, но не могу вспомнить, откуда. Дочь миссис Линдсей? Не уверена, я ведь говорила с ней лишь однажды.

— Не забывай, на кого ты работаешь. Она просто приманка.

— Ага, мерзкая приманка.

— Ни один волосок не должен упасть с ее головы! — предупреждает мужчина.

Волосок? Я уже пострадала гораздо сильнее, но молчу.

В передней части фургона кто-то двигается, затем открывается и закрывается дверь. Я заставляю себя досчитать до ста и только потом начинаю медленно распутывать узлы. От шока и холода пальцы онемели, и, чтобы развязать веревку, уходит гораздо больше времени, чем должно бы. Освободив руки, я стягиваю с головы мешок.

Глаза привыкают к темноте, но я все равно могу разглядеть лишь неясные очертания.

Опасаясь, что похитители вернуться, я быстро избавляюсь от пут на ногах. Продвигаюсь к окну и выглядываю — вдруг кто-нибудь меня заметит и снова оглушит.

Фургон припаркован в переулке. По обе стороны только кирпичные стены. Мое первое желание — распахнуть дверь и бежать отсюда, но я сдерживаюсь, взвешивая ситуацию. Если меня сейчас поймают — другого шанса уже не будет. На секунду задумываюсь, вызвал ли Оуэн полицию, но они в любом случае никак не смогут меня найти.

За окном темно и тихо, никакого движения. Медленно, чувствуя боль в каждой клеточке тела, обшариваю фургон в поисках своей сумки. Тогда у меня хотя бы будет оружие. Все впустую. Или ее забрали похитители, или я сама выронила, когда меня схватили.

Ползу к передней двери. Они ведь наверняка следят за кузовом... Медленно приоткрываю дверцу, с ужасом слыша, как она скрипит. Ничего не происходит. Я распахиваю створку пошире — достаточно, чтобы выбраться наружу. Каждый удар сердца отдается болью в голове. Борясь с тошнотой, я на мгновение прислоняюсь к фургону. Затем приседаю и двигаюсь вдоль борта, до самой кабины. Выравниваю дыхание и жду — самую долгую секунду в истории. Если они меня увидят, то как раз сейчас...

Я вскакиваю и мчусь по улице.

Горло сжимается от страха, пока я прислушиваюсь, нет ли за спиной погони. Тихо. Сворачиваю за угол и бегу дальше, стараясь добраться до достаточно людного места, чтобы затеряться в толпе.

Подворачиваю лодыжку на неровной дороге, но не останавливаюсь. Один квартал. Два. По обе стороны нависают металлические здания, но все магазины закрыты. Я бегу быстрее. На меня отовсюду нападают тени — темные и ужасающие. Воздуха не хватает. Сколько я еще выдержу? Добравшись до угла под стук собственного сердца в ушах, я наконец замираю.

Согнувшись, пытаюсь восстановить дыхание. С каждым глотком воздуха, грудь пронзает острая боль. Я выпрямляюсь и шурю на дорожный указатель, но не могу прочесть размытые слова. Вытираю глаза и вижу на ладони смешанную со слезами кровь.

И что в итоге? Я ранена, заблудилась, и, возможно, в этот самый момент за мной охотятся, будто за животным. Да уж, хуже уже не будет. Глубоко вздохнув и вытерев лицо шарфом, я рассматриваю указатель и направляюсь на запад, по пути выискивая магазин, откуда можно позвонить маме. И всякий раз, когда мимо проезжает автомобиль, я съезживаюсь, ожидая оклика, означающего, что меня поймали.

Наконец вижу круглосуточную бакалею и перебегаю через улицу к ярко освещенной витрине. Заметив меня, женщина в магазине вскрикивает. Наверное, все еще хуже, чем я думала. Ко мне спешит продавец.

— Что с вами? Что случилось? — спрашивает он с сильным немецким акцентом.

— У вас есть телефон?

Секунду он хмурится, затем кивает:

— Да, да.

— Можно позвонить?

Оправившись от испуга, женщина начинает надо мной квохтать:

— *Liebchen*,^[18] бедняжка. Для начала присядь.

Я несказанно рада отойти подальше от окон вглубь магазина. Незнакомка усаживает меня на стул рядом со старомодной пузатой печью и накидывает мне на плечи колючий шерстяной плед. Я дрожу. Свою накидку я, наверное, оставила в фургоне или потеряла, пока бежала.

В руку мне суют кружку горячего кофе, и я с благодарностью отпиваю. Слышу, как продавец что-то кричит в трубку, но не могу разобрать слов.

Женщина поглаживает меня по голове и что-то бормочет по-немецки. Вокруг нас полки, полные банок, названия на которых я не могу прочитать, и лотки с овощами, источающими сильный едкий запах.

Вернувшись, продавец смотрит на меня так сочувственно, что в горле встает ком.

— Я позвонил в полицию. Они скоро будут.

Я начинаю трястись, и мужчина подкидывает в печь угля. Полисмены. Конечно, он их вызвал. Большинству людей полиция нравится.

Женщина приносит миску с горячей водой и чистую ткань. Затем вытирает мое лицо, приговаривая что-то утешительное. Я вздрагиваю, но молчу. Что я могу им сказать? Что меня похитили неизвестные по столь же неизвестным причинам?

Сердце бьется быстрее, когда я вспоминаю свое видение: я в ловушке под водой, а мама в опасности. Что, если теперь они отправились за ней? Кто эти люди, и чего они хотят? И почему женский голос показался таким знакомым?

Перед глазами всплывает искаженное лицо миссис Линдсей. Она безумная, но настолько ли, чтобы решиться на похищение? И зачем ей это?

Над дверью звенит колокольчик, и я едва не вскакиваю со стула. Женщина успокаивающе прикасается к моему плечу:

— Теперь все будет хорошо. Приехала полиция.

Вот только от этого не легче.

* * *

Вопросы, вопросы, вопросы... Полиция, врачи и, наконец, моя мать, Жак и Оуэн, которые ждали в больнице, куда меня привезли на рассвете.

Теперь, после нескольких часов ожидания, я наконец-то дома. Оставив всех в гостиной, иду в ванную.

Помыться кажется сейчас самым важным. Вокруг витает пар, ограждая меня от внешнего мира, словно защитный саван. Горячая вода успокаивает боль в ногах и спине. Я выжимаю губку над головой, позволяя струям стекать по лицу и шее. Даже жжение ссадин кажется приятным, будто оно выжигает весь ужас сегодняшней ночи.

Я погружаюсь в воду по шею.

Вдыхаю глубоко, так что легкие едва не начинают трещать по швам, затем добираю еще чуть-чуть воздуха. И ухожу под воду с головой, начиная отсчет. Гудини может задерживать дыхание больше четырех минут. Я — чуть меньше трех. Обычно я стараюсь ни о чем не думать, пока считаю, но сегодня это невозможно. Внезапно в мыслях вновь всплывает мой жуткий кошмар. Я под водой, и от того, сумею ли освободиться, зависит мамина жизнь.

Я выныриваю, вода льется через края ванны. «Все не по-настоящему», — напоминаю себе, но купание уже испорчено. Выдернув пробку, я наблюдаю за убывающей водой.

Затем вытираюсь махровым полотенцем и, натянув длинную ночную рубашку, иду по коридору в свою спальню, где тут же забираюсь в кровать, наслаждаясь прикосновениями свежего постельного белья к коже.

Через мгновение в дверях, держа в руке дымящуюся кружку, появляется мама. Под глазами ее темные круги, и я осознаю, что она, должно быть, так же измотана, как я.

Мама протягивает мне чашку:

— Думаю, тебе это не помешает. Оуэн и Жак только что ушли. — Затем берет со столика посеребренную щетку. — Давай я расчешу тебе волосы, пока ты пьешь.

Голос ее нежен, и я расслабляюсь, откинув голову назад. Подношу кружку к губам, вдыхаю сливочный аромат теплого молока и мускатного ореха, а на языке чувствуется привкус рома.

— Уверена, что не знаешь, кто это сделал? — спрашивает мама, и тон ее — будто сталь, обернутая бархатом.

Я изо всех сил пытаюсь вспомнить женский голос, но все так размыто. По спине пробегает дрожь.

— Уверена. Я не хочу об этом говорить.

— Конечно.

Я делаю еще один глоток. Истощение и алкоголь превращают окружающий мир в нечто расплывчатое и приглушенное.

— А о чем ты хочешь поговорить?

Ритмичные движения щетки по волосам убаюкивают. В груди становится тепло. Устала. Как же я устала. Тут я кое-что вспоминаю.

— Мама, а кто такой «хлюст»?

Я поворачиваюсь, чтобы видеть мамино лицо, когда она будет отвечать. Уголки ее губ неодобрительно опускаются.

— Тот, кто ведет себя так, будто у него уйма денег, а сам выманивает их у других. А что?

Я задумчиво хмурюсь.

И в голову приходит еще одна мысль.

— Почему бы тебе не рассказать, как вы познакомились с отцом?

Щетка на мгновение замирает, потом движется дальше.

— Я уже рассказывала.

— Хочу еще раз! — требую я как капризный ребенок.

Мама продолжает расчесывать:

— Я работала ассистенткой фокусника, и после одного из представлений за кулисы пришел Гудини. Тогда я на него и внимания-то не обратила.

Она откладывает щетку и вынимает кружку из моих отяжелевших рук. Я откидываюсь на подушки, слишком уставшая, чтобы и дальше сидеть.

— И что потом? — подталкиваю я.

Мама приглаживает мне волосы, убирая пряди от лица. Заботливая. Сейчас она такая заботливая.

— А потом я заглянула в его прекрасные карие глаза и влюбилась, — просто говорит она. — Теперь спи, моя девочка. Спи, *edesem*.^[19]

Я хмурюсь, какое-то время борясь с дремотой, навалившейся на меня словно теплый черный мех. Что-то не так. И за секунду до того, как мир погружается во тьму, до меня

доходит.

У Гудини голубые глаза.

Я просыпаюсь в оцепенении и замешательстве. Шторы задернуты, но пробивающийся сквозь них искусственно-желтый свет напоминает сияние уличного фонаря. Должно быть, я проспала целый день. Шоу! Я подскакиваю, и каждая клеточка тела протестующе ноет.

— Мама? — зову, хотя уже знаю, что в квартире пусто. Затем хватаю халат, пытаюсь попасть в рукава, и бросаюсь из комнаты в комнату.

По пути на кухню больно ударяюсь ногой о дверной косяк.

— Черт побери!

Стою на одной ноге, задираю другую и разглядываю кусочек кожи, свисающий с большого пальца. Кровь сочится из ранки, и я допрыгиваю до стола за кухонным полотенцем. Как будто мне мало боли!

И тут замечаю записку, прислоненную к заварочному чайнику:

«Ушла на выступление. Принесу еды».

Боль мешает сосредоточиться. Я хмурюсь. Как маме удастся выступить без меня?

— Черт побери! — повторяю я. Допрыгав до холодильника, откалываю кусочек льда и хромаю к обеденному столу.

Потирая кончик пальца льдом, я припоминаю, какой любезной была со мной мама сегодня утром. Бога ради, она же подоткнула мне одеяло, чего не случилось уже много лет! И вот теперь отправилась на представление, оставив меня избитую в одиночестве, когда за мной охотится потенциальный похититель.

Разумом я понимаю, что у мамы не было выбора — шоу должно продолжаться и все такое, — но все же меня грызет обида. Вот рядом со мной настоящая мать, а в следующее мгновение ее у меня отнимают, будто ее никогда и не существовало.

Я оборачиваю и перевязываю полотенцем раненую ступню, а потом, хромя, подхожу и зажигаю плиту. Время чая. На кухонном столе замечаю цветы, которые накануне принес Коул. Внутри все сжимается при мысли о его поцелуе в щеку, но я тут же припоминаю его встречу с миссис Линдсей. Я сбита с толку, как никогда.

Услышав резкий стук в дверь, я застываю, сердце подкатывает к горлу. Неужто мои похитители пришли закончить дело? Достаю из ящика нож и молча хромаю по коридору. Я уже почти у двери, как снова раздается стук, и я подскакиваю. Злюсь на себя за испуг. Это мой дом. Пусть только попробуют забрать меня сейчас, когда я начеку. Сжимаю нож крепче, мне нравится его ощутимый вес. Пусть только попробуют.

— Анна, это Коул, с тобой все хорошо?

Коул? От звука его голоса меня охватывает облегчение, а сердце замирает. Вдруг, несмотря ни на что, я хочу увидеть его больше, чем кого бы то ни было на свете.

— Минутку.

Я в панике ищу, куда бы сунуть нож, и наконец прячу его за искусственным резиновым растением в прихожей. Затем потуже затягиваю халат и открываю дверь.

И таращусь на помятого усталого Коула, настолько не похожего на себя, всегда такого опрятного. К тому же я уже позабыла, каким внушительным он кажется на пороге.

— Можно войти?

К моему крайнему удивлению, я бросаюсь на него, чувствуя, как от слез сжимается горло. Сосед обнимает меня, и я ощущаю, а не слышу, его облегченный вздох.

— С тобой все хорошо, — шепчет он, прижимаясь губами к макушке.

Я закрываю глаза и киваю. Ни о чем не хочу сейчас думать. Впервые за долгое время мне тепло и безопасно. Я упираюсь лицом в его грудь так крепко, что ощущаю твердые мускулы под шероховатым шерстяным пиджаком. Впервые чувства Коула ко мне предельно ясны: опасение, беспокойство и забота. Запах мыла и осенней прохлады щекочут ноздри, и на минуту я вдыхаю его аромат, желая, чтобы это мгновение длилось вечно.

Но перестать думать не так уж и просто, и как только я вспоминаю о миссис Линдсей, напрягаюсь в сомнении. Будто почувствовав перемену, Коул медленно опускает руки.

Я отступаю и краснею. С чего это вдруг я на него накинулась? Из кухни раздается пронзительный свисток.

— Не желаешь чаю? — спрашиваю, не глядя гостю в глаза.

Он следует за мной по коридору, и я жестом предлагаю ему садиться за стол.

— Нет, отдыхай, — говорит Коул, кивнув на мою ногу. — Где чашки?

Я показываю ему, где что лежит, сажусь и наблюдаю, как он готовит мне чай.

Затем беру у Коула чашку, и он садится напротив, решительно и серьезно глядя на меня черными глазами. Опять у него профессорское лицо.

— Ну что ж, — наконец говорю я, не в силах терпеть молчание.

— Ну что ж. — Коул смотрит на чашку, потом переводит взгляд на меня: — Как ты на самом деле?

— Мне больно. Я сбита с толку. Разочарована.

Я поднимаю бровь.

Коул кивает. Он знает, что я не только о похищении.

— Имеешь на это право.

И я знаю, что он тоже говорит не о похищении.

— Ну и? — подталкиваю я.

— Ты что-то хотела бы узнать? Я поделюсь всем, чем смогу.

Я отпиваю чай, мысли суматошно кружатся в голове. О чем же спросить сначала? Может, просто прямо задать вопрос о миссис Линдсей? И посмотреть, что Коул ответит? Я вспоминаю о том, как бросилась ему в объятия, и щеки снова краснеют. Как можно испытывать влечение к тому, к кому нет полного доверия?

— Ты говорил, что приехал в Америку, чтобы найти других экстрасенсов. Зачем их искать?

Я почти ожидала, что он не ответит, но Коул тут же говорит:

— Я должен помочь им, насколько смогу.

— Зачем им нужна помощь?

Коул колеблется, и я напрягаюсь, но он поднимает руку:

— Даже не знаю, как выразиться помягче.

Я фыркаю:

— Не такой уж я нежный цветочек.

Уголки губ Коула приподнимаются.

— Анна, такой, как ты, я еще не встречал. — Он смотрит мне в глаза, и на пару секунд я перестаю дышать. Затем на лице Коула снова появляется серьезное выражение. — Многие люди с паранормальными способностями оказываются в психушке. Они не понимают, что происходит, и если не учатся управлять своим даром, то сходят с ума. Вот поэтому, говорю начистоту, редко когда можно найти кого-то твоего возраста с таким сильным даром.

Я смотрю в чашку, вспоминая, сколько раз меня теснили эмоции других людей, как часто я думала, что видения сведут меня с ума. Глубоко вздыхаю:

— Так что же эти остальные?

— Миссис Гейлорд уже рассказала тебе: я член Общества психических исследований. В группе есть ученые и экстрасенсы. Первые изучают, а вторые — помогают друг другу развивать способности.

По спине пробегает холодок. Общество психических исследований. То самое, откуда ушел доктор Беннет, возмущенный их дурным обращением с подопытными. То самое, которое, как утверждал лектор, не церемонится с такими, как я. Почему Коул принадлежит к организации, которая так эксплуатирует экстрасенсов? Тут я вспоминаю, что сосед говорил мне во время первой беседы: он скорее проводник, чем экстрасенс. На чьей же он стороне? Я хочу его об этом спросить, но решаю держать язык за зубами. Нужно вытащить из Коула как можно больше информации, пока он снова не замкнулся.

— А у всех экстрасенсов одинаковые способности?

Коул качает головой:

— Нет. Некоторые читают мысли, другие — видят чужие сны. У нескольких человек есть дар предвидения, но я никогда не встречал того, кто чувствует чужие эмоции и является проводником для мертвых.

— Это так запутано. Почему же я делаю то, на что другие не способны? Почему я особенная?

— Никто не знает. Это один из вопросов, на которые наше Общество пытается ответить, проводя исследования. Существует несколько разных теорий.

— Например?

— Одни верят, что экстрасенсы используют больше возможностей мозга, чем большинство людей. Другие считают, что подобные способности переходят из поколения в поколение.

Поэтому, возможно, таланты достались мне от отца. Надо будет потом поразмыслить. А сейчас у меня есть еще один неотложный вопрос:

— Ты сказал, что этим можно управлять. Как?

— Все приходит с практикой.

Я сглатываю:

— Можешь меня научить?

Коул делает глубокий вдох и медленно выдыхает.

— Я присутствовал только на нескольких занятиях с другими экстрасенсами. Меня, конечно, обучали — я должен уметь управлять своим ценным даром. Но не уверен, что способен тебе помочь. Некоторые члены Общества не одобряют подобной практики.

Интересно, не об этом ли говорил доктор Беннет?

— Почему же?

— Боятся, что слишком обученные экстрасенсы испортят им чистоту исследования. Показания могут отличаться от замеров неконтролируемых способностей. Экстрасенсы же хотят жить как нормальные люди, насколько это возможно. Большинство не прочь помочь с исследованиями, но им хочется уметь отключать свои таланты.

Они. Значит, Коул себя экстрасенсом не считает.

— То есть вашим ученым это не по вкусу? Эти две группы не ладят?

Я настороженно наблюдаю за ним и замечаю его колебание.

— Есть такое, но мне правда не стоит об этом упоминать.

Я чуть ли не задыхаюсь от разочарования. Как никогда хочу ему доверять.

— Как мне ими управлять? Что входит в обучение?

— В основном практика и сосредоточенность.

Я глубоко вдыхаю и решаюсь:

— Давай сделаем это.

Улыбка Коула смягчает суровость его лица.

— Что? Прямо сейчас?

Я пожимаю плечами:

— Почему нет?

— Потому что не стоит начинать обучение физически и эмоционально истощенной.

Тебе нужно сперва отдохнуть.

Я смотрю на стол, пытаюсь выразить свои мысли словами:

— Я знаю, кто меня похитил. — Быстро качаю головой, заметив на лице Коула тревогу. — Нет, то есть, я знакома с одним из тех трех нападавших. Как раньше я поняла, что за мной следит миссис Линдсей.

Я внимательно рассматриваю лицо Коула, но вижу лишь тревогу.

— Думаешь, похищение организовала миссис Линдсей?

Меня снова охватывает беспомощность, которую я испытала в фургоне молочника. Коул тянется через стол и накрывает мою руку своей. Как только наши пальцы соприкасаются, я ясно чувствую его тревогу. Что бы сосед ни делал с миссис Линдсей, не думаю, что целью было причинить мне боль. По крайней мере, надеюсь, что нет.

— Понятия не имею. Но если я научусь управлять своими способностями, то, наверное, смогу выяснить, кто это был.

А выяснив, кто похитил меня, сделаю первый шаг для защиты матери.

Молчание. Я смотрю в черные глаза Коула.

— Мы можем начать завтра, — предлагает он.

У меня перехватывает горло, и я отворачиваюсь. Чувствует ли он сейчас мои эмоции? Знает ли, как я благодарна? Как он мне нравится? Я краснею. Мне точно нужны уроки. Хочу научиться устанавливать стену, как Коул.

Я отнимаю руку, пытаюсь прийти в себя. Что-то во мне, многие годы крепко запертое, наконец вырывается на свободу.

— А сколько тебе было во время обучения? То есть, когда ты узнал, что не такой как все?

Губы Коула вздрагивают.

— Я просто проводник, поэтому лишь рядом с другим экстрасенсом со мной происходили паранормальные инциденты. В детстве подобное случалось очень редко, и, так как я не мог описать произошедшее, родители ничего не знали. А потом меня отослали в школу-интернат. К счастью или нет, но один из учителей оказался экстрасенсом. Меня обучили во время войны, а в прошлом году я официально стал членом Общества.

Я хмурюсь и уже думаю наперед.

— Мне как-то не приходило в голову, но такая способность весьма полезна во время войны. И весьма опасна, если экстрасенс склонен к дурному.

У Коула дергается щека.

— Это один из споров в Обществе и одна из причин, почему я так неохотно делился с

тобой сведениями о нас.

Я понимаю намек:

— Значит, в Обществе есть те...

— Кому мы не доверяем. Верно. Я не соврал, сообщив, что приехал сюда искать экстрасенсов, но меня послали в США не только поэтому.

Я замираю:

— И зачем же еще?

Коул поджимает губы:

— Несколько руководителей Общества посчитали, что я в опасности из-за моей способности чувствовать других экстрасенсов. Мол, узнав, что я проводник, кто-то может использовать меня в дурных целях.

От тревоги мой пульс ускоряется.

— Значит, ты рискуешь?

Коул пожимает плечами:

— Понятия не имею, но то, что мое местонахождение больше не секрет, дает основания для беспокойства. Мой близкий друг из Общества прислал письмо, но я куда-то его засунул, так и не успев прочитать.

Мое сердце замирает. То письмо. Встретив Гудини в магазине магии, я совершенно забыла о конверте. Он все еще лежит в моем пальто. Щеки заливаются краской стыда. Что, если из-за меня Коул в опасности? Придется все рассказать.

Я сглатываю:

— Коул, я...

Но продолжить не успеваю. Открывается дверь, и на кухню входят мама с Жаком.

— Давай встретимся завтра и начнем твоё обучение? — предлагает Коул.

Я поспешно киваю. Прекрасно. Так я сумею вернуть письмо и извиниться за кражу.

— О, дорогая, ты не спишь. Как ты себя чувствуешь?

Мать подходит и целует меня в щеку.

— Я в порядке, спасибо, что спросила, — отвечаю прохладно. Меня все еще гложет обида, что меня бросили. Судя по приподнятой брови, мама замечает мое недовольство.

— Чудесно, — отвечает она, передавая мне пакет. — На обратном пути я купила тебе сэндвичей. — Мадам бросает взгляд на Коула: — Спасибо, что проведаль ее. Мне пришлось уйти. — А затем красноречиво смотрит на меня.

Коул встает:

— Мне пора. Анна, увидимся завтра. — Кивнув на прощанье, он уходит.

Я вытаскиваю сэндвич из пакета, разворачиваю вошную бумагу, глубоко и с удовольствием вдыхаю запах и жадно откусываю. Один бог знает, как давно я не ела.

Жак откашливается:

— Мы с твоей мамой очень за тебя переживали.

Мне хочется рассмеяться, но еда занимает все мое внимание. Куриный салат с ржаным хлебом еще никогда не казался таким вкусным.

— Как прошло представление? — спрашиваю с набитым ртом.

— Идеально, дорогая, совершенно идеально.

Мама наполняет два бокала джином и протягивает один Жаку.

— Признаюсь, все прошло лучше, чем я ожидал, — сообщает тот. — Сначала все держалось на волоске.

— Я знала, что он справится. — Слова срываются с уст матери будто аккуратные маленькие камешки.

Я с подозрением поднимаю взгляд: ее глаза блестят. Она умирает от желания сказать мне что-то, но не хочет делать этого в открытую. Сердце уходит в пятки, и я, прихрамывая, подхожу к мусорному ведру и выкидываю остаток сэндвича. Аппетит пропал.

Я поворачиваюсь лицом к Жаку и маме.

— Кто справился? — спрашиваю ровно.

Кроме того, чтобы быть начеку, еще одно важное правило жизни с моей родительницей: не дать ей понять, что она меня обижает.

— Оуэн! — восклицает мама, не в силах больше сдерживаться.

— Оуэн? — Я на ощупь нахожу стул и со стуком сажусь.

— Кто-то поминает мое имя все?

Легко на помине. Я слышу, как за ним захлопывается входная дверь.

— Вот моя девочка! — Он падает передо мной на колени и преподносит розу. — Я пришел бы раньше, но не хотел являться с пустыми руками. Только не после того, как позволил им тебя похитить. — Затем кладет голову мне на колени, все еще протягивая розу. — Я никогда себя не прощу, но питаю надежду, что ты когда-нибудь простишь. Мне так жаль...

На секунду я теряю дар речи, но все же беру розу и стучу по макушке паяца костяшками пальцев.

— Мне прощать нечего, дурачок. Все произошло так быстро... — Я с трудом сглатываю и отбрасываю воспоминание прочь. — А теперь вставай, это смешно.

— Благодарю, — говорит Оуэн, подсакивая, словно игрушка-попрыгунчик. — Колени меня убивают.

Я начинаю закатывать глаза, но тут замечаю синяки на его подбородке и скуле.

— О боже, ты в порядке? — Я хочу коснуться его лица, но отнимаю руку в смущении.

— Я в порядке, а беспокоюсь только о тебе. Я также захватил твою сумочку. Ты ее уронила при похищении.

Я с благодарностью беру сумку. Не хотелось бы лишиться ножа. Мне он нужен как никогда.

— Давайте побеседуем в гостиной? — Мама все еще тайно злорадствует.

Оуэн берет меня за руку и помогает пройти по коридору, но моему пальцу уже получше, и я чувствую себя идиоткой с обмотанной полотенцем ногой.

— Значит, ты заменил меня в шоу? — спрашиваю я радостно взволнованного Оуэна, присаживаясь в ближайшее кресло.

Жак фыркает:

— Вряд ли.

На лице его племянника мелькает обида, и я хмуро гляжу на импресарио.

— Твое место никто не сможет занять. Я просто замещал.

— И прекрасно справился, — хвалит мама, улыбаясь мне. — Просто прекрасно.

Мастерица игр дает понять, как легко меня заменить. Пытается вызвать мою ревность. У нее получается.

Но черта с два я позволю ей об этом догадаться.

Я поворачиваюсь к Оуэну и улыбаюсь так ослепительно, что он моргает:

— Тебе понравилось?

— Это было потрясающе! Публика, свет рампы, аплодисменты. Я в жизни ничего подобного не испытывал!

— Не слишком привыкай, в шоу не хватает талантов Анны, — решительно одергивает Жак.

Я с изумлением оценивающе смотрю на импресарио, а у мамы на губах застывает улыбка.

Она хватается за шаль и накрывает мои ноги.

— Да, конечно, но как замечательно, что у нас есть замена на всякий случай.

Затем пристально смотрит на меня черными глазами, выдавая, что улыбка ее — фальшивка. Это женщина совсем не похожа на мать, которая утром расчесывала мне волосы, поэтому я отворачиваюсь с болью в сердце.

Но прежде, чем мадам успеет отойти, я робко касаюсь пальцами ее руки. Ее чувства всегда легко прочесть, но я давно научилась по возможности не обращать на них внимания. Девочке не следует знать, какую неприязнь питает к ней родная мать. Сегодня ее эмоции настолько смешаны, что мне сложно их постичь. К моей радости, среди обычного возмущения, нетерпения и целеустремленного желания есть любовь, но также я чувствую и ее страх. Пытаться выяснить, что пугает маму, сродни попытке разобраться в наборе карт таро. Я знаю, что это как-то связано со мной, но боится ли мадам Ван Хаусен за меня или меня саму?

Понятия не имею. Однако в одном сомнений нет: она не хочет, чтобы я участвовала в представлениях.

Я в сотый раз бью подушку. Будь на ее месте человек, давно бы уже умер. Как мама смеет? Да из меня мать намного лучше, чем из нее! Я бегаю за покупками, возжусь с переездами, нахожу работу и обманываю людей. Все ради мадам.

Я снова колочу по подушке, вспоминая, сколько раз играла роль шпиона, выискивая сведения о клиентах, которых маме хотелось надуть; всю черную работу, которой я занималась, чтобы у нас было, что поесть. Взамен же просила лишь возможность творить иллюзии!

А теперь мама хочет отобрать у меня и это.

Но почему? Какой ей прок? И что я буду делать, если не смогу выступать?

Я яростно утираю текущие слезы. Ну и чего так удивляться? Я всегда именно этого и боялась. Самый жуткий кошмар наяву. Нет. Я глубоко вдыхаю. В самом жутком моем кошмаре мама оставляет меня в номере дешевого отеля. По крайней мере, этого она не сделала.

Я сердита, напугана и ошеломлена. Такова история наших с матерью взаимоотношений. Когда я думаю, сколько переживала последние недели, на что шла, чтобы обеспечить ее безопасность...

Закрываю глаза, но они снова открываются, напоминая, что я проспала большую часть дня. Вздыхнув, наклоняюсь, включаю свет и нащупываю под матрасом спрятанную записную книжку. Перелистываю грубые зарисовки трюка, сделанные около года назад.

Провожу пальцем по строчкам, и в порыве вдохновения подхожу к столу и беру карандаш. Сейчас я на год старше, опыта побольше, и у меня есть идеи, как сделать трюк лучше, четче и легче.

Если удастся осуществить все задуманное, фокус пройдет как по маслу. В прошлом году у меня не было возможности его воплотить, а теперь благодаря мистеру Дарби такой шанс появился. Я улыбаюсь, думая о мастерской соседа.

Мать не хочет, чтобы я выступала с ней? Отлично. Но уйду я с помпой.

* * *

На следующее утро я просыпаюсь уставшей и радуюсь, что сегодня воскресенье. Мне нужен выходной.

Хоть я и уверяю маму, что со мной все в порядке, она не верит.

— Точно? Может, вызвать врача? — Она хмурит брови, и на мгновение я чувствую ее беспокойство.

Меня оно не впечатляет.

Знаю, мама меня любит, но карьера для нее дороже. Давно уже следовало усвоить эту истину. И заботиться в первую очередь о себе.

— Я в порядке, просто устала. Наверное, зайду к мистеру Дарби. Уверена, он обо мне беспокоится.

Мама машет рукой, и, едва оказавшись вне поля ее зрения, я хватаю пальто, в кармане которого все еще лежит украденное письмо.

Верчу его в руке, сопротивляясь искушению. Оно написано тем же витиеватым подчерком, что и письмо на столе мистера Дарби, а в приписке значится Лондон. Я смотрю

на обратный адрес, но там стоит только номер почтового ящика. Письмо запечатано, значит, Коул просто захватил его с собой, выходя из дома тем утром, когда я украла конверт у него из кармана.

Мне очень-очень хочется его открыть. Ведь это послание от кого-то из Общества, от кого-то, кому Коул доверяет. А судя по красивому подчерку, адресант — девушка. Я колеблюсь. Возможно, написанное прольет свет на встречу Коула с миссис Линдсей. Из всего, что мне известно о нем, это самое загадочное. Зачем он виделся с той, кто хочет мне навредить? И что его связывает с Обществом психических исследований? Неужели дела там так плохи, как утверждал доктор Беннет? Может, потому Коул и молчит как рыба?

Глубоко вздохнув, я сую конверт в карман, не вскрывая. Как позанимаемся, отдам его Коулу и попрошу прощения, а потом задам вопрос о миссис Линдсей.

До того, как спуститься, я хватаю схемы трюка. Уверена, Коул собирается куда-то меня увести на первое занятие, но сначала я поговорю с мистером Дарби.

Я стучу, и Коул впускает меня через пару секунд.

— Ты меня ждал? — спрашиваю, хмурясь.

Улыбка освещает его лицо, и у меня перехватывает дыхание.

— Вообще-то, ждал, мисс Ван Хаусен.

— Ты... чувствуешь, когда я спускаюсь? — шепчу я, оглядываясь в поисках мистера Дарби.

— Нет, — тихо отвечает Коул, наклоняясь ближе. — Я слышу, как ты топаешь по лестнице, будто стадо слонов.

Я возмущенно бью его по плечу, Коул со смехом отскакивает, а я чуть краснею, гадая: неужели на моем лице сейчас такое же глупое выражение? Мне нравится легкомыслие Коула. Интересно, увижу ли я его таким снова после того, как расскажу, что украла письмо... Когда он выяснит, какая я на самом деле.

— Доброе утро, мисси! — Мистер Дарби тепло меня обнимает. Его чувства просты, грубоваты и полны заботы, как и он сам. — Тебя словно по лицу двинули бейсбольной битой. И ты пришла с пустыми руками. Где мой завтрак?

— Простите, у нас с Анной сегодня встреча, — быстро отвечает Коул.

Мистер Дарби вздыхает и корчит нарочито горестную гримасу:

— Конечно, у вас двоих нет времени на старика. Пожилые вас не интересуют. Ну что ж, не волнуйтесь обо мне. Я останусь тут и буду ждать прихода горничной.

— Мы принесем вам вафель, — обещаю я и поворачиваюсь к Коулу. — Вообще-то, я бы хотела поговорить с твоим соседом наедине, если ты не против.

Коул вскидывает бровь и с улыбкой смотрит на мистера Дарби:

— Кажется, вы ухлестываете за моей девушкой.

Его девушкой? Я чувствую, как на губах вновь расплывается улыбка.

— Будь я в два раза моложе, у тебя не осталось бы ни единого шанса!

— Не сомневаюсь. — Коул улыбается мне. — Я подожду снаружи. Только не задерживайся, а то замерзну до смерти.

— Я быстро. — Улыбка не сходит с губ, а щеки заливаются краской. Неужели Коул действительно так думает? Или просто меня дразнит?

Как только он выходит, я достаю записную книжку из сумочки и протягиваю мистеру Дарби:

— Вы сможете такое сделать?

Он хмурится, изучая мои зарисовки:

— Возможно. Что это такое?

— Я работаю над новым фокусом. Грандиозным трюком. Мне просто надо знать, можете ли вы помочь. — Я поворачиваю страницу и показываю записи, над которыми корпела. — Я тут дополнительно расписала поподробнее.

Сосед кивает:

— Я посмотрю и позже дам тебе знать.

Я иду к двери.

— Благодарю, но, пожалуйста, не говорите об этом никому, хорошо?

Мистер Дарби улыбается, так что на его лице появляется сотня добродушных морщинок:

— Не волнуйся. Если принесешь мне вафель, буду нем как рыба!

* * *

По дороге в кафе я нагуляла приличный аппетит, и теперь мой желудок урчит от сладостно-пикантного аромата бекона и кленового сиропа. Легкие и воздушные вафли и хрустящий бекон. За едой мы говорим об обычных вещах, но, поев, откидываемся на стульях.

— Начнем? — спрашиваю я. Волнение во мне воюет с только что съеденной вафлей. От такого сочетание немного подташнивает.

Коул криво улыбается:

— Уверена, что не предпочтешь немного поспать?

Я окидываю его сердитым взглядом, а он смеется.

— Никакого сна.

Лицо Коула проясняется, и он наклоняется ко мне поближе:

— Я потому привел тебя в людное место, что тут легче найти подопытных.

— Подопытных?

— Тех, на ком потренироваться.

— А.

Я поворачиваю голову и рассматриваю посетителей: пожилую женщину в серой шляпе с пером, сидящую в одиночестве; мать с двумя одинаково одетыми дочерьми (вероятно, туристы), что пробуют знаменитые местные вафли; и десятки других, заполнивших помещение под завязку.

— Ты предлагаешь поупражняться на них?

Коул пожимает плечами:

— А на ком еще? Ты когда-либо чувствовала человеческие эмоции, не прикасаясь к объекту?

Я кусаю губу, не зная, как объяснить.

— Я всегда была проницательнее большинства людей, и при желании способна догадаться, что они чувствуют, даже без прикосновения. Но в последнее время... — Я замолкаю.

Коул наклоняется вперед:

— Что в последнее время?

— В последнее время мои способности, кажется, усилились. Иногда я получаю сигналы даже не касаясь и не обращая особого внимания на окружающих. Одно видение мне являлось неоднократно. Обычно подобного дважды не бывает.

Я опускаю глаза, страх и тревога давят на плечи, будто цепь с ядром. Меня охватывает сильное желание довериться Коулу. Но он говорит раньше, чем я успеваю что-то произнести:

— Ты не первый экстрасенс, с которым такое случается из-за моего рядом присутствия. Исследователи выдвигают множество теорий о способностях вроде твоих, но ни одной о том, как мне удаются мои трюки.

Отвлечшись от раздумий, поднимаю голову и смотрю в его теплые черные глаза. Сердце в груди трепещет. Я тоже не знаю, как ему это удастся.

Коул прочищает горло:

— Сначала попрактикуешься на мне, а потом я поставлю щит, чтобы ты почувствовала, что это такое.

Я морщусь:

— Я уже знаю, что это такое.

Коул закатывает глаза:

— Нет, я имею в виду, каково это, если человек ставит щит после того, как у вас с ним уже установился контакт. Возможно, так ты сможешь научиться и сама это делать.

— Ладно.

— Объясняй мне каждый свой шаг. Так ты лучше прочувствуешь процесс. Ну, к примеру, как когда ты выполняешь трюк с чтением мыщ.

— Постараюсь. Просто никогда об этом не задумывалась.

— Анализ — первый шаг к управлению.

Я глубоко вздыхаю:

— Сначала я очищаю сознание, хотя сейчас это сделать несколько сложновато.

Коул подбадривающе кивает. Я пытаюсь успокоиться, но не могу забыть, что он за мной наблюдает. Интересно, как глаза могут быть одновременно такими черными и такими яркими?

— Пожалуйста, отвернись.

Он улыбается, будто точно знает, почему я не могу сосредоточиться. Я едва сдерживаю порыв показать ему язык. Коул слушается и смотрит в сторону кухни.

Я глубоко вздыхаю и пытаюсь успокоиться.

— Когда я касаюсь определенного человека, то чувствую, будто между нами натягивается серебряная лента. Иногда она совершенно прямая, а иногда колышется.

Я накрываю его руку и машинально обхватываю его пальцы своими. Меня окутывает теплом Коула, и приятная дрожь пробегает по спине.

— Что ты ощущаешь сейчас?

Я мысленно встряхиваюсь. «Сосредоточься!»

— Ясное и сильное натяжение, будто вместо ленты у меня в руках прут.

— Интересно. И что дальше?

— Дальше я жду. Когда это начинается, меня словно током бьет. Если удар очень сильный, то похож на эмоциональный заряд.

Я замолкаю. Связь между нами установлена, и меня накрывают чувства Коула.

Сначала я ощущаю его сомнения насчет наших занятий, будто он не уверен, что и правда сможет меня научить. Я также чувствую, сколь крепка его решимость. Но под всем этим есть что-то еще. Я хватаюсь за ниточку и тону в теплоте, желании... по отношению ко мне. Словно... Я округляю глаза и начинаю дышать чаще.

Вдруг опускается сильный щит, и я выдыхаю. Как с разбегу врезаться в кирпичную стену.

— Что это было?

Коул ерзает на стуле, пряча взгляд:

— Я же предупреждал, что установлю щит, чтобы ты ощутила, каково это.

— О, точно. — Я облизываю губы. — Что теперь?

Я отнимаю от его руки свою дрожащую ладонь и подношу чашку кофе ко рту.

— Я хочу, чтобы ты попрактиковалась на ком-то без прикосновения, — говорит Коул с уверенностью в голосе, которой, как я теперь знаю, на самом деле не испытывает. — Почувствуй, а потом закройся.

— Как?

— Большинство моих знакомых экстрасенсов используют воображение, визуализируя сам процесс. Попробуй послать серебряную ленту через зал. Просто мысленно представь, как связываешься с кем-то из посетителей. Раз ты уже так делаешь, когда дотрагиваешься до кого-то, думаю, надо придумать что-то в этом же стиле, например, как ты перерезаешь ленту ножницами или вроде того.

Я слышу слова Коула, но думаю о другом. О том, что один из этих «знакомых экстрасенсов» — женщина, приславшая письмо, что теперь лежит у меня в кармане.

— Готова?

Я отбрасываю мысли о таинственной британке и киваю:

— На ком мне попробовать сначала?

Коул указывает на даму с двумя дочерьми, которые заканчивают завтрак:

— Как насчет них?

— Хорошо.

Я смотрю на незнакомку, постукивающую пальцами по столу, будто ей не терпится уйти. Замечаю круги у нее под глазами и крепко сжатый рот, а потом протягиваю к ней ленту. Эмоции женщины направляются ко мне с удивительной скоростью. Точно, ведь присутствие Коула усиливает мои способности. Интересно, чувствует ли он натяжение нити? Мой желудок от сочувствия сжимается. Я быстро представляю пару ножниц, чтобы разрезать ленточку. Они замирают на мгновение, а потом я силой соединяю лезвия. Секунду ничего не происходит, но потом чужие эмоции, набегающие волнами, просто исчезают.

Выпучив глаза, я поворачиваюсь к Коулу:

— У меня получилось!

Он торжественно кивает, но его глаза весело блестят:

— Получилось.

— Так теперь я могу управлять своим даром?

Мое сердце колотится. Это означает свободу и обычную жизнь.

— Не знаю. Некоторые быстро учатся, потому что занимались этим годами, сами того не сознавая. Другим нужны месяцы тренировок. У тебя больше опыта, чем у прочих, из-за работы с матерью: чтение мыщ, спиритические сеансы и т. д.

Я морщу нос:

— На сеансах хуже всего. Приходящие к нам люди в отчаянии. Это так тяжело...

Я опускаю взгляд на руки.

— Внушать им ложную надежду?

Сердце бьется чаще, но я молчу. Делиться можно далеко не всем.

После неловкой паузы, Коул продолжает:

— Горе — сильное чувство. Им, вероятно, тяжелее управлять. Видимо, в этом и состоит часть проблемы.

— Это разумно, — говорю, немного подумав.

Коул качает головой, в глазах его плещется сопереживание.

— Возможно, нам следует попрактиковаться на людях, чьи эмоции не так сильны, а потом перейти к другим. Сейчас мы действуем методом проб и ошибок.

Я снова откидываюсь на стуле. Возможно, я узнаю больше об Обществе психических исследований. Говорил ли доктор Беннет правду? Коул уже признал некоторые факты, но насколько все на самом деле плохо? Мне хочется спросить, знает ли Коул доктора, но желания раскрывать свои карты нет, особенно если Беннет покинул Общество со скандалом.

— Расскажи мне об этом Обществе.

Коул складывает руки перед собой, словно читает лекцию:

— «Призрачный клуб», как его называли поначалу, основали в 1862 году. В него входили такие люди, как Чарльз Диккенс и сэр Уильям Баррет. В 1870-х клуб пропал, а потом вновь появился в 1880-х уже под названием «Общество психических исследований». Вот, что о нем известно.

— А что неизвестно? — спрашиваю я.

Коул колеблется.

— Ходят слухи, мол, Общество пропало, потому что ученые обнаружили существование настоящих экстрасенсов и проводили исследования тайно, не желая тревожить обычных людей тем, что среди них живут такие уникалы. Впоследствии они подвели научную базу под ОПИ и снова всплыли, но официально не заявляли об экстрасенсах. Эта информация скрывается ради их же безопасности. Всегда находятся неприятные типы, желающие использовать людей с паранормальными способностями ради собственной выгоды. В большинстве случаев секретность помогает защищать экстрасенсов.

Я хочу спросить его, что он имеет в виду, но тут Коул накрывает мою руку своей, наши пальцы переплетаются. Я задерживаю дыхание, видя тепло в его глазах.

— Честно говоря, я хотел бы рассказать тебе все без утайки, но сейчас слишком многое происходит. И когда я с тобой, то все там кажется таким далеким, будто вовсе не имеет значения.

Моя кожа нагревается, а сердце тает, превращаясь в водоворот сладкого шоколада. Все, что я хотела бы сказать, вылетает из головы.

Я знаю точно, что он чувствует.

Но останутся ли его эмоции неизменными, когда я верну письмо?

Я отнимаю руку и опускаю в карман, нащупывая жесткий край конверта.

«Отдай».

Я глубоко вздыхаю и кладу письмо на стол между нами.

— Что это?

Шум вокруг нас приглушается, а во рту будто вата:

— Письмо.

— Анна, я вижу, что это письмо. — Коул поднимает конверт с небольшой полуулыбкой и озадаченно хмурит брови: — Откуда оно у тебя?

Я сглатываю:

— Взяла его у тебя из кармана. — Видя выражение лица Коула, я поспешно продолжаю:

— Это случилось на прошлой неделе. Не знаю, зачем я так поступила. Мне очень жаль, я была сбита с толку.

— Ты залезла ко мне в карман, потому что была сбита с толку? — Коул говорит так резко, что я морщусь. — Ты хоть понимаешь, как оно важно?

Он открывает конверт.

Я хочу заговорить, но Коул поднимает палец, и я замолкаю. Прочитав послание, он смотрит на меня, поджимая губы.

Я делаю еще одну попытку:

— Ты должен знать, что обычно я не... — Я запинаюсь. Не могу пояснить, что чувствовала рядом с ним в вагоне в тот день. Как хотела сблизиться... — Ну ты же знаешь, что я не такая, — заканчиваю я жалкое объяснение.

Смотрю на стол, не в силах встретиться с Коулом взглядом, но чувствую исходящие от него волнами гнев и обиду.

— Анна, я не знаю, какая ты.

Меня обжигает стыд.

— Ты же не серьезно. В какой-то мере ты знаешь меня лучше, чем кто-либо другой.

— Сейчас мне известно лишь, что ты дуришь людей за деньги и шаришь по чужим карманам, когда сбита с толку. Кто знает, может, ты и банки грабишь на досуге? Я считал, что знаю тебя, но ошибся. — Коул бросает злосчастное письмо на стол. — Держи, ты же так хотела его прочесть. Вперед.

А затем уходит.

«Мог бы сделать поблажку за то, что я не прочла письмо», — печально думаю несколько дней спустя. Хотя так ли это важно? Удивительно, но, когда я наконец вышла из кафе, Коул ждал на улице. Я уж решила, что он смягчился и даст мне хотя бы шанс объясниться, но упрямец отказался что-либо обсуждать. Только и сказал:

— Я не могу позволить тебе возвращаться домой одной.

Я вздыхаю и пытаюсь запудрить мешки под глазами и оставшиеся после похищения синяки. Вскоре должна заехать Синтия Гейлорд, чтобы отвезти меня на ужин с доктором Беннетом. Интересно, это его или ее идея? Может, удастся побольше выяснить об Обществе. Хотя мне и так несколько не по себе.

Наверное, стоит все же решиться и поговорить с Коулом о Беннете. Они должны были по крайней мере слышать друг о друге. Вдруг сосед сможет поделиться со мной информацией о докторе. Или же нужно расспросить Беннета о Коуле.

Я стараюсь не думать о том, что Коул, вероятно, вообще со мной больше никогда ни о чем не заговорит. При этой мысли внутри все сжимается.

Я слышу, как хлопает дверь, а затем голос — пришла Синтия. Тряхнув головой, хватаю брошенное на кровать пальто и спешу по коридору.

Мама на кухне вместе с гостьей, и, судя по поднятым бровям и изгибу губ, мадам изнывает от любопытства.

— Синтия сказала, вы собираетесь на ужин с доктором, который исследует проявление духа и спиритуализм. Как... интригующе.

Моя улыбка не отражает ничего, кроме невинного воодушевления.

— Да, думаю, вечер будет увлекательным. Так ведь, Синтия?

Та взволнованно кивает. На фоне огромного воротника из темного меха ее голова кажется бледным цветком. Я жду, что Синтия пригласит маму с нами, но она молчит. Я улыбаюсь. Конечно, она не станет. Зачем ей конкурентки в борьбе за внимание доктора Беннета? Мы спускаемся к автомобилю, оставив мою мать с кучей вопросов. В свете всего произошедшего это кажется весьма справедливым.

Машина сворачивает на Бродвей, и я с удивлением разглядываю гигантские вывески, рекламирующие все подряд: от сигарет «Кэмел» до постановки «Безумства Зигфилда». Видеть, как на западе садится солнце, в то время как все вокруг сияет мириадами сверкающих огней, — настоящее волшебство. Сколько бы раз я ни смотрела, дыхание по-прежнему перехватывает.

— Куда мы едем? — интересуюсь.

Синтия прикуривает сигарету и выдыхает кольцо дыма:

— Когда-нибудь слышала о «Линди»?

Я качаю головой.

— Тебе понравится. Вкусная еда, приятная атмосфера. Никаких пиджонов. Я люблю именно такие места.

Я открываю рот, чтобы спросить, о чем она, но Синтия меня прерывает:

— А теперь скажи-ка, в какого из двух красавчиков ты втрескалась?

Я моргаю:

— Что?

Она закатывает глаза:

— Парни с сеанса. Какой из них тебе нравится? Поскольку я не сомневаюсь, что ты нравишься обоим. Они с тебя глаз не сводили.

— О. М-м-м...

Синтия смеется:

— Просто крути обоими, пока не определишься, кто тебе милее. Я сама так и делала, пока папочка не решил все за меня. И я безумно рада, что это оказался Джек. У него куча денег, и он так красив. У второго претендента был отвратительный нос. Не представляю, как можно выйти замуж за такой нос.

Я не знаю, что ответить, но, к счастью, этого вроде и не требуется. Синтия выбрасывает сигарету в окно и достает из сумочки серебристо-зеленую блестящую пудреницу. Проводит пуховкой по носу, обновляет помаду. Затем, щелкнув крышечкой, советует:

— На твоём месте, я бы выбрала высокого, темноволосого. Он, как и Джек, богат.

Автомобиль замедляет ход и подкатывает к тротуару.

— Коул? — смеюсь я. — С чего ты взяла?

— О, такие вещи я просто знаю, — отвечает Синтия, выскальзывая наружу. — Хотя со вторым будет веселее — все зависит от того, что ты ищешь.

Что я ищу? Знай я ответ, жизнь была бы намного проще.

— Дядя Арни! — слышу я визг Синтии и, обернувшись, вижу ее в объятиях импозантного мужчины в строгом черном костюме.

Высокий, с тонкими губами и властным ястребиным носом. И, несмотря на уже наметившуюся на голове залысину, посадка пиджака выдает в нем мужчину в самом расцвете сил. Он кажется смутно знакомым, и я гадаю, где же его видела.

— Как дела, куколка? Как этот чванливый аристократ с тобой обращается?

— Как с королевой, дядя Арни, как с королевой.

— Лучше б так и было. А то я переломаю ему ноги. — Мужчина смеется, но глаза остаются серьезными.

Синтия шлепает его по плечу:

— Будь милым. Я сегодня с подругой. — Она хватает меня и подтаскивает к себе. — Это Анна Ван Хаусен. Они с матерью известные медиумы. У них даже собственное шоу!

Арни протягивает руку:

— Да? Никогда не верил в подобную чепуху. Только не обижайтесь, мисс Ван Хаусен.

— Все в порядке, — уверяю я.

И в тот миг, когда наши ладони соприкасаются, темное противоречивое чувство змей обвивает всю мою руку, и по коже ползут мурашки. Не знаю, как это назвать, но прежде я ничего подобного не испытывала. Самое странное, что эта эмоция не направлена на меня, Синтию или кого-то еще. Она просто есть. Поцеловав мне руку, Арни отпускает ее, и я вздыхаю с облегчением.

Подходит еще один мужчина в черном костюме и мотает головой в сторону. Арни кивает и поворачивается к нам:

— Надо работать, девочки. Долг зовет. Развлекайтесь. И дайте знать, если что-то понадобится. Хорошо, куколка? — Синтия кивает. — Рад знакомству, мисс Ван Хаусен.

Он уже собирается уйти, но вновь смотрит на меня:

— Ван Хаусен? А не та ли вы иллюзионистка — дочь Гудини? — Я удивленно раскрываю рот, и Арни смеется: — Я в курсе всего происходящего в Нью-Йорке, даже если

это лишь слухи. Я знал вашего отца еще до того, как он прославился. Мы заказываем наручники у одного парня. Хороший он человек, этот Гудини.

Арни еще раз дружелюбно мне кивает и исчезает вместе с окружившими его людьми.

Синтия берет меня под руку:

— Пойдем за столик. Доктор Беннет будет с минуты на минуту.

Едва мы переступаем порог, официантка тут же нас усаживает. «Линди» — приятное место, но не столь вычурное и будоражащее, как «Колония».

— Подожди, пока не попробуешь творожный пудинг, — говорит Синтия. — Просто пальчики оближешь.

Мы снимаем пальто и открываем меню.

— Дядя Арни очаровашка, правда? Даже не верится, что он один из самых влиятельных людей в городе. Все его боятся, но на самом деле он просто душка. Ну, если не переходить ему дорогу.

Я застываю, внезапно вспомнив, где видела «душку» прежде. Арнольд «Мозг» Ротштейн — глава еврейской мафии и постоянный герой газетных заголовков. На нем больше обвинений, чем я могу сосчитать, и, по слухам, Ротштейн причастен к скандалу с подкупом «Чикаго Уайт Сокс» во время чемпионата по бейсболу 1919 года.

— Арнольд Ротштейн твой дядя? — пишу я.

Синтия передергивает плечами:

— Ох, только не говори, что не одобряешь. Вот так всегда! Стоит мне с кем-нибудь подружиться, как тут же всплывает информация о моей семье — и бац! — все кончено. Родственники Джека со мной даже не общаются.

Ее глаза наполняются слезами, и я, потянувшись, беру ее за руку:

— Конечно же, нет! Я — последняя, кто стал бы осуждать другого. Просто удивилась, вот и все.

— Уверена? — всхлипывает Синтия.

— Абсолютно. — Я с любопытством наблюдаю, как она вытирает глаза. — Сколько тебе лет?

— В июле исполнилось двадцать.

Это многое объясняет.

Она предлагает мне сигарету, но я качаю головой. Синтия прикуривает, затягивается и окидывает меня внимательным взглядом:

— Так почему твое лицо выглядит словно после боксерского поединка с Джеком Демпси?

Я смущенно прикасаюсь к щеке.

— Нет-нет, ты отлично все скрыла, — уверяет Синтия. — Я просто умею замечать такие вещи.

Кто бы сомневался.

Официантка прерывает нас вопросом, желаем ли мы сделать заказ или же будем дожидаться гостя. Синтия смотрит на часы:

— Давай поедим, да? Я голодна.

Мы заказываем, и, как только официантка уходит, я рассказываю о случившемся. Огромные голубые глаза Синтии становятся еще больше.

— Не верится, что ты сбежала! Я бы перепугалась до смерти!

Я вздрагиваю, вспомнив свой кошмарный марафон по улицам.

— Я испугалась. А теперь осталась только злость.

Синтия кивает:

— Понимаю. Хочешь, я попрошу дядю Арни помочь с этим? Он не откажется. Ты ему нравишься.

— Мы только познакомились!

— Ему нравится твой отец, а это много значит. И дядя не шутил, говоря, что в курсе всего происходящего в Нью-Йорке. Держу пари, он найдет того, кто это сделал.

Пока на стол выставляют еду, я обдумываю предложение Синтии. Конечно, будет здорово отыскать виновного. Но с другой стороны, что с ним сделает «душка» дядя Арни, когда найдет? И хочу ли я нести за это ответственность?

— Дамы, примите мои глубочайшие извинения за опоздание, — врывается в мои мысли голос доктора Беннета. — Я столкнулся с коллегой и уговорил ее присоединиться к нам. Надеюсь, вы не против.

Я улыбаюсь, радуясь возможности отвлечься.

Сняв пальто, доктор поворачивается, чтобы вывести вперед свою спутницу. И когда я вижу, кто это, внутри все застывает.

Следующие несколько секунд проходят словно в замедленной съемке, каждое мое чувство обостряется. С наклеенной улыбкой и подрагивающей щекой миссис Линдсей кивает Синтии. Затем переводит взгляд на меня, и я понимаю, что, несмотря на чистое пальто, под ним все то же потрепанное платье, в котором эта безумная на меня напала. Наши глаза встречаются, и мне хочется бежать, но я будто примерзаю к стулу, даже когда губы миссис Линдсей складываются в идеальную «О».

И тут раздается крик. Я наконец вскакиваю, опрокинув стул. Поначалу слов не разобрать — это просто нечеловеческий душераздирающий вопль. Миссис Линдсей стискивает кулаки, и я хватаю сумочку и отпрыгиваю назад, налетев на мужчину, обедающего за соседним столиком. Весь ресторан буквально замирает, пока вокруг разливается этот ужасный звук.

И тогда из общей какофонии вырывается слово.

— Ведьма! — кричит миссис Линдсей. — Ве-е-е-е-едьма!

— Боже, женщина! — Доктор Беннет удерживает сумасшедшую за руку, едва она делает выпад в мою сторону.

Хорошо. Потому что нож уже переключался из сумочки в мою ладонь.

Синтия хватается за пальто и вытаскивает меня из ресторана, оставив Беннета самого разбираться со своей по-прежнему воющей спутницей. Через секунду я уже в машине, а двери закрыты и заперты.

— Увези нас отсюда поскорее, Эл, — говорит Синтия водителю, а затем поворачивается ко мне. — И что это было? Мне нельзя ввязываться в скандалы. Семьи, моя и мужа, меня прикончат — правда, по разным причинам. Эта ведь женщина с последнего сеанса, на который я приходила?

Я киваю, стуча зубами.

Синтия протягивает мне мое пальто и ждет, пока я оденусь.

— Что с ней такое?

Я трясую головой:

— Думаю, она сумасшедшая. — И рассказываю о том, как миссис Линдсей набросилась на меня в парке.

— Хочешь сказать, за неделю на тебя уже дважды нападали? Тебе стоит носить пистолет.

В ответ я достаю нож. Его лезвие мерцает, отражая огни Бродвея.

— С этим мне привычнее.

Мгновение Синтия просто таращит глаза и вдруг смеется:

— Ты носишь заточку? — Она вытаскивает из кармана своего пальто маленький пистолет.

Мы молча смотрим друг на друга, пока автомобиль прорывается сквозь поток. А потом начинаем хохотать — одновременно с облегчением и некоторой долей истерики.

Похоже, я наконец-то нашла подругу.

* * *

Следующим утром я решаю поспать подольше, позволив матери самой приготовить себе завтрак. После ночных неприятностей я все равно не очень голодна. Мама и Жак куда-то уходили, но теперь вернулись и тихо беседуют в гостиной.

Мы с Синтией никому не стали говорить о срыве миссис Линдсей в ресторане.

— Дядя в любом случае об этом услышит, — заявила подруга. — «Линди» — практически его офис. Но я не хочу, чтобы слухи долетели до Джека или его семьи.

Я согласна. Тоже не хочу, чтобы мама узнала.

Уже одевшись, я меряю шагами комнату. Миссис Линдсей безумна. Почему мы продолжаем сталкиваться? Причастна ли она к моему похищению?

Нужно выяснить больше о том видении. Уверена, это ключ ко всему.

Я вздрагиваю. Завтра Оуэн ведет меня в Метрополитен-музей, но вчерашнее фиаско все омрачает. Завтра будет весело, потому что с Оуэном всегда весело. Он знает, как хорошо провести время. Я зло втыкаю шпильку в свою черную шляпку, пытаюсь удержать ее на месте. Вот Коул совсем не весельчак, он, скорее... Замечательный. Коул просто замечательный.

А я своим поступком подвергла его опасности.

Я невольно смотрю на ящик, в котором спрятала письмо. Прежде мне не давали его прочесть чувство вины и замешательство, но вдруг там что-то, что я должна знать? Закусив губу, я бросаю взгляд на дверь и вытаскиваю конверт.

Я не ошиблась — крупный, витиеватый подчёрк определенно принадлежит девушке.

«Дорогой К.

Надеюсь, это послание застанет тебя в добром здравии и безопасности — с особым акцентом на безопасность. (Подробнее об этом позже). Во-первых, боюсь, что Общество трещит по швам. Или начнет трещать, как только пройдет голосование. Кое-кто из наших отныне не поддерживают политику закрытого клуба, не говоря уже о том, чтобы принимать в правление женщин! Сторонников у нас много, но и врагов тоже — даже несмотря на то, что их предводитель пропал. Потому-то я пишу: наши связные оказались правы. Мы верим, что сейчас он в Штатах. Одна из его экстрасенсов была найдена в лечебнице в графстве Суррей. Она совсем помешалась от всех этих экспериментов, и я сомневаюсь, сможем ли мы ей помочь. Нас уверяют, будто бедная девочка всегда была неуравновешенной. Как же меня это злит! В любом случае я уверена, что наш «друг» не

станет пытаться связаться с тобой напрямую — не после той трепки, что ты задал ему в прошлый раз, — но он вполне способен нанять кого-то, дабы переманить тебя на свою сторону. Что заставляет меня задать следующий вопрос: как хорошо ты знаешь девушку, о которой все время пишешь? Очень странно, что не сама медиум, а ее дочь оказалась подобна нам. И странно, что такой серьезный юноша, как ты, так пишет о девушке! А если без шуток... ты ей доверяешь? Я бы посоветовала тебе быть осторожным, но ты и без того всегда начеку.

Прошу, береги себя.

Г. передает привет.

Л.»

Я убираю письмо в конверт, и сердце болезненно сжимается. Если Коул и доверял мне, то сейчас, безусловно, перестал. Неужели он думает, будто я украла письмо, чтобы отдать его врагу — кем бы он ни был? И почему Коул не уезжает, если здесь ему угрожает опасность? Что все это значит, и что об этом известно доктору Беннету? Почему на самом деле он покинул Общество? Как всегда, у меня больше вопросов, чем ответов.

— Ты правда нормально себя чувствуешь? Выступить сможешь? — спрашивает Жак, когда мы готовимся к выходу на сцену. На лице его отражается тревога — даже усы выглядят несколько нервными.

Я посылаю к нему серебряную ленту, как учил Коул, но в итоге ничего. Несмотря на уроки по управлению даром, эмоции Жака все еще недоступны.

— Да, дорогая, ты точно в порядке? Оуэн сидит в зале, в первом ряду. Уверена, он не откажется заменить тебя еще разок.

Я фыркаю. Истинные мотивы моей матери видны невооруженным глазом — безо всяких способностей.

— Оуэн не так талантлив и опытен, как Анна, — возражает Жак. — Публика ждет именно ее. Нельзя их снова разочаровывать.

Не знаю, кто удивлен сильнее — я или мадам. Судя по выражению лица, скорее она. Однако импресарио этого не замечает и уходит, пожелав нам удачи.

— Ты действительно мечтаешь именно о такой жизни? — вдруг спрашивает мама.

Я отворачиваюсь от зеркала, перед которым пыталась скрыть свои выцветающие синяки.

— Ты о чем?

Она слегка улыбается:

— Ты почти взрослая. Вряд ли я когда-нибудь задумывалась о том, что ты можешь захотеть для себя чего-то другого. — Мама встает и, глядя в зеркало, приглаживает и без того гладкие волосы. — Теперь, когда наше положение улучшилось, ты, возможно, пожелаешь уйти из шоу, выйти замуж, родить детей. Жить более нормальной жизнью.

Мое сердце сжимается. Мама никогда не перестанет меня удивлять. Но искренна ли она? Или просто пытается вытурить меня из шоу? Я отправляю к ней нить, но та вздрагивает и исчезает, не достигнув цели. Наверное, все запутали мои собственные эмоции, или же я просто не хочу знать, что чувствует мама.

В дверь стучат — пора начинать, — и я следую за мадам на сцену. Стою за кулисами, и от волнения сердце бешено стучит. Неважно, насколько все плохо, насколько сложна моя жизнь, выступление — это всегда радость.

Может, из-за того, что нас с матерью переполняют эмоции, может, просто звезды так легли, но все проходит отлично.

Стоять перед зрителями, слышать их вздохи и смех так приятно. Но на протяжении всего выступления в голове вертится мамин вопрос. Хочу ли я остепениться? Стать респектабельной? Или хочу вот такой жизни?

«А почему нельзя иметь и то, и другое?» — шепчет тоненький внутренний голос.

Почему я не могу быть и женой, и иллюзионистом? Растить ребенка и выступать? Мама так и делала. Но, опять же, она не лучший пример для подражания.

Ближе к концу шоу меня охватывает ощущение дежавю. Покалывание в животе переползает в грудь, и я пропускаю реплику, когда ноздри заполняет запах жженого сахара. Дыхание учащается, я глупо улыбаюсь. Болезненная красная вспышка перед глазами — и вскоре зрители, сцена и даже моя мать исчезают. Я погружаюсь в темноту видения. Мама. Связанная, с кляпом во рту. На лице синяки, в глазах вызов и страх. Но не за себя. Она

боится за меня. Я чувствую ее всеобъемлющее отчаяние, будто свое собственное. В кадре появляется темная неповоротливая фигура, и по моей спине пробегает озноб.

Он идет за мной.

Впервые я стараюсь наблюдать за всем, будто сижу в кино, чтобы отделить разум от ужаса, поглотившего тело. Смотрю на движущийся ко мне силуэт, отчаянно пытаюсь разглядеть, кто это. Кто меня преследует? Кто держит в плену маму? Но картинка меняется — я под водой, легкие горят огнем. К горлу подступает тошнота, мир вращается, словно волчок.

Зрение возвращается, и на секунду я вижу зрителей, которые с недоумением взирают на зовущую меня мадам. Но затем комната начинает вертеться все быстрее и быстрее, и, прежде чем все погружается во тьму, последнее, что я слышу, — как мама выкрикивает мое имя.

Прихожу в себя на диване в гримерке. Надо мной склоняется незнакомец с большими рыжими усами. Я сдавленно вскрикиваю и отталкиваю его.

Мама спешит ко мне:

— Все хорошо, дорогая. Это доктор.

— Я только проверю ваши зрачки. Яркий свет, — предупреждает мужчина, прежде чем осветить мне в глаза. — Еще раз.

Я моргаю, и он легонько прижимает руку к моей шее.

— Как себя чувствуете?

Я прислушиваюсь к себе. Синяки со времен похищения еще болят, но ничего нового.

— Прекрасно.

— Сесть можете?

Я киваю, доктор подкладывает руку мне под спину и помогает приподняться. Мама протягивает стакан воды. Я делаю осторожный глоток, помня о накотившей перед обмороком тошноте.

— И что там такое произошло? — допытывается мама. — Все было хорошо, и вдруг ты перестала отвечать.

Я закрываю глаза, слишком расстроенная и подавленная, чтобы придумывать оправдания. Слишком рассеянная, чтобы мыслить связно.

— Вот это и произошло, — говорю и пытаюсь выбросить видение из головы, но оно проигрывается снова и снова. Что оно значит?

— У нее, видимо, запоздалая реакция на случившееся в тот раз, — раздается голос Оуэна из другого угла гримерной. — Готов поспорить, она просто утомилась.

Я неловко ерзаю. Что он здесь делает?

Доктор закрывает свою черную сумку:

— Думаю, весьма уместно предположить утомление. Сколько у вас выступлений в неделю?

— Четыре, — отвечает мама. — Я так и знала, что не стоит ей сегодня выходить. Она должна просто отдыхать.

Я опускаю глаза, чтобы не смотреть на нее. Она кажется искренней, по-матерински заботливой, вот только забыла упомянуть, что не возражала, когда утром я убиралась в квартире и готовила ей чай.

— Вы можете сократить их до двух? — уточняет доктор.

Мама поворачивается к Жаку, и тот качает головой:

— Нет. У нас контракт на четыре шоу в неделю, со среды по субботу. Боюсь, мы его потеряем, если урежемся.

Доктор хмурится, отчего его усы обвисают еще больше:

— Думаю, юной леди следует какое-то время выступать лишь дважды в неделю. Ей необходимо отдохнуть. После серьезной травмы нужно больше, чем несколько дней, чтобы восстановить силы. — Он склоняет голову — такой насупленный, что похож на грустного моржа. — Она молода. И наверняка сможет вернуться к нынешнему графику за пару недель.

После его ухода повисает оглушительная тишина.

У мамы на лбу и вокруг рта залегают морщины. Хочется заверить ее, что я в порядке и такого больше не случится. Но откуда мне знать, если я понятия не имею, как остановить видения? Представлять несуществующие ножницы, разрезающие ленту? Здесь это не работает. Жаль, я не спросила совета у Коула.

— Я заменю ее, если хотите. Нельзя нагружать Анну, вдруг ей станет хуже. — Оуэн смотрит на меня с сочувствием.

Я отвечаю свирепым взглядом. А ему какое дело? Знаю, это несправедливо, он ведь так мил со мной... Я скрещиваю руки на груди и отвожу глаза.

Жак хмурится, мама подбадривающее поглаживает его по плечу:

— Это всего лишь две ночи в неделю в течение четырнадцати дней. Итого — четыре выступления. В конце концов, это же почти ничего не меняет?

— Надеюсь, нет. Я поговорю с распорядителем.

— Отлично! — Мама сияет, как будто все просто прекрасно.

Ну конечно. Она же добилась своего. Я расстроено отворачиваюсь к стене.

— Замечательно! Вот и определились. И моя бедная девочка получит необходимый отдых.

— Не поймите меня неправильно, — нерешительно начинает Жак. Я поворачиваюсь, и он, сдвинув брови, глядит на Оуэна: — Но твои фокусы не такие сложные, как у Анны. Боюсь, зрители заскучают.

Я изумленно округляю глаза. Очень лестно, что Жак такого высокого мнения о моих талантах.

— Не проблема, — отмахивается мама. — Анна может научить его своим трюкам.

Внутри все сжимается. Моим трюкам? Вот уж нет. Оуэн, должно быть, видит выражение моего лица, потому что торопится успокоить:

— Нет, я не трону твои номера, просто доработаю собственные. Обещаю, дядя, никто не заскучает.

Я пробую разобрать эмоции Оуэна, но сегодня они такие же путанные, как у Жака. Устав от всех, я откидываюсь на диван и закрываю глаза. Все это неважно, если мои видения сбудутся, и нам с мамой грозит плен и смерть от рук безумца. Но вдруг доктор прав? Наверное, я просто истощена, и это сказывается на видениях.

— Мы могли бы сократить шоу, — задумчиво произносит Жак. — Но Анна прославилась своими фокусами.

— Но ведь все приходят увидеть меня, — быстро вставляет мама. — И она по-прежнему будет выступать дважды в неделю.

— Тогда решено.

Я пытаюсь отгородиться от них и сосредоточиться на видении, однако водоворот чужих

эмоций слишком силен. Необходимость посоветоваться с Коулом граничит с физической болью. Вдруг он поможет мне выяснить смысл этих пророчеств. Я обязана заставить его поговорить со мной.

* * *

На следующий день я чувствую себя усталой и измученной, но все же решаю пойти на прогулку с Оуэном. С нетерпением жду с ним встречи. Мне важно знать: те ощущения во время танца — это начало чего-то настоящего или просто иллюзия, навеянная огнями, музыкой и волнением. Прошлым вечером Оуэн, конечно, раздражал меня до ужаса, но вчера меня все раздражали. Вот, что получается, когда на тебя накатывают видения о страданиях собственной матери.

Оуэн веселый и милый, и все так просто, когда я с ним. Разве не именно такой должна быть любовь? Я беру пальто и спешу по коридору.

— Выглядишь, как королева осени! — восхищается Оуэн, имея в виду мое шерстяное платье цвета жженой умбры.

Я закатываю глаза, и он усмехается.

— Не уверен, что прогулка так скоро после обморока — хорошая идея, — волнуется Жак. — Не задерживайтесь слишком долго.

Я вскидываю бровь. Я все еще не выяснила, что он тут делал в тот день, когда я видела его выбегающим из нашего дома, но теперь в присутствии импресарио чувствую себя гораздо спокойнее.

— Просто не хочу, чтобы ты переутомилась, — объясняет он. — Завтра выступление.

— Ты хуже старухи, — протягивает развалившаяся на диване мама.

Жак краснеет и бросает на нее неодобрительный взгляд.

— Нам пора, — говорю я Оуэну, не желая слушать дальнейшую перепалку.

В последние дни напряжение между мамой и Жаком стало невыносимым. Нравится мне это или нет, но он хорошо способствует нашему успеху. А мама, как всегда, все хорошее портит.

Мы спускаемся вниз, и тут из своей квартиры выходит Коул. Я с трудом сглатываю, когда он отступает, освобождая нам дорогу.

— День добрый, дружище. — Оуэн приподнимает шляпу.

Коул отвечает тем же, однако глаза его направлены на меня. Я посылаю нить, как он меня учил, и успеваю уловить беспокойство, прежде чем сосед отгораживается щитом. Хотя даже после этого я все еще чувствую сильные волны чужих эмоций. Поначалу это сплошная мешанина, но вот одна эмоция вырывается вперед, чтобы тут же исчезнуть в общем потоке. Это... ликование?

Оуэн ведет меня вниз по ступенькам. За спиной я слышу шаги Коула и, не в силах сдержаться, оглядываюсь. Хочу предупредить его, чтобы был осторожен, но он отворачивается и уходит в противоположном направлении.

Оуэн протягивает руку, и я вкладываю свою ладонь в его.

— Этот англичанин нагоняет тоску.

В груди все сжимается, когда я вспоминаю смех Коула.

— Нет, он просто спокойный. А на самом деле весьма мил.

— Как скажешь, куколка. Поверю на слово. Но меня от него в дрожь бросает.

На меня накатывает раздражение.

— Я тебе не куколка.

Оуэн слегка сжимает мою руку:

— Прости, привычка.

Затем смотрит на меня своими голубыми глазами, я замечаю в них раскаяние и пожимаю его ладонь в ответ. Когда же останавливаюсь, чтобы завязать шарф, позади раздается голос:

— Анна.

Я оборачиваюсь и вижу, что к нам идет доктор Беннет. Тело охватывает напряжение, Оуэн рядом со мной вздрагивает. Что Беннет делает здесь, возле моего дома?

Взяв мою руку, он склоняет голову.

— Надеюсь, вы не возражаете, — говорит, и его серые глаза так искренни, — я позвонил Синтии, чтобы узнать, где вы живете. Хотел лично извиниться за вчерашнее поведение миссис Линдсей. Я понятия не имел, что она настолько неуравновешенна, иначе ни за что бы не привел ее на встречу с вами.

Желудок сжимается, стоит вспомнить ее безумный взгляд...

— Откуда вы могли знать? У меня уже не в первый раз возникают с ней проблемы.

— Я так и понял. Она все говорила какую — то ерунду, мол, вы с матушкой лишили ее клиентов. И еще что-то о... крысе?

Я вздрагиваю. Значит, миссис Линдсей уже давно нас преследует. Не в силах говорить, просто киваю.

Доктор похлопывает меня по руке:

— Что ж, теперь можете не волноваться, дорогая. Вчера ее забрали полисмены, и, если не ошибаюсь, вскоре отправят в клинику Уилларда для умалишенных на севере штата.

Я осторожно вздыхаю с облегчением. Осталось еще слишком много вопросов, чтобы удовлетвориться тем, что именно миссис Линдсей ответственна за мое похищение и хотела навредить маме. Однако как же хорошо, что отныне о ней можно не беспокоиться!

Я от всей души улыбаюсь доктору Беннету:

— Спасибо огромное, что пришли и сообщили.

Он склоняет голову и косится на Оуэна, который все это время молчал.

— Прошу прощения, грубо с моей стороны... Доктор Беннет, это мой друг — Оуэн Винчестер. Оуэн, это доктор Финнеас Беннет, он читает лекции в Новой Церкви.

Они пожимают друг другу руки, и я молю, чтобы доктор не заговорил о моих способностях.

— Вы ведь куда-то направлялись. Не буду вас задерживать, просто хотел поделиться новостями. — Он снова кивает и уходит по той же улице, откуда пришел.

Мгновение я смотрю ему вслед; желудок беспокойно сжимается. Неужели мы с мамой только что избежали опасности?

Все ведь закончится с исчезновением миссис Линдсей?

— Ты не рассказывала мне о миссис Линдсей, — говорит Оуэн.

Мы останавливаемся, прежде чем перейти дорогу, затемдвигаемся к парку.

— Да. Слишком много всего произошло, у меня вылетело из головы. К счастью, теперь все кончено.

Не хочу это обсуждать. Облегчение от полученной отсрочки еще слишком ново, чтобы им делиться.

День холодный и пасмурный, что почему-то кажется весьма уместным; листья с

деревьев почти опали, парк выглядит одиноким и наводит тоску. Мы медленно бредем по тропинке, и я замечаю, что даже Кротонская дамба кажется печальной. Уже есть проекты по ее замене, потому, наверное, она чувствует, что дни ее сочтены.

Оуэн улавливает мое настроение; прогулка наша становится унылой. Перед входом в музей он останавливается и достает фляжку:

— Ты замерзла. Вот, выпей. Поможет согреться.

Я качаю головой, и Оуэн сам делает большой глоток.

— Как хочешь. Давай-ка зайдём, пока напрочь задницы не отморозили.

Перед нами простирается главный зал музея.

— Откуда хочешь начать? — Я беру карту.

— Без разницы. Мне больше нравится современность, так что выбирай сама.

— Тогда почему ты выбрал это место? — спрашиваю раздраженно.

— Потому что во время последней нашей прогулки тебя похитили. Я решил, что здесь хотя бы безопасно.

Я не могу сдержать смеха:

— Мы могли бы просто погулять по парку.

Оуэн поводит меня к скамейке у двери, и мы садимся.

— Но ведь на тебя напали именно в парке, разве нет?

Я дрожу, вспомнив обезумевшую миссис Линдсей, и гадаю, как Лизетт справится без своей мамы... Мне ее почти жаль.

— Да, но я знала нападавшую.

Оуэн обхватывает меня рукой и слегка сжимает:

— Не волнуйся, Анна. Я буду тебя охранять.

Его голос ласков, и я невольно прижимаюсь еще теснее. Нежным прикосновением пальцев Оуэн поворачивает мое лицо к себе и очерчивает линию подбородка, оставляя за собой теплый след. Дыхание перехватывает — так он красив, — и окружающие звуки отходят на задний план. На секунду мне кажется, что Оуэн сейчас меня поцелует. Прямо здесь, перед Богом, хранителями музея и людьми. Сердце бешено колотится, но тут эмоции Оуэна перетекают ко мне, и настроение улетучивается. Потому что это не нежность, любовь или даже страсть.

Это сожаление.

Я отстраняюсь. Момент испорчен.

Оуэн откашливается и продолжает беседу как ни в чем не бывало:

— Ты, кажется, настоящий магнит для неприятностей. Интересно, связано ли это как-то с твоим отцом?

Я пожимаю плечами, надеясь, что он поймет: о Гудини я говорить не хочу.

— Просто чудо, что ты стала фокусником, как и он. В детстве ты его часто видела?

Оуэн подается ко мне, глаза его блестят, и я отшатываюсь, чувствуя, как от разочарования сжимается горло. Сколько же глотков из фляжки он сделал, прежде чем зайти за мной?

— Вообще-то, нет.

— Наверное, это было очень тяжело. А когда перебралась в город? Вы встречались?

Я встаю:

— Знаешь, прогулка утомила меня сильнее, чем я предполагала. Кажется, я еще не совсем оправилась.

Оуэн не первый, кто, услышав сплетни, мол, я — дочь Гудини, начинает выпытывать у меня что-нибудь об отце. Просто жаль, что в моем происхождении он, похоже, заинтересован больше, чем во мне самой.

Или же я просто чересчур занята мыслями о Коуле, чтобы оценить компанию другого.

Прекрасные черты Оуэна омрачаются разочарованием, но вскоре его лицо проясняется.

— Что ж, ничего страшного. Если чувствуешь себя неважно, я могу подменить тебя в завтрашнем шоу. Твоя мама, кажется, считает, что у меня хорошо получается.

Держу пари, так и есть.

— Уверена, к выступлению я оклемаюсь, — отвечаю я твердо и быстро иду прочь, не обращая внимания на протянутую руку Оуэна.

* * *

Следующим утром я чувствую себя полностью оправившейся и с нетерпением жду возможности поговорить с Коулом. Мама трясется надо мной, не замечая моей угрюмости. Теперь-то, когда получила, что хотела, она может быть великодушной. Мне все равно. Годы пренебрежения меня закалили. К тому же, то, что я готова на все ради маминой защиты, не значит, будто мне не хочется свернуть ей шею.

Я листаю один из журналов мадам, надеясь, что вскоре она устанет от этой непривычной роли и сбежит с кем-нибудь на обед. Мое беспокойство о ней немного поутихло, раз вопрос с миссис Линдсей решился. С момента ее устранения у меня не было ни одного видения. Я слышу, как мама ходит по спальням, изредка комментируя то одно, то другое, но не обращаю на нее внимания.

Внезапно в меня врзается чужой гнев. Обернувшись, я вижу в дверях маму с книгой в руке — губы поджаты, в глазах искрится ярость.

— Что это такое?

По телу проходит мощная волна, и я выпрямляюсь:

— Что?

Мадам без слов протягивает книгу. «Фокусник среди духов».

Я сглатываю и молчу. А что тут скажешь?

— Ты с ним виделась?

Ее тон кажется почти нормальным, обиденным. Но только если вы всю жизнь не изучали нюансы и оттенки этого голоса. Иначе сразу понятно, сколько вложено в сей вопрос.

С трудом заставляю себя встретить взгляд мадам и чуть наклоняю голову. Мама подходит — я встаю. Кэм Ли однажды сказал, что никогда не стоит встречать противника сидя, и помоги мне господь, но сейчас я чувствую, будто собираюсь сражаться. С собственной матерью.

Она открывает книгу. Я жду.

— Анне. С наилучшими пожеланиями. Гарри Гудини. — Слова капают, словно карамель с мышьяком.

Семена гнева, которые я носила внутри, наконец дают ростки. Корни зарываются в почву, что вспахивалась и удобрялась более десяти лет. А затем все это стремительно рвется вверх, расцветая в моей груди.

Я жду. Дыхание спокойное и размеренное. Нельзя позволить матери понять, что мое сердце стучит как безумное, а кожа липкая от страха. Нельзя проявить ни единого признака

слабости.

— Да как ты посмела.

Слова скользят по коже, словно тихое дыхание змеи, готовой нанести удар. Лицо мое по-прежнему спокойно, лишь с тонкой ноткой презрения — чуть расширенные глаза и вскинутая бровь.

Фактически, я одолжила одну из личин моей матери.

— Как ты посмела, — повторяет она, на сей раз громче.

Я стараюсь удержать маску, но она трескается и в конце концов разлетается на осколки. Секунду я смотрю в пол, не в силах встретиться с мамой взглядом, но гнев рвется наружу, и я поднимаю глаза.

— Как я посмела что? — спрашиваю, с трудом сдерживая ярость. — Пойти к отцу? А почему мне нельзя?

Мамин взгляд на мгновение омрачается, но тут же вновь становится жестким.

— Ты знаешь, почему. Он может нас уничтожить.

— Уничтожить нас? Или разоблачить тебя?

Никакой реакции. Я облизываю губы:

— Гарри Гудини действительно мой отец?

Едва эти слова вырываются, я мечтаю забрать их назад. Не могу позволить себе узнать ответ на этот вопрос.

Мама отводит глаза, затем вновь смотрит на меня:

— Конечно.

Я хочу ей верить. Хочу верить, что она не стала бы всю жизнь пичкать свою единственную дочь заведомой ложью ради некой сомнительной славы.

Но так оно и есть.

Я осторожно кладу журнал, который все это время сжимала в руке.

— Ты даже не знаешь цвет его глаз, — шепчу.

Затем молча беру из шкафа пальто и выхожу за дверь, оставив мать наедине с ее чудовищной ложью.

Я смотрю на четырехэтажный дом. В лицо дует ледяной ветер. Шляпку на голове не удержать, так что сую ее в карман. Она уже не будет прежней.

Но, в общем-то, и я изменилась безвозвратно.

Уходя из квартиры, я понятия не имела, что окажусь перед домом Гудини. В кармане пальто все еще лежит визитка, которую он дал мне в магазине магии, но мне она не нужна — адрес я и так запомнила. Внутри никого. Может, Гудини уехал на гастроли?

Я оставила мать, во всех смыслах, и вот стою перед домом отца. Но в действительности он так же далек от меня, как мадам.

Кажется, я хотела с ним поговорить, но сейчас перед этим четырехэтажным выстроенным из песчаника особняком, мой план сходит на нет. Насколько мне известно, мама не сообщила Гудини о дочери.

Дыхание перехватывает, когда в глубине души я осознаю правду.

Будь я на самом деле дочерью Гудини, мама перевернула бы небо и землю, чтобы ему рассказать. Она всегда дает ход слухам о моем родстве с известным иллюзионистом, куда бы мы ни приезжали, поэтому не стала бы отказываться от финансовых и социальных благ, которые мог бы предоставить мой предполагаемый отец.

Я помню милое живое личико его супруги. Она и в подметки не годится моей матери. Не думаю, что она прятала письма от мужа. А вместе с тем, что мать даже не знает, какого цвета у Гудини глаза, правда очевидна.

Горло сжимается. Я никогда не признавала, как мне хочется, чтобы он был моим отцом, пока не поняла, что он им не является.

Я отворачиваюсь от дома и утираю слезы, пока они не полились. Если не дочь Гудини, то кто же я такая?

Я поспешно дохожу до Центрального парка, унылого и пустого. Немногие решились выйти на кусачий ноябрьский ветер. До дома далековато, но не хочется садиться в трамвай.

Да и домой не хочется, ведь там мама.

— Анна?

Я вздрагиваю, а повернувшись, вижу Гудини под руку с супругой. Оба одеты по погоде в толстые шерстяные пальто, шарфы и перчатки. Щеки женщины порозовели от холода, и она изучает меня с дружеским любопытством.

Гудини знакомит меня с женой:

— Бесс, это Анна. Она тоже иллюзионист. Анна, моя жена Бесс.

Если он и удивился нашей встрече, то виду не подает. Яжимаю протянутую руку Бесс. От нее веет простым и легким довольством.

— Рада с вами познакомиться.

Жена Гудини улыбается во весь рот:

— Мужчины глупцы, не умеют толком знакомить. Милочка, а как ваша фамилия?

Я гляжу по сторонам. Если назову Гудини свою фамилию, насколько быстро он меня найдет? Начнет с меня, потом доберется до мамы, явится на сеансы и все разрушит.

Но разве еще осталось, что разрушать?

Пусть мама и лгунья, но я-то — нет. Внутри просыпается бесенок.

— Ван Хаусен, Анна Ван Хаусен, — улыбаюсь я.

Супруга Гудини хмурит лоб:

— Звучит знакомо. Вы не из филладельфийских Ван Хаусенов?

Я качаю головой, а бесенок меня подначивает.

— Нет, вообще-то, эту фамилию мама взяла после переезда сюда из Европы. — Я улыбаюсь Бесс, но не свожу глаз с ее мужа. — Ее настоящее имя Моше. Мэгали Моше.

На долю секунды глаза иллюзиониста округляются, а губы и челюсти напрягаются, лишь затем превращаясь в любезную улыбку.

Мое сердце колотится, кончики пальцев теряют чувствительность. Гудини знакомо имя моей матери. В итоге меня словно пронзает стрелой. Если так, возможно, она не лгала о том, что они знакомы. Может, рассказала лишь часть правды, и в таком случае...

От одной только мысли кружится голова.

— Нет, это имя мне ничего не говорит, — продолжает Бесс, не замечая моего состояния, — а вот Ван Хаусен...

Гудини берет супругу за руку:

— Дорогая, нам пора домой, на улице слишком похолодало.

— Я только оправилась от простуды, — поясняет она. — Гарри слишком суетится.

— Анна, вам тоже лучше пойти домой. Темнеет, а по ночам парк не самое безопасное место для молоденьких девушек.

Он ведет себе спокойно, но я чувствую его тревогу — она трепещет и трещит, точно флаг на ветру.

— Рада с вами познакомиться, — кричит Бесс, когда муж уводит ее прочь.

Я обхватываю себя руками, хотя ногам все равно холодно. Откуда Гудини узнал имя моей матери? Неужели она не солгала? Прижимаю ладони к глазам, пытаюсь успокоить суматошные мысли. Не знаю, сколько я так стою, но постепенно понимаю, что Гудини прав: темнеет, и мне небезопасно бродить одной, пусть даже миссис Линдсей больше не представляет угрозы.

Я сажусь в полупустой трамвай и вскоре уже нахожусь перед собственным домом. И задерживаюсь снаружи, несмотря на то, что замерзла. Встречаться с матерью не хочется.

Наконец я поднимаюсь по лестнице — как раз, когда из квартиры выходит Жак.

— Анна! Твоя мать так переволновалась. Ты же знаешь, что врач наказал тебе отдыхать. И небезопасно гулять одной, — неодобрительно отчитывает меня импресарио.

— Я в порядке.

Он качает головой:

— А твоя мать считает иначе.

Я поднимаю на него взгляд, и душа уходит в пятки.

— О чем вы?

— Она сказала, что ей не нравится, как медленно ты поправляешься. По-моему, двенадцать недель отдыха перебор, но она очень беспокоится.

Я застываю второй раз за день:

— Двенадцать недель?

Жак склоняет голову и странно смотрит на меня:

— Так считает твоя мать. Мне это совсем не по вкусу, совсем. Представление популярно во многом благодаря тебе, и я не уверен, что Оуэн справится.

Я сглатываю гнев:

— Мама слишком мнительна. Я буду выступать всего дважды в неделю, как советовал

врач, и обещаю, что зайду к нему, прежде чем вернуться к прежнему ритму. Я в порядке. — Я принимаю расслабленную позу и пытаюсь выглядеть здоровой и искренней, насколько это возможно.

Жак морщит лоб, пока его профессиональные инстинкты борются с той частью, что хочет угодить моей матери. Деловая половина одерживает верх, и он кивает:

— Как скажешь.

Затем проходит мимо меня, и я тяну его за рукав пальто:

— Я хочу также попробовать новый трюк. Только не говорите маме, я намерена удивить ее на репетиции. Это произведет настоящий фурор.

— Превосходно. Жду с нетерпением. Я не раз думал, что ты могла бы расширить магическую часть вашего представления, но, по словам твоей мамы, тебя это не интересует.

Я стискиваю зубы, однако умудряюсь выдавить вслед Жаку приятную улыбку. Если мама рассчитывает так просто от меня избавиться, то ошибается.

* * *

— Нам надо поговорить.

— Ты повторяешься.

Коул пристально смотрит на меня черными глазами. В них нет гнева, но и особого дружелюбия тоже. Мистер Дарби, поспешно проводив меня в квартиру, тут же удалился. И вот я стою посреди гостиной, сцепив руки перед собой, и нервничаю сильнее, чем перед выступлением.

— Я прочла письмо.

Коул склоняет голову в ожидании. Он не собирается облегчать мне задачу, но ведь я этого и не ожидала.

— Не знаю, что происходит, — продолжаю я, — и даже не уверена, что это мое дело. Просто хотела снова извиниться. Я взяла то письмо... — Я с трудом сглатываю, так как горло перехватывает от наливающихся слез. — В общем, это связано только со мной.

Коул не сводит с меня глаз и молчит. Я знаю, что должна пояснить, зачем вообще залезла к нему в карман. Но как это сделать, чтобы не показаться неопытной и неуклюжей? Как сказать, что я не могла дышать, думать и шевелиться из-за его близости? Я краснею и продолжаю:

— Я залезла в твой карман, потому что никогда не испытывала ничего подобного ощущениям в вагоне тем утром. Я имею в виду... мои чувства к тебе.

Я смущенно смотрю на потрепанный серый ковер. Объяснение так себе, но на лучшее я не способна.

— И что же ты чувствовала?

Я поднимаю взгляд на Коула и вздыхаю. Вот, вот они, те же чувства, что и тогда: я хочу его поцеловать больше всего на свете.

Меня захлестывает волна смущения, я падаю в ближайшее кресло и закрываю лицо ладонями:

— Я знала, что ты об этом спросишь! Понятия не имею!

После долгого молчания Коул тихо отвечает:

— И я тоже.

Я опускаю руки и внимательно смотрю на него. Выражение лица такое спокойное, глаза — ледяные. Что это значит? Коул не знает, что чувствую я или он сам?

— Анна, я никогда не думал, что ты украла письмо, потому что имеешь отношение к проблемам у нас в Обществе. Я просто хотел знать, зачем ты это сделала. — Коул прокашливается. — Я так этого и не понял, но принимаю твои извинения.

— Спасибо, — просто говорю я.

Повисает неловкое молчание, а потом Коул встает и идет к двери.

Встреча окончена.

Я следую за ним, но останавливаюсь, не в силах больше сдерживаться:

— Скажи мне только: ты в опасности?

Коул пожимает плечом:

— Может, да, а может, и нет. Ты была права в одном.

— И только? — Жалкая попытка пошутить, но в глазах Коула нет ответного веселья.

— Это и правда не твое дело.

Я поеживаюсь от холодности его тона. Коул открывает дверь, и я выхожу. Он не предлагает проводить меня наверх, и сердце ноет. Жаль, что нельзя повернуть время вспять.

Я оборачиваюсь:

— Если ты в опасности, то почему просто не вернулся в Англию?

Коул смотрит на меня:

— Разве ты не знаешь?

И, не дав мне ответить, тихо закрывает дверь.

* * *

Я вышагиваю из угла в угол по театральному вестибюлю, чувствуя тяжесть в груди. Мистер Дарби пообещал доставить все необходимое для трюка за час до выступления. Я договорилась с матерью, что мы встретимся в театре, а потом ушла из квартиры, не вызвав подозрений, ведь всю неделю после ссоры мы почти не разговаривали. Мадам пыталась помешать мне сегодня выступить, но я стояла на своем, и в итоге она сдалась. Причем намного раньше, чем я ожидала. Значит, в ее рукаве припрятан какой-то туз. Я выкидываю эту идею из головы. Планы есть не только у мамы.

— Мисс Анна?

Кто-то касается моего плеча, и я вздрагиваю. Это всего лишь Барт, рабочий сцены, который поможет мне перенести реквизит. Я мысленно встряхиваюсь. Если не успокоюсь, ничего не выйдет.

Барт заговорщицки наклоняется ко мне и произносит внятными шепотом:

— Старик у черного хода.

Я едва не отшатываюсь от чесночного дыхания рабочего.

Затем осматриваюсь, немного опасаясь, что Жак где-то поблизости. Он был не рад моему сообщению, мол, реквизит доставят прямо перед представлением, но я намекнула, что мы с мадам уже отрепетировали новый трюк. Господи спаси, я становлюсь такой же умелой лгуньей, как мама.

Я следую за Бартом к ожидающему у черного хода мистеру Дарби.

— А мы успеем все установить?

— У меня все готово.

Я крепко обнимаю соседа:

— Вы будете в зале?

Его глаза блестят.

— Ну конечно! Ни за что не пропущу! — Он качает головой. — Я построил чертову шутовину и знаю, как она работает, но все равно не верю своим глазам.

— Вы истинный гений! Большое спасибо, — благодарю я и, немного помолчав, спрашиваю: — А Коул здесь?

Мистер Дарби пожимает мою руку:

— Конечно.

После моего пространного извинения Коул вел себя отстраненно и сдержанно. Мне ужасно хочется рассказать ему о видении, но никак не найду подходящее время. Интересно, наступит ли оно когда-нибудь? Но Коул пришел на представление. Возможно, это хороший знак.

Барт тащит стол вверх по лестнице, а потом терпеливо ждет, пока мистер Дарби прикрепляет к ножкам колесики. Реквизит просто идеальный, напоминает обычный стол. Когда его установят на нужное место, то накроют черным бархатом, и никто не увидит, что под ним.

Я облегченно вздыхаю, когда мы наконец поднимаемся на сцену. Мистер Дарби дает указания Барту и внимательно следит, чтобы все установили как надо.

— Который час? — спрашиваю я мистера Дарби.

Он вытаскивает карманные часы:

— Без четверти пять, мисси.

— Вы успеете все подготовить?

Изобретатель смотрит на тускло освещенную сцену:

— Я почти закончил.

— Отлично, я скоро вернусь.

Я бегу по коридору к боковой двери. Большинство театров — настоящие лабиринты комнат и коридоров, и этот не исключение. Я рассчитываю, что это позволит мне сохранить тайну, пока я сама не решу ее раскрыть.

От сомнений меня мутит. Весьма вероятно, что своей затеей я положу конец нашим с мамой отношениям. Она, может, и простит, что я втайне виделась с Гудини, но в жизни не смирится с тем, что я могу затмить ее на сцене.

Наверное, в этом и смысл? Видимо, я всегда знала, что этот день настанет. Тот самый, когда я раз и навсегда покажу мадам, что не принадлежу ей. Люблю ее и сделаю все, чтобы защитить — да. Но не позволю использовать меня, как клиентов. Если хочет общаться со мной, придется делать это на равных.

Сердцебиение ускоряется, когда я дохожу до двери. Мимо проскакивают танцовщицы, щебеча, словно яркие птички. Представление вскоре начнется.

— Господи, пожалуйста, пусть он придет, — тихонько молюсь я и тут замечаю объект своих мыслей в темном уголке. — Данте, — подзываю его жестом.

Мальчик приближается с широченной с улыбкой:

— Па наказал мне подождать и не помять одежду.

Данте в бархатных брючках до колена почти не походит на бродяжку, несколько недель назад раздававшего листовки. Я опасалась, что они с отцом сбегут с деньгами, выделенными мною на одежду, но все же рассчитывала на победу деловых качеств папаши. Шанс для сына стать постоянным ассистентом иллюзионистки намного лучше для будущего, чем десять долларов, которые я им дала в начале недели.

— Я впервые ездил в такой шикарной машине! — восклицает Данте.

Я смотрю на другую сторону. Синтия машет рукой и жестами показывает, что будет сегодня в зале. Я благодарно киваю в ответ, поворачиваюсь к Данте и завожу его в театр. Мы минуем оркестровую яму, в которой устраиваются музыканты, и идем к ожидающему за кулисами мистеру Дарби.

— Все готово.

Я обнимаю его:

— Большое вам спасибо.

— Рад помочь, мисси. — Он заговорщицки подмигивает Данте. Они сразу подружились, встретившись на репетиции номера.

Я встаю на колени, оказавшись лицом к лицу со своим новым помощником:

— Ты помнишь все, что мы делали вчера?

Дочиста отмытый Данте смотрит на меня широченными — под стать улыбке — глазами:

— Да, помню.

— Хорошо. Хочешь в туалет или выпить стакан воды?

Мальчик серьезно качает головой.

— Превосходно. — Я веду его за кулисы, где спрятан реквизит. — Тебе надо спрятаться под столом, пока не услышишь знак. Запомни, сначала выступит певец, потом танцовщицы, поэтому ждать придется долго.

Данте уверенно кивает:

— Не беспокойтесь, мисс, я знаю, что делать.

Я улыбаюсь, несмотря на нервозность. Он будто маленький старичок в теле семилетки. Я поднимаю черное покрывало, и он стремглав забирается под ткань.

Я протягиваю руку, и Данте пожимает ее.

— Удачи.

— Удачи.

Мне она понадобится.

* * *

В гримерке воздух аж звенит от напряжения. Мама сидит совершенно прямо перед зеркалом, делая вид, что поправляет идеальный макияж. Я поневоле меряю шагами комнату, мысленно перебирая все подробности нового трюка. Я рассчитываю, что мама ловко скроет свое удивление. Ей придется просто смотреть, как дочь выходит из тени на свет. Наконец настал мой черед.

Жаль только, я чувствую себя виноватой из-за того, что собираюсь сделать.

В дверь стучат — пора. Мадам поднимается, и мы молча выходим в коридор.

Тут она протягивает мне руку. Я гляжу на мамину ладонь, сжимаю ее, а в горле встает ком из-за этой нашей старой традиции.

— Мы готовы?

Я смотрю в холодные бесстрастные глаза. Желание заплакать снова сменяется болью и гневом.

— Насколько это вообще возможно, — отвечаю.

— Удивим их?

Глядя на маму, я чувствую, как губы расплываются в странной торжествующей улыбке, какую частенько можно увидеть на ее собственном лице.

— Ты себе даже не представляешь.

На сей раз, когда открывается занавес, я стою в свете прожекторов; пульс частит. Я не пропускаю ни одной реплики, ни одного жеста. Меня представляют, я выхожу вперед и жду, пока зрители успокоятся. Для верности медлю еще несколько мгновений. Я годами наблюдала, как мама удерживает внимание зала. Теперь моя очередь.

Сегодня на мне черное шелковое платье-рубашка, расшитое множеством белых жемчужин, мерцающих при ходьбе. Идеальный наряд для сказочного впечатления, которое я хочу произвести.

Я демонстрирую колоду карт, затем начинаю их тасовать. Карточные фокусы не считаются чем-то волшебным, если только не удивить зрителей, к примеру, исчезновением и появлением карт в разных местах. За подобными номерами интересно наблюдать — изящно раскрытые карты веером или сброс по дуге, — но в такой толпе мало что видно. Я немного преувеличиваю все свои движения, а из оркестровой ямы доносится тихая мелодия виолончели. Мне всегда хотелось добавить к представлению музыку, и теперь я попадаю в такт.

— Что такое магия? — громко спрашиваю у зрителей. Большую часть прошлой ночи я пыталась придумать, что сказать, ведь это выступление вроде как моя лебединая песня. — Я всю свою жизнь прожила среди магов и иллюзионистов, и всегда интересовалась истинной природой волшебства. Занимается ли им моя мать? Или Гарри Гудини? Существует ли магия на самом деле?

Я показываю залу восьмерку пик, затем поворачиваюсь к матери и демонстрирую карту ей.

— Или это обман?

Сжав карту зубами, встаю боком к залу. Веер в моей руке отвлекает внимание зрителей на долю секунды. Я провожу над ним другой рукой и вытаскиваю восьмерку пик с конца колоды. Никто не увидел, как я достала ее изо рта.

Зрители хлопают, я неглубоко кланяюсь и смотрю на мать. Она натянуто улыбается и ждет реплики, которую я не собираюсь произносить. Я дарю публике, мадам и всему миру ослепительную улыбку:

— Сегодня вам судить!

К виолончели присоединяется скрипка, и музыка усиливается. Данте выкатывает длинный стол точно так, как мы репетировали. Я едва сдерживаю смех при виде уверенно вскинутой головы и надменного выражения лица ассистента. От него веет профессионализмом, и я следую его примеру. Стол напичкан нужным мне реквизитом. Сначала я передаю Данте колоду и перехожу к тому, что мы провернули в подвале мистера Дарби. Лейтмотив выступления — парение. И публика ахает, когда разные предметы — карта, мячик и, наконец, большой обруч — волшебным образом зависают над сценой.

По моим венам несется радостное волнение, как всегда под конец любого трюка. Я слегка киваю матери:

«Смотри, мама, я делаю это без рук».

Когда подходит время финала, я останавливаюсь и, тяжело дыша, смотрю на зрителей. Это мой коронный номер. В зале раздаются редкие хлопки, потому что народ не уверен, закончено ли выступление. Но аплодисменты затихают вместе с музыкой. Театр наполняют нежные нотки «Лунного света» Дебюсси, и я протягиваю руку Данте. Он спешит ко мне — такой маленький, доверчивый и невинный. Публика ахает. Мальчишка прирожденный актер!

Я веду его к столу, с которого убран весь реквизит, помогаю забраться наверх и, на секунду удержав его руку в своей, отпускаю. Успех этого трюка, как и любого другого, в подаче: к кульминации нужно двигаться осторожно, не спеша. Музыка еще замедляется, превратившись в завораживающую колыбельную, и я чувствую, как зрители задерживают дыхание. Я переплываю к другому концу стола, наклоняюсь, чтобы поцеловать Данте в лоб, словно мать, укладывающая ребенка спать. Затем медленно провожу руками над дремлющим малышом в такт музыке и, повернувшись к передней части стола, поднимаю черное покрывало на Данте. Зрители видят все, что находится под ним.

Плавно дотанцевав до края я аккуратно отделяю половину стола. Теперь кажется, будто оставшаяся часть парит в воздухе. Я грациозно провожу рукой там, где была деревяшка, чтобы показать отсутствие каких-либо креплений. Затем перехожу к другому концу и убираю остаток стола.

Зрители вскрикивают. Я слышу изумленные шепотки. Взяв серебристый обруч, я провожу им от ног Данте через все тело.

Публика разражается свистом и аплодисментами. Я сдержанно делаю реверанс, а потом позволяю себе насладиться успехом. Глядя в толпу, я замечаю, как встает мужчина в первом ряду, розовею от похвалы, но вдруг замираю, заметив, кто он такой.

Гарри Гудини.

Сердце рвется из груди, когда все остальные зрители встают вслед за ним и устраивают мне овации. Какое-то мгновение я не могу пошевелиться. Затем вновь звучит музыка, и я вспоминаю программу. Прикладываю дрожащий палец к губам и указываю на Данте, будто напоминая присутствующим о спящем мальчике. Как только они утихают, я грациозно вновь собираю стол, снимаю черное покрывало с Данте и помогаю ему спуститься. Он уходит, и музыка замолкает.

Я смотрю туда, где прежде сидел Гудини, но его уже нет. Иллюзионист всегда знает, когда исчезнуть.

— А теперь черед моей матери вас удивлять!

Публика вежливо хлопает.

Я поворачиваюсь, сердце в груди ликующе трепещет. Я едва не забыла о мадам под конец выступления, но теперь собираюсь с духом, ожидая, когда по мне ударит волна ее гнева. Однако вместо ярости, ощущаю обиду. Мама моргает, ее глаза — бездонные водоемы шока и боли.

Она на мгновение теряется, потом приклеивает на лицо улыбку и переходит к своей части представления, только выкинув из программы трюк с чтением мышц. Все проходит идеально, но без особого энтузиазма. Двигается мадам напряженно и несколько деревянно, на лице никаких эмоций. Ее часть шоу проигрывает моей, и все это понимают, особенно сама мама.

Уходя со сцены, я слышу, как несколько зрителей выкрикивают мое имя. Мама шагает чуть впереди, держа спину совершенно прямо.

Ликование, которое я испытывала перед публикой, улетучивается, под ложечкой сосет. Я шагаю в гримерку вслед за мадам, хотя с удовольствием ушла бы куда угодно. Но, планируя свой дебют, я знала, что эта минута наступит. Только ребенок убегает, а я уже выросла и меня не запугать. Я могу выдержать все, на что она способна.

Только вот мама ничего мне не говорит, просто подходит к своему столику и в несколько больших глотков осушает бокал вина. Она молчит и не смотрит на меня. Берет

щетку и неловко расчесывает волосы без привычной кошачьей грации в движениях.

Я закусываю губу, желая, чтобы она что-то сказала, а я бы защитилась. Чтобы она осознала: я другая, многое изменилось... но она молчит. Я чувствую себя непослушной девчонкой, недостойной внимания.

Дверь за моей спиной распахивается, входит хмурый Жак и бросается к маме:

— Мэгали, дорогая, ты в порядке? — Он склоняется над ней, а она прижимается к нему головой. — Я видел по твоему выступлению, что ты плохо себя чувствуешь. Анна была ослепительна, а ты — словно не в своей тарелке. Я могу как-то помочь?

Его голос пронизан беспокойством. В зеркале я вижу, что мама жмурится, и удивляюсь, насколько измученной и усталой она выглядит. Совсем на себя не похожа. Жак пожимает ее руку, склоняется, касается губами ее волос.

И тут с другого конца комнаты ко мне впервые перетекают сильные и ясные эмоции нашего импресарио.

Жак до безумия любит мою мать.

А я словно подглядываю за тем, что видеть не должна. Всеми позабытая, я украдкой выхожу из комнаты, чувствуя себя одинокой как никогда.

Я плетусь по коридору в поисках Данте и мистера Дарби, но вместо них вижу ожидающего меня невысокого и плотного Гарри Гудини.

Он улыбается:

— Я не мог уйти, не поздравив тебя с удачным выступлением. Анна, ты настоящая иллюзионистка.

На глаза наворачиваются слезы, но я их смаргиваю.

— Спасибо, мистер Гудини.

— И твоя мать такая же красивая, как мне помнится. Она рассказывала, что мы познакомились давным-давно?

Тон вкрадчивый, а вот взгляд... прожигает меня до глубины души.

— Упоминала, — просто отвечаю я.

— Да, я так и подумал. — И после паузы: — Мне пора. Пожалуйста, передавай матери привет. И еще раз поздравляю с успешным выступлением.

Гудини поворачивается, но я хватаю его за рукав. Мне, возможно, никогда не представится другой возможности спросить.

— Вы... — Я обрываю себя и задаю вопрос иначе: — А у вас есть экстрасенсорные способности, мистер Гудини?

Он смеется, в глазах веселье.

— Ты, должно быть, читала бред моего бывшего друга сэра Артура Конана Дойла.

— Анна! — раздается за моей спиной голос мистера Дарби, и я настойчиво спрашиваю вновь:

— Так есть?

Лицо Гудини застывает.

— Я уже говорил и повторю снова: у меня нет особых способностей. А теперь тебе пора, друг зовет.

Я в панике пытаюсь запустить нить, но натыкаюсь на... блок.

Окинув меня непонятым взглядом, великий иллюзионист поворачивается и уходит по коридору.

Я смотрю ему вслед, в груди сражаются ощущение потери, горе и отчаяние. Затем молча поворачиваюсь к подоспевшим мистеру Дарби и Данте.

Принимаю их поздравления, ничего не чувствуя, пока мы выкатываем стол к подъехавшему грузовику.

На выходе мы встречаем беспокойно переминающегося с ноги на ногу Коула.

Я стою немного поодаль, пока стол заносят в кузов.

— Осторожно, — ворчит мистер Дарби, держа свой край. — Это штука на вес золота.

Я так и не сообщила ему, что не знаю, хватит ли у меня духу снова использовать этот трюк.

Эцио ждет сына. Не могу сказать, кто из них более горд, Данте или его отец. Я наклоняюсь и обнимаю парнишку:

— Ты был великолепен. — И протягиваю ему банкноту в пять долларов, которую он сует в карман.

— Если понадобится — зовите!

И Эцио уводит сына, обхватив его за плечи.

Коул обнимает меня. Я слегка отклоняю голову, чтобы посмотреть ему в глаза. Он почти не разговаривал со мной несколько дней, но знает без слов, что я чувствую.

Я дарю ему полуулыбку, наслаждаясь прикосновением его руки к моему плечу. Подхожу ближе, замечая, что мистер Дарби уже забрался в грузовик, чтобы дать нам побыть наедине. Я хочу рассказать Коулу, как запуталась, как мне грустно и одиноко. Как сильно люблю маму и в то же время ужасно ее ненавижу. Как отчаянно желаю, чтобы она любила меня в ответ. Хочу поделиться, что чувствую насчет Гудини, который то ли отец мне, то ли нет.

Но вместо этого говорю:

— Я забыла пальто.

— Хочешь, чтобы я его принес?

Я качаю головой, думая о том, чему недавно стала свидетелем:

— Нет.

— Ты же замерзнешь, — возражает Коул.

Я еще сильнее прижимаюсь к обнимающей меня руке:

— Нет, не замерзну.

Жар вспыхивает в глубинах его черных глаз, а объятие крепнет, но произносит Коул только:

— Нам надо домой, сгрузить стол и вернуть грузовик. — Он смотрит на небо. — К тому же, кажется, скоро пойдет снег.

Домой едем молча. Коул обнимает меня, и я рада, что он не требует ответов на вопросы, без сомнения, крутящиеся у него в голове.

Мы вытаскиваем стол под первыми снежинками. Затем мистер Дарби уезжает, чтобы вернуть грузовик до того, как дороги занесет.

— Не хочешь рассказать, что случилось? — спрашивает Коул, протягивая мне чашку чая. Мы сидим за кухонным столом, а огонь от плиты греет мои замершие конечности.

Я смотрю на витающий на чашке пар, глаза жжет. Утыкаюсь носом в сложенные руки и рыдаю, пока слез не остается. Я слышу, как возвращается мистер Дарби, но он выходит так же тихо, как зашел.

Я вытираю глаза, а потом рассказываю Коулу все с самого начала. О том, что видела гибель «Титаника»; о куче мертвых тел на улице еще до того, как испанка превратила мое предвидение в реальность. О моем страхе перед полицейскими и обо всех низкооплачиваемых работах, за которые я бралась, чтобы выяснить сведения о клиентах. О маминой одержимости Гарри Гудини и о том, как мне ужасно хочется верить, что он мой настоящий отец.

Я рассказываю до хрипоты и, захлебываясь потоком слов, понимаю, сколько времени провела в одиночестве, пока ждала возвращения матери.

Коул накрывает мою руку своей, и я чувствую его беспокойство, когда заканчиваю происшествием в примерке. О разговоре с Гудини не упоминаю — слишком личное, и я пока не знаю, как это воспринимать.

— Думаешь, твоя мать тоже любит Жака? — спрашивает Коул.

Я пожимаю плечом:

— Не знаю, способна ли она любить.

— Все способны любить, мисси, — раздается за моей спиной голос мистера Дарби.

Он берет мою нетронутую чашку и выливает чай в раковину, потом наполняет чайник

водой и снова ставит на плиту. Как много о моих видениях он успел услышать? Впрочем, мне все равно.

— Твоя мать сделала все, что могла, с данными Богом талантом и красотой. Она одна растила ребенка и, вместо того, чтобы отказаться от тебя, держала при себе. Ты всю жизнь путешествовала, встречалась с новыми людьми и получала новые впечатления. — Я пытаюсь его перебить, но старик поднимает руку. — Да, не все увиденное из разряда приятного, случались и ужасные, тяжелые времена. Но жизнь полосатая. Иногда ты оставалась одна, испуганная, страдая от страха и голода. Многие чувствуют себя точно так же.

Я молча слушаю. Хочется поспорить, но я слишком устала, чтобы говорить связно.

Чайник свистит, и мистер Дарби наливает мне чашку свежесваренного чая. И только теперь я замечаю, что в раковине гора тарелок, а на столе крошки.

— Сегодня горничная не пришла, — поясняет сосед, увидев, что я разглядываю беспорядок. — Так трудно найти хорошую прислугу. А теперь выпей, сразу почувствуешь себя лучше.

Я пью без возражений.

— Не хочу на тебя давить. Твоя мать — холодная женщина. Но готов поспорить, что о тех путешествиях у тебя остались и хорошие воспоминания.

Я вспоминаю о Швайнгарде, Кэме Ли и всех тех, кто со мной подружился и научил выживать, и неохотно киваю. Иногда наши переезды были чудесными.

— Вот я о чем, — самодовольно бормочет мистер Дарби.

— Ну и что? — Я раздражена, устала и ненавижу признавать свою неправоту. И это у меня от матери.

— Думаю, он имеет в виду, что приходится принимать и хорошее, и плохое, потому что нет выбора. Такова жизнь. — Коул осторожно сжимает мою руку, и я чувствую его грусть.

Интересно, подразумевает ли он войну или гибель отца? Неудивительно, что Коул так серьезно относится к жизни. Я сжимаю его ладонь в ответ.

Мистер Дарби кивает:

— Вопрос в том, мисси, что собираешься делать сейчас? Ты уже взрослая или скоро таковой станешь. Никто не ждет, что ты будешь выступать с матерью до конца своих дней. Похоже, она в любом случае выталкивает тебя из гнезда. У нее есть работа и любимый мужчина. Ей не о чем волноваться. А как ты?

Я невольно смотрю на Коула: его черные глаза спокойны и невозмутимы, как в первую нашу встречу. Я отвожу взгляд, не желая, чтобы он заметил мое смятение.

«А что я?» — размышляю по пути наверх в обществе Коула. На сей раз он не просто поддерживает меня рукой, а, к моему изумлению, привлекает к себе. Я прижимаюсь головой к его груди и чувствую размеренный стук сердца. Затем ощущаю колебания того самого щита, которым Коул прикрывается, когда я рядом.

— Анна, — шепчет он, осторожно выводя круги у меня на спине.

Внезапно внутри него словно открывается шлюз, и меня омывает море тепла. В замешательстве я откидываю голову назад и... Глаза Коула горят так, как я никогда прежде не видела. Он склоняется и нежно прикасается своими губами к моим. Я дрожу и прижимаюсь к нему, позволяя нашим чувствам обвивать нас, соединяя и смешивая вместе, создавая нечто совершенно новое. Коул отстраняется слишком быстро.

— Поспи, у тебя был трудный день, — нежно шепчет он. — Мы завтра еще поговорим, мне надо кое-что тебе рассказать.

Губы все еще горят, хотя поцелуй был таким мимолетным...

— Что рассказать?

Коул улыбается и чмокает меня в лоб:

— Завтра.

Он ждет, пока я в целости и сохранности захожу в квартиру и запираю дверь, а потом спускается по лестнице.

Здесь темно и холодно после тепла кухни мистера Дарби. Я включаю свет и обогреватель, беру покрывало и сворачиваюсь калачиком на диване.

Что мне теперь делать? Я точно знаю, что мама почему-то против моего участия в шоу, особенно после сегодняшнего.

Но чего мне хочется?

Многие годы я желала иметь нормальный дом — обычный, уважаемый, с уважаемой семьей без чудачеств. Вот такой, как этот. Моя мечта сбылась, но теперь я хвостом хожу за Гарри Гудини, словно заблудившийся ребенок. Интересно, как его занесло на представление? Обычно он не трогает выступающих на сцене менталистов, считая их безвредными фокусниками, а вот сеансы ненавидит. Если бы я только сумела убедить маму их прекратить! В любом случае я больше не буду участвовать в сеансах. Может, я и не понимаю, чего мне хочется, но точно знаю, чего не потерплю. Если мы опять окажемся в стесненных обстоятельствах, я сделаю то же, что другие нуждающиеся...

Найду работу.

Но раз великий маг не собирался вывести мадам на чистую воду, то зачем приходил? Из-за меня?

Пульс частит, стоит вспомнить, как он уточнил, знала ли я об их с мамой знакомстве.

Что, если она не соврала? Что, если Гарри Гудини в самом деле мой отец, и способности я унаследовала от него?

Я сажусь, крепче заворачиваюсь в одеяло и размышляю. Что изменится, если это правда? Стану ли я другой? Гудини никогда меня не признает, он слишком предан жене. Так какая разница?

Никакой.

Независимо от того, отец мне Гудини или нет, любит меня мать или нет, я остаюсь самой собой. Девушкой со странными способностями, которая обожает магию. Мне не быть нормальной, но, может, это не так уж плохо.

Размышления о способностях напоминают о Коуле, и я устраиваюсь на подушках, снова переживая наш поцелуй. Засыпая, я сознаю, что могла бы в него влюбиться. Мое тело расслабляется, и я погружаюсь в сон.

* * *

Видение. Я знаю, что происходящее нереально, но не в силах его остановить. Меня смывает океан искаженных образов. Мама. В ужасе. Ее страх набегаем на меня волнами паники. Мое тело сломлено, я чувствую теплую липкую кровь на лице. Он идет за мной. Я такая беспомощная. Мама кричит.

«Прости, мама».

Видение меняется, и я опять в воде, легкие горят от недостатка воздуха. Вижу лицо матери с огромными глазами, полными страха и горя.

Она считает меня мертвой. В этот момент я сознаю, как сильно она меня любит...

И просыпаюсь с рвущимся из горла криком. Вскочив, несколько раз моргаю, не понимая, где нахожусь. Я жду, когда мама спросит, что случилось, но ничего не слышу. Сердце болезненно бьется в груди. Этого не должно было случиться. Миссис Линдсей больше не угроза, поэтому нет смысла в еще одном видении, но я только что его пережила.

— Мама?

Сердце уходит в пятки, стоит осознать, что я все еще одна.

Сбрасываю покрывало и неуклюже иду по коридору в мамину спальню, чувствуя, как тело затекло после ночи на диване.

— Мама?

Ее комната пуста, кровать не расстелена.

Вдруг кто-то стучит в дверь, и я прижимаюсь к стене, уверенная, что за мной явились похитители.

— Анна?

От облегчения колени подгибаются.

— Коул?

Я спешу к двери, в ушах колотится сердце. Быстро отпираю замок и оказываюсь в объятиях Коула.

— Что такое? Ты в порядке?

— Да, нет, моя мама... кое-что произошло.

Он разглядывает прихожую, будто ожидая, что слету разберется в случившемся.

— Нет. — Я втаскиваю его в квартиру и закрываю дверь. — Мама не вернулась домой прошлой ночью, и у меня было видение.

Коул хмурит брови:

— Она же встречалась с Жаком, верно? Возможно, она все еще с ним.

Он говорит так высокопарно, что, если бы не страх, я бы рассмеялась. Будто Коула шокирует опрометчивое поведение моей матери.

Он толкает меня к телефону:

— Звони Жаку, а я приготовлю кофе.

Я на мгновение замираю, преисполнившись благодарностью. Коул не спрашивает меня о видении и о том, с чего я взяла, будто с мамой что-то случилось. Он просто меня знает.

— Ты услышал мой крик?

Коул останавливается на пороге кухни:

— Нет, я его почувствовал.

Мы смотрим друг на друга; воздух между нами полон невысказанных слов.

— Спасибо, — киваю я.

Вбегаю в гостиную и звоню Жаку, который берет трубку на четвертом гудке:

— Знаете, который час?

— Где моя мама?

— Анна?

— А есть другие дочери, которые могут вам позвонить, чтобы узнать местонахождение своей матери? — срываюсь я.

— Конечно, нет, я просто не понимаю... Твоя мать ушла домой. Какой час?

— Не знаю. Рано.

— погоди. — Я слышу его возню. — Шесть утра. Мы с ней расстались несколько часов

назад. Заговорились допоздна. Ты скверно поступила, внушив мне, что мама знает о новом номере для шоу.

Меня мутит.

— Подожди. Ее нет дома?

— Да.

— Сейчас приеду, — моментально отзывается Жак.

И кладет трубку, избавляя меня от необходимости что-то говорить. На меня накатывает облегчение. Случись подобное несколько месяцев назад, я бы подозревала Жака, но теперь понимаю, что доверяю ему. По крайней мере, насчет его чувств к маме у меня сомнений нет.

Я кладу трубку на рычаг и захожу в кухню. На плите кипит кофе, на меня вопросительно смотрит Коул.

Я качаю головой:

— Она ушла несколько часов назад, Жак сейчас придет.

Глаза жжет, но я сдерживаюсь. Слезами горю не поможешь — я давно усвоила эту истину.

Коул выдвигает стул, и я с благодарностью сажусь.

— Не следовало вчера так поступать. Я так на нее разозлилась, но вместо того, чтобы выяснить отношения, затмила ее на сцене. Зачем я это сделала? Почему мы просто не можем поговорить как нормальные люди?

— Ты же не думаешь, что твоя мама сбежала.

Коул не спрашивает, а констатирует факт. Я мотаю головой. Нет, моя мать никогда ни от чего не сбежала.

— Тогда не вини себя.

Я сглатываю слезы и киваю. Коул протягивает мне чашку горячего кофе, и я пью, не сразу замечая, как жидкость обжигает язык. Боль проясняет сознание. Только одна мысль вертится в голове: *«Этого не может быть, миссис Линдсей под стражей»*.

А если миссис Линдсей не главная угроза?

— Надо составить список, но пока Жака нет, расскажи мне о видении. Сколько раз оно у тебя было?

— Не знаю, четыре или пять.

— Оно не меняется?

Я киваю. Хорошо, что Коул здесь и помогает во всем разобраться. Я рада, что могу поговорить с тем, кто не сочтет меня сумасшедшей.

— А видения у тебя всегда повторяются?

Я отрицательно качаю головой:

— Нет, но таких у меня еще не было. Как я уже говорила, обычно это какие-то масштабные катастрофы вроде гибели «Титаника» или Великого землетрясения Канто.

Я даю Коулу бумагу и карандаш, и он записывает, пока я вспоминаю свое видение. Когда я заканчиваю, он забрасывает меня вопросами:

— Можешь описать то место, где держат твою мать?

Я пытаюсь, но вижу только выражение ее лица.

— Знаю, это трудно, но попробуй проиграть все снова. Закрой глаза. Комната большая или маленькая? День или ночь? А стены кирпичные или деревянные? Есть окно? Как одет тот мужчина? Ты уверена, что это мужчина?

— Минутку. — Я глубоко вздыхаю и сосредотачиваюсь. — Комната небольшая. Мама

связана, она совсем рядом, но мне не достать.

Видение повторяется. Чувствуя покаяние внутри, я слепо тянусь к Коулу, и он тут же берет меня за руку. Я расслабляюсь, насколько это возможно при мигрени, и позволяю образам затянуть меня. Но на сей раз я их контролирую.

— Тут темно, свет проникает лишь через трещины в стенах. Похоже на хижину или чулан. — Мужчина появляется, и мое сердце замирает. Я боюсь, хоть и понимаю, что злодей не настоящий, да и Коул рядом. — Он в черном пальто.

Незнакомец приближается, сердце бьется все быстрее, а потом видение меняется.

— Теперь я под водой, не могу дышать. — Я открываю глаза и судорожно глотаю воздух. — Я боюсь за маму.

Коул бледен. На листке бумаги перед ним не только слова, но и маленькие наброски. Внезапно до меня доходит.

— Ты тоже это видел.

— Как только коснулся твоей руки, — кивает Коул.

Я сглатываю:

— А у тебя неплохо получилось: они такие же, как в моем видении.

— Рисование пригодится в учебе.

Я морщу лоб:

— Для Общества психических исследований?

Коул слегка улыбается:

— Да нет, собираюсь поступить в Оксфорд на право.

— Хочешь стать адвокатом?

— Нет, детективом в Скотланд-Ярде. А право — отличная основа.

— Мечтаешь о карьере полицейского? — изумляюсь я.

Коул пожимает плечами и отводит взгляд.

— Это многое объясняет.

— Ты не обижаешься? Я помню о твоем неприятии представителей закона, — говорит он сдержанно, и я крепче сжимаю его руку.

— Слишком поздно, ты мне уже нравишься. Если начистоту, я больше расстроена из-за твоего отъезда, чем из-за выбранной профессии.

Нас прерывает стук в дверь. Коул убирает свои записи, я встаю, чтобы открыть, но он меня останавливает:

— Не хочу, чтобы ты что-то делала сама, пока не найдем твою маму. Кто-то уже пытался тебя похитить. Давай не будем облегчать преступникам задачу.

Я киваю, хотя в душе знаю, что бесполезно пытаться изменить видение. Это не кошмар, а предзнаменование того, что произойдет.

В кухню вбегает растрепанный Жак в криво застегнутом пальто:

— Есть новости?

— Я надеялась, что вы что-то выяснили.

Вернувшийся Коул протягивает Жаку чашку кофе.

Мы садимся за стол.

— В котором часу она ушла вчера? — вновь начинает Коул свои расспросы.

— Кажется, около трех. Мы заговорились допоздна. — Жак неодобрительно смотрит на меня.

Я делаю вид, что ничего не замечаю:

— И вы отпустили ее одну?

Он оскорбленно приосанивается:

— Конечно, нет! Я вызвал кэб и подождал вместе с ней в вестибюле, пока не пришла машина.

Я вскидываю бровь:

— В вестибюле?

— Да. — Жак беспокойно ерзает. — Я вроде как живу в гостинице «Монако».

— Вроде как? — Он не смотрит мне в глаза, и вдруг я понимаю. — Мы в вашей квартире. Вы отдали нам свое жилье.

Он кивает.

— Зачем? — И тут же сама отвечаю: — Потому что считали, что это временно. Собирались переехать сюда и жить с моей матерью!

Надо отдать Жаку должное, ему неловко, но он приподнимает плечо в фирменной французской манере:

— Оказалось, ее не так уж просто уговорить на брак, как я думал.

Я разеваю рот:

— Брак? Вы просили ее выйти за вас?

— Каждый день, с самой первой встречи в Чикаго.

Мысли путаются, и мое мнение о Жаке резко меняется. Ну и какой из меня экстрасенс? До вчерашнего вечера я даже не понимала, что наш импресарио любит маму.

— Она наконец решила об этом подумать. Мне кажется, она давно бы согласилась, если бы не переживала за тебя.

— За меня?

— Конечно! Она очень боялась, что ты пойдешь по ее стопам. Не хотела оставлять тебя одну.

Я хмурю брови. Совсем не похоже на маму. Интересно, известно ли Жаку о ее склонности приукрашивать правду? Ладно, все равно скоро узнает.

Если мы найдем маму.

Коул прочищает горло:

— Сейчас нужно сосредоточиться на поисках твоей матери. У нее есть враги?

Жак выразительно вскидывает брови, мол, откуда ты такой наивный взялся.

— Конечно, есть, — отвечаю я. — Она медиум. Это неотъемлемая часть бизнеса.

— Я знаю, что у тебя есть враги, — сухо замечает Коул. — Кто-то пытался организовать твоё похищение. И у нас как раньше никаких версий по этому поводу не было, так и сейчас нет.

— Уверена, это кто-то из знакомых.

Миссис Линдсей?

Хотя, пожалуй, можно вычеркнуть их с Лизетт из числа подозреваемых — по крайней мере, в данном случае. А ведь я думала, что мы в безопасности. Что все закончилось...

Жак прокашливается:

— Полагаешь, тот же человек похитил твою мать?

Рассказать ему о видении я не могу.

— Вполне допустимо. Кэб какой компании забрал ее вчера?

— Ну конечно, — щелкает пальцами Жак. — Надо им позвонить, *oui*?

Коул кивает.

— А о чем вы говорили прошлой ночью? Она была расстроена?

— Она сердилась на тебя, знаешь? — Жак снова неодобрительно смотрит на меня. —

Но мы поговорили, и к моменту расставания она вполне успокоилась. Мы обсуждали планы на будущее, и Мэгали впервые допустила мысль прекратить выступления. Я предложил ей вместе управлять моей компанией, она поцеловала меня и обещала подумать.

— Значит, мама больше не злилась? — Мой желудок сжимается.

— Нет. Единственный раз она пришла в ярость, когда я заметил, что у тебя есть талант и можно сделать твоё собственное шоу.

У меня сердце останавливается.

— Вот так прям и сказали?

— *Oui*.

В голове не укладывается.

Уголки губ Жака мрачно опускаются.

— Тогда она ответила, мол, не хочет, чтобы ты повторяла ее судьбу.

На секунду я прикрываю глаза. Горло сдавливает. Я и предположить не могла, что мама хоть раз задумывалась о моем будущем. Интересно, сколько еще сюрпризов я смогу выдержать? Затем я встряхиваюсь. Сама все у нее спрошу, когда в следующий раз увижу. Однако сперва надо ее найти.

Жак идет звонить в такси, а Коул продолжает меня расспрашивать, делая пометки:

— Ты сказала, что у твоей мамы непременно есть враги? С чего кому-то желать вам зла?

Я пожимаю плечами:

— Такова наша работа. Помнишь миссис Линдсей?

Он кивает.

— Она нападала на меня в парке и позже в «Линди».

Коул стискивает зубы:

— Ты не говорила.

Я откидываюсь назад и прикрываю глаза.

— Это случилось незадолго до моего похищения. С тех пор столько всего произошло. — Затем смотрю на свои руки. — Кроме того, тогда я думала, что, возможно, ты каким-то образом в курсе.

— Прости?

— Я видела, как ты общался с ней после нападения в парке.

Морщусь, увидев боль в его глазах. Коул никогда не навредил бы мне или моей маме. Я же это знаю. Как же все так вышло?

Он накрывает мою ладонь своей:

— Анна, я вышел прогуляться, а она стояла на углу. Я узнал ее, вспомнил, как не по себе ей было на сеансе. Похоже, дела у нее шли не очень, поэтому я дал ей немного денег. Мы говорили всего пару минут. Я понятия не имел, что она на тебя напала.

Я опускаю глаза:

— Знаю. Просто я испугалась.

Коул сжимает мою руку. Входит Жак, еще более встревоженный, чем прежде:

— Водитель оказался в гараже. Сказал, что вскоре высадил твою маму.

— Она осталась там? Просто на улице? — Я закрываю глаза. Меня мутит от страха и гнева.

— Что нам делать? Обратимся в полицию?

Жак и Коул смотрят в мою сторону, оставляя за мной право принять решение.

Стук в дверь заставляет всех замереть на месте. И снова первым на звук бежит Коул. Жак следует за ним по пятам.

— Никого, — растерянно произносит Коул.

Жак подбегает, хватая его за руку и указывает куда-то на пол:

— *Regarde!*^[20]

Я встаю на цыпочки, пытаюсь хоть что-нибудь рассмотреть поверх их плеч. Вдруг Коул срывается с места и бежит вниз по ступенькам. Громко хлопает парадная дверь. Но не успеваю я двинуться с места, как Жак опускается на корточки и что-то поднимает. Заглянув ему через плечо, я вижу, как он осторожно двумя пальцами держит конверт.

Потом в шоке поворачивается ко мне:

— На нем твое имя, *cherie*.

Я сглатываю, глядя на крупные печатные буквы. Жак протягивает мне конверт. Внизу снова хлопает дверь, и запыхавшийся Коул взбегает по лестнице. В ответ на вопросительный взгляд Жака, он только качает головой:

— Их давно след простыл.

Мы все смотрим на конверт.

— Открой, — настаивает Коул.

Я осторожно вскрываю письмо и вытаскиваю сложенный листок бумаги. Оба мужчины склоняются, пытаюсь разглядеть текст.

«Твоя мать у меня. Хочешь, чтобы она вернулась жива-здоровая, — собери десять тысяч долларов и отнеси в место, которое я укажу. Не обращай в полицию. Вскоре я передам тебе дальнейшие инструкции. Если не знаешь, где взять деньги — воспользуйся

своими связями».

Руки дрожат. Коул ведет меня в гостиную. Одеяло так и валяется на полу, на приставном столике лежит колода карт и стоит полная окурков пепельница. Ничего не изменилось — но ничто уже не будет прежним. К тому моменту, как я сажусь, меня всю трясет.

Жак застывает на пороге словно статуя, а Коул устраивается подле меня, сжимая в руке записку. Молчание накрывает комнату удушающим одеялом. Я не могу даже придумать, с чего начать. Что бы ни происходило в нашей с мамой жизни, мы встречали проблемы вместе. Теперь я осталась одна.

— Воспользуйся своими связями, — цитирует Коул. — Что это значит?

Его слова падают в тишину, словно камушки в пруд, и я вздрагиваю:

— Что?

Коул указывает на смутившую его фразу:

— Тут говорится «не знаешь, где взять деньги — воспользуйся своими связями». Какими?

Поняв, в чем дело, я со свистом выдыхаю и смотрю на него. Во рту становится сухо.

— Отец. Они пишут о моем отце.

— Насколько эти сведения доступны? В смысле, как много людей знает о вашей родственной связи?

Втягиваю воздух и стараюсь выровнять дыхание, чтобы не упасть в обморок.

— Не уверена. Мама обычно рассказывала паре-тройке людей, чтобы привлечь публику, но я не знаю, кому именно. А вы знаете? — обращаюсь я к Жаку.

Он виновато разводит руками:

— Не уверен, кому она говорила, но знаю, что в определенных кругах слухи ходят.

— Значит, тут тупик. — Коул выглядит разочарованным, и я сжимаю его руку.

— А в каких кругах? — Мне надо знать.

— Среди богачей. Потенциальных клиентов. Некоторые медиумы и менталисты тоже шепчутся о твоём происхождении, но большинство считает это просто уловкой.

— Что возвращает нас к миссис Линдсей, так? — Коул поворачивается ко мне: — А это вообще ее настоящее имя?

Я в отчаянии качаю головой:

— Нет, это тоже тупик. Ее взяли под стражу после того, как она напала на меня в «Линди».

Жак вопросительно поднимает бровь, и я рассказываю ему о произошедшем.

— Откуда ты знаешь, что ее арестовали?

— Доктор Беннет сказал. — Теперь уже они оба вопросительно на меня смотрят. — Он лектор в спиритической церкви Синтии. Специализируется на психических феноменах. Он пришел вместе с миссис Линдсей — так мы и познакомились.

Коул поворачивается ко мне:

— Постой-ка. А что за дела у лектора с чокнутой медиумом?

— Он назвал ее коллегой. — Я ежусь, вспомнив мученический взгляд миссис Линдсей. — Она удивилась нашей встрече не меньше моего.

— Думаю, перво-наперво нам стоит убедиться, что миссис Линдсей по-прежнему под стражей, — говорит Коул. — У меня появилась мысль, кто мог пытаться тебя похитить...

Жак прокашливается:

— Вообще-то, твоя мать приказала мне нанять частного сыщика, чтобы расследовать это дело.

— Мама?

— Конечно, — кивает он. — Она о тебе беспокоилась.

Я перевариваю полученную информацию.

— Что вы узнали?

— Мы с детективом должны были встретиться на прошлой неделе, но ему вдруг пришлось срочно уехать из города. Мы договорились, что он предоставит мне отчет, как только вернется.

Склонив голову, я тру лицо руками. Наверное, выгляжу так, что в гроб краше кладут. Кровь леденеет от сравнения. Я не могу просто сидеть здесь. Надо что-то предпринять.

— Можете с ним встретиться? — спрашиваю я Жака. — Как можно скорее?

— Конечно.

Голова пуста. Что еще сделать? Коул нежно сжимает мою руку.

— А вы не думали просто обратиться в полицию? Да, автор записки запрещает, но вдруг там нам помогут. Уверен, они поведут себя благоразумно.

Жак сверкает черными глазами и издает полный раздражения горловой звук:

— *Non!* Если похититель следит за Анной, то мгновенно насторожится.

— А если пойдет один из нас? — настаивает Коул.

— Тот, кто это сделал, явно знаком с Анной. Думаешь, он не узнает одного из нас?

— Так что вы предлагаете делать? Сидеть и ждать следующую записку?

Оба смотрят на меня, и мне хочется спрятаться под диваном.

— Надо собрать все деньги, — тихо говорит Жак. — Большинство моих сбережений в инвестициях, но, думаю, я смогу собрать примерно пять тысяч.

Я смотрю на него. Я знала, что Жак богат, но настолько? Он замечает мой взгляд и пожимает плечами:

— Я вкладываю деньги. Я очень умен и исключительно везуч.

В горле встает ком, и мне хочется обнять Жака. Как я могла так в нем заблуждаться? И если ошибалась на его счет, то в чем еще обманулась? Я киваю и выдавливаю дрожащую улыбку, надеясь, что Жак поймет, как я ему благодарна.

— Думаю, я смогу собрать оставшуюся сумму, но мне надо позвонить в Лондон. Это займет время.

Я потрясенно смотрю на Коула. Вокруг меня что, сплошь богачи? Затем вспоминаю слова Синтии, что Коул в разы богаче Оуэна. Видимо, она права.

— У меня примерно пятьдесят восемь долларов. — Я смеюсь, но смех прерывается всхлипом. — Что мне делать?

— Может, пойдешь к отцу? — предлагает Коул.

— Нет! — Это стало бы окончательным предательством, а я и так уже предала мать. — Думаю, я знаю, где взять деньги, — медленно произношу и поворачиваюсь к Жаку: — Вы не могли бы назначить встречу с частным сыщиком и собрать свои средства. Я останусь здесь и...

Голос подводит меня, и Коул договаривает:

— Подождешь, когда похитители снова выйдут на связь.

Я киваю.

— И соберем сумму вместе.

Жак коротко пожимает мое плечо и уходит.

Коул тянется ко мне и берет мою руку в свои. Я склоняюсь к нему. Трудно поверить, что мы знакомы чуть больше месяца. Столько всего произошло: я встретила отца и взяла под контроль свои способности. А теперь мама похищена и находится бог знает где. Я смотрю Коулу в глаза. В них столько тепла и заботы, что у меня перехватывает дыхание.

— Есть соображения, кто бы это мог быть? — тихо спрашивает Коул.

Я пытаюсь осмыслить все услышанное, и боль волнами проходит в голове.

— Когда начались видения, я пыталась в них разобраться. Думала, это мать и дочь Линдсей.

Наружу вырывается смех, но он быстро переходит в рыдание, и я прикрываю рот рукой.

— Ты что-нибудь почувствовала в ту ночь, когда тебя едва не увезли? Когда я натолкнулся на тебя?

Я качаю головой:

— Только поняла, что голос женщины из фургона мне знаком. Но наверняка не скажу.

Коул сжимает мою руку:

— Почему бы тебе не привести себя в порядок? А я пока раздобуду что-нибудь поесть. Сейчас ты ничего не можешь сделать.

Я внезапно осознаю, что на мне одежда, в которой я спала.

— Хорошо. Только сперва сделаю один звонок.

На мгновение Коул словно хочет что-то спросить, но затем просто кивает:

— Спустишь на несколько минут. Закрой за мной дверь.

Я провожаю его, запираю замок и иду к телефону. Ненавижу себя за то, что собираюсь сделать. Так противно звонить на тему: «Ой, мы же друзья, да? А дай мне в долг пять тысяч долларов».

Но какой у меня выбор?

К телефону подходит горничная и пытается мне объяснить, что еще слишком рано и тревожить мисс Синтию нельзя.

— Это срочно, — говорю я самым твердым голосом. — Если не позовете ее сейчас же, она потом на вас рассердится.

Повисает долгая пауза.

— Одну минутку.

Я улыбаюсь. Похоже, прислуга в курсе, из какой Синтия семьи.

— Надеюсь, это действительно важно, — рявкает хозяйка дома в трубку, и моя улыбка гаснет.

Я делаю глубокий вдох, чтобы успокоить нервы.

— Я в беде. Мне нужно пять тысяч долларов и как можно скорее.

— Подожди. — Она чем-то прикрывает трубку. — Гретхен, сейчас же принеси мне кофе! Извини, — это уже мне, — без кофе ничего не могу делать. К какому сроку тебе нужны деньги?

Я почти всхлипываю от облегчения. Маме будет урок, если в итоге ее спасут деньги Синтии. Научится не судить книгу по обложке.

— Точно не знаю. Думаю, скоро.

— Мне понадобится пара часов. Джек сейчас на охоте, представляешь? Лисы, гончие и все такое. Они с друзьями возомнили себя англичанами. — Она фыркает и возвращается к

теме. — Не знаю, сколько у меня на личном счете, но не волнуйся. Все будет в порядке.

Я сжимаю трубку, не в силах говорить от переполняющей благодарности.

— Можешь сказать, что случилось? — тихо и обеспокоенно спрашивает Синтия.

Я качаю головой и только потом вспоминаю, что собеседница меня не видит.

— Вообще-то, нет.

— Ничего. Держись. Я скоро перезвоню.

— Спасибо, — шепчу в трубку, прежде чем нажать отбой.

Я вздыхаю, глубоко и судорожно, пытаюсь очистить сознание. Затем иду в ванную, моюсь и переодеваюсь. Каждодневный ритуал привносит частицу нормальности в мое нереальное утро и успокаивает напряженные нервы. Однако мысли по-прежнему суматошно крутятся в голове. Что, если прямо сейчас мое видение сбывается? Что, если мама в этот самый момент сидит в комнате и ждет спасения? Могла ли я это предотвратить? Не поведи я себя как испорченный ребенок, мы бы вернулись домой вместе, и она была бы в безопасности. Или ее все равно бы похитили? Мой разум продолжает задавать вопросы без ответов.

Я заканчиваю возиться в ванной и отправляюсь на кухню, где нахожу Коула, наливающего еще чашку кофе.

— Я сбегал вниз, пока ты была в ванной. Твой самый преданный поклонник передает привет и шлет завтрак. — Он указывает на стол, где примостились два толстых поджаренных кусочка хлеба.

Я удивленно распахиваю глаза:

— Он починил тостер!

Коул улыбается:

— Нет, просто заказал новый.

Я от души смеюсь и сажусь за стол, хотя знаю, что не смогу заставить себя проглотить ни крошки.

Коул смотрит на меня, и я таки беру тост и откусываю кусочек. Желудок сжимается, но я отважно проглатываю хлеб, запивая его кофе, и слабо улыбаюсь Коулу. Он садится напротив, и меня вдруг осеняет.

— Прошлой ночью ты сказал, что хочешь о чем-то поговорить. О чем?

Коул хмурится:

— О письме. Не уверен, что сейчас подходящий момент...

— Нет, давай, — говорю ему, хотя в глубине души желаю больше никогда не слышать о письме. — Мне нужно отвлечься, иначе свихнусь.

— Прежде всего, я хотел бы извиниться за скрытность. Общество требует защищать экстрасенсов. Они очень серьезно относятся к конфиденциальности. Но мне следовало тебе довериться.

Он смотрит на меня, и я киваю. Мне тоже следовало ему довериться.

Коул продолжает:

— Один из наших исследователей порвал с Обществом. Он из числа тех, кто выступает против того, чтобы обучать экстрасенсов управлять способностями. Вроде как это исказит результаты тестов. Ему плевать, если несчастные сойдут с ума, пытаюсь следовать его указаниям. Он пробовал завербовать меня и не очень хорошо воспринял отказ. Я прибыл в Штаты отчасти потому, что друзья пытались меня уберечь. Этот человек уехал на летние каникулы, и никто из нашего круга не знал о его местонахождении. До письма.

Я вспоминаю:

— Там говорится, что ты его побил. Поэтому он плохо воспринял отказ?

Коул вроде смущается.

— Вообще-то, я его не избивал. У моего друга склонность преувеличивать. Доктор Бойл пытался меня задержать, и я его ударил.

Я улыбаюсь, представив, как тихий послушный Коул кого-то бьет.

— Как, по-твоему, он тебя нашел?

Коул пожимает плечами:

— Не уверен, что он меня нашел. Мы держали мое местонахождение в строгом секрете и пустили слухи, что я еду в Швейцарию. Одна из причин, почему я остановился у мистера Дарби, — весьма отдаленные отношения. Кто бы меня ни выследил — ему не поверят.

— А что ты думаешь?

Мгновение он размышляет.

— Что доктор Франклин Бойл — очень амбициозный человек, способный на все. У него и его теории оказалось больше сторонников, чем мы полагали.

— И каков его план?

Коул качает головой:

— Общество не знает точно. Бойл набирает не обученных экстрасенсов, которые не в курсе, насколько он бывает жесток, если чего-то хочет.

Я вспоминаю, что доктор Беннет говорил об Обществе и киваю:

— Так вот...

Меня прерывает звонок. Мы оба застываем, дыхание застревает где-то у меня в горле.

Сжав мою руку, Коул шепчет:

— Надо ответить.

И встает, увлекая меня следом. Мы спешим в гостиную, и каждая трель током пробегает по моему позвоночнику. Коул кивает, я беру трубку, и он наклоняется, чтобы слышать беседу.

— Алло?

— Анна! Я говорил с дядей Жаком. Ты в порядке?

— Это Оуэн, — беззвучно говорю Коулу.

Он хмурится, но не отодвигается от телефона.

— Я в порядке. Со мной Коул.

Повисает пауза.

— Хорошо. Я рад, что ты не одна. Хочешь, я приду?

— Не надо. Не хочу, чтобы похитители что-то заподозрили.

— Поверить не могу. Есть предположения, кто это может быть?

— Нет. Не особо. Твой дядя нанял частного сыщика после покушения на меня. Сегодня он собирается встретиться с ним и собрать половину требуемой для выкупа суммы.

Молчание длится так долго, что я решаю, будто звонок сорвался.

— Оуэн?

— Прости. Просто удивился. Не знал, что у дяди Жака столько денег.

Я бью себя рукой по лбу. Не стоило мне болтать. Может, есть причина, почему Жак так долго не общался с семьей. Не зная, как исправить промах, я замолкаю.

— Я приеду, как только смогу. Знаю, что ты не одна, но правда хочу быть с тобой. Мне придется кое-куда заехать по пути, но в течение часа я появлюсь.

Я не успеваю возразить: Оуэн уже повесил трубку. Почему-то мне не кажется хорошей мысль свести их с Коулом в одной комнате. И судя по тому, как последний стискивает челюсть, он со мной согласен.

Я вешаю трубку на рычаг.

— Я должна что-то предпринять. Когда мы передадим деньги, я прослежу за похитителями.

Коул разворачивается и хватается меня за руки:

— Не позволю тебе подвергать себя такой опасности. А вдруг твоё видение правдиво?

Я смотрю на него, затем выдыхаю:

— Я тоже не хочу так рисковать. Но ты не понимаешь. Они похитили маму, потому что не получили меня. Из-за того, что я сделала прошлой ночью. Из всех вариантов я выбрала именно этот. Я должна ей помочь.

— Может, мы ей лучше всего поможем, если привлечем полицию?

Я качаю головой:

— Я читала газеты. Если обращаешься в полицию, почти нет шансов на возвращение заложника. Я должна что-то сделать. Кроме того... — Я закусываю губу и замолкаю.

— Кроме того?..

— Ничего. — Я дарю Коулу слабую улыбку.

Я молчу, но в глубине души знаю, что мама ждет меня — как всегда.

Ждет, когда я приду и освобожу ее.

Следующий час я беспокоюсь хожу по комнате, ожидая визитера или телефонного звонка. Однако когда в дверь наконец стучат, застываю, боясь ответить. Глянув на меня, Коул осторожно приоткрывает створку:

— Кто вы?

Я никогда еще не слышала у него такого повелительного тона, но у пришедшего голос не только не менее повелительный, но еще и пугающе властный:

— Мне нужно поговорить с Анной Ван Хаусен. Меня прислала Синтия.

Опознав гостя, я спешу к порогу и распахиваю дверь настежь. Да, это Арнольд Ротштейн.

— Огромное спасибо, что пришли.

Я впускаю его в комнату и твердо смотрю на Коула. Он озадаченно хмурится. Наверное, надо было рассказать, что попросила остаток суммы у Синтии, но я понятия не имела, что она пришлет своего дядю.

Он садится на самый ближний к двери стул. Я пристраиваюсь на углу дивана, а Коул остается стоять у выхода. Заметив, что дядя Арни то и дело посматривает в его сторону, я взглядом указываю Коулу на место возле себя. Он подчиняется с по-прежнему смущенным видом: явно ощущает мое облегчение и в то же время тревогу.

Дядя Арни расслабляется и переходит к делу:

— Итак, Синтия сказала, у тебя проблемы, и тебе прямо сейчас нужны пять кусков.

Я киваю и невольно смотрю на принесенную им черную докторскую сумку. Что там? Деньги, оружие или?..

— Еще она сказала, что ты отказалась объяснять, зачем тебе деньги. Но мне-то скажешь?

Он впивается своими черными пронзительными глазами в мое лицо, и я киваю. Конечно, скажу.

— Мою мать похитили. Не знаю, кто именно, но они требуют солидный выкуп.

Арни вытаскивает из кармана сигару и вопросительно приподнимает бровь. Я киваю:

— Да, пожалуйста.

Будто я могу что-то ему запретить.

Жду, пока он раскурит сигару.

— И ты собираешься заплатить. Разве это не рискованно?

Я поворачиваюсь к Коулу:

— Ты не мог бы принести мне стакан воды? Со льдом. Там оставалось в морозилке. Наколи немного.

Коул, кажется, хочет поспорить, но еще раз глянув на меня, склоняет голову и идет на кухню.

Ротштейн терпеливо ждет, попыхивая сигарой, словно мы тут мило беседуем. Вот только он без сомнения самый осторожный человек, которого я только встречала.

— Я не собираюсь просто отдавать им деньги, — тихо говорю ему. — Я пойду за ней.

Дяди Арни не меняет выражение лица — разве что глаза чуть прищуривает.

— Это разумно?

Шестое чувство подсказывает: от моего ответа зависит, оставит он мне сумку с

деньгами или нет. Я склоняюсь к Арни:

— Никто не сможет лучше организовать ее побег. Я могу вскрыть замок, проникнуть почти куда угодно и выйти оттуда незамеченной, а еще очень, очень хорошо управляюсь с ножами.

Он моргает — единственное свидетельство удивления. Затем поднимается, будто что-то для себя решил, и я тоже встаю.

— Желаю удачи, — говорит. — Она тебе понадобится. Но надо обговорить несколько моментов.

Как раз в этот момент заходит Коул. Я механически беру у него стакан, но сама не отрываю взгляда от дяди Арни.

— Мои люди проверили периметр вокруг твоего дома. Мы не обнаружили никакой слежки, но это не значит, что позже она не появится. Синтия не пришла лично, потому что я ей запретил. Если что-то пойдет не так: она не при делах, и я никогда сюда не приходил.

Он буравит меня глазами, и я киваю, ощущая, как по спине прокатывается дрожь.

— Что ж, тогда мы все уладили.

Он идет к двери, оставив черную сумку у стула.

— Простите, вы забыли...

Я хватаю Коула за руку, призывая заткнуться. Он повинуется, хотя донельзя встревожен.

— Спасибо, мистер Ротштейн. — Я открываю дяде Арни дверь. Он надевает шляпу и выходит на площадку. — Но вы сказали, что хотите обговорить несколько моментов. А означили всего два.

Он оборачивается и дарит мне широкую улыбку:

— Если когда-нибудь устанешь от своих магических шоу — позвони мне. Ты стала бы чертовски полезным помощником в моем деле.

Затем касается полей шляпы и легко сбегает вниз, где его ждет один из подручных.

Я захлопываю дверь и прислоняюсь к ней, тяжело дыша.

— Что это было? — спрашивает Коул. — Кто этот человек, и почему он оставил сумку?

— Это дядя Синтии, глава одной из крупнейших криминальных организаций в стране. В сумке пять тысяч долларов.

Коул застывает с вытаращенными глазами. Затем пару раз сглатывает.

— Понятно.

Так я и думала. Но просто киваю и снова мечусь по комнате.

Звонит телефон. Это Жак. Оказывается, Джоанну Линдсей действительно взяли под стражу.

— Ее вообще перевезли в Белвью для дальнейшего расследования. Ее дочь все время была с ней.

— Значит, это тупик, как мы и думали. — Ожидаемо, но сердце все равно падает. Теперь у нас нет даже догадок о личности похитителя. — Что еще сказал сыщик? Есть что-то новое о моем похищении?

— Похоже, полиция обнаружила брошенный молочный фургон ниже по реке, недалеко от места, где тебя нашли. Его украли из компании по доставке, но подозреваемых нет.

Очередной тупик.

— Что-нибудь еще?

— Нет, *cherie*. Мне очень жаль. Я заеду в банк, затем вернусь в квартиру. Будь осторожна, oui?

— Буду, — обещаю я и быстро вешаю трубку.

Снова стук в дверь. Пульс колотит в ушах, но затем я слышу голос Оуэна:

— Анна, это я.

Я открываю, и он быстро меня обнимает.

— Есть новости?

Коул рядом напрягается, но сейчас у меня нет времени об этом переживать.

— Нет, ничего.

Оуэн снова меня обнимает, и Коул прокашливается.

— Так говоришь, Жак едет сюда? — переспрашивает он.

Я киваю.

Коул оглядывает Оуэна темными загадочными глазами.

— Спустишь вниз, приведу себя в порядок. Побудешь с Анной, пока твой дядя не вернулся?

— Я никуда не уйду, — обещает ему Оуэн.

Коул уходит, и я запираю за ним дверь.

— Хочешь кофе? — предлагаю Оуэну.

Он кивает:

— Похоже, тебе он тоже не помешает.

Мы перебираемся на кухню. Оуэн жестом показывает, мол, садись, затем разогревает кофе, что ранее заварил Коул. Боль пульсирует за глазами, и я тру виски. Оуэн садится напротив, в голубых глазах плещется тревога. Я с улыбкой принимаю у него чашку, затем хмурюсь, заметив, что его галстук криво повязан, а светлые волосы взъерошены. Горло перехватывает. Похоже, Оуэн бежал.

Он отпивает кофе.

— Не пойму, что ты нашла в этом парне. Что нам вообще о нем известно?

Я хмурюсь. Ну почему он вечно так себя ведет? Стоит мне проникнуться к нему теплом и нежностью, как Оуэн обязательно что-нибудь испортит.

— Коул? Не знаю, что тебя не устраивает, я ему полностью доверяю.

Он вздыхает и вроде раскаивается:

— Прости. Просто я так ревную, что не могу ясно мыслить. Все пытаюсь показать, что к тебе чувствую, но я такой болван, что получается плохо.

Я качаю головой:

— Не думаю, что сейчас подходящее время.

— Постой. Дай скажу, пока не струсил. Думаю, из нас вышла бы потрясающая пара. Мы могли бы быть партнерами на сцене и вне ее, путешествовать и...

Я трясую головой, и Оуэн накрывает мою ладонь своею. Я ясно ощущаю его волнение.

— Прости. — Голубые глаза печальны. — Я знаю, что не вовремя. Вернемся к этой теме позже.

Я снова качаю головой. Пусть я новичок в отношениях, но невзирая на красоту и веселый нрав Оуэна, уверена, что никогда не увижу в нем больше, чем просто друга. Я мягко отнимаю руку.

— Нет, у нас ничего не выйдет. Прости.

И чувствую удар такой ярости, что, кажется, ахаю вслух.

— Дело в этом англичанишке, да? — Низкий голос Оуэна вибрирует от злости.

У меня дрожат руки. Я подношу чашку к губам и осторожно отпиваю.

— Нет, нет. Конечно, нет. Просто...

— Знаешь, забудь. Не стоило мне болтать.

Его эмоции стихают, но все равно обжигают кожу, точно крапива.

Я встаю, иду к раковине и выливаю кофе. Желудок сжимается. Повисает неловкое молчание. Я хочу что-то сказать, но не могу — слишком устала и встревожена.

Стук в дверь спасает меня от пустых попыток. Я смотрю на Оуэна, но тот мрачно гипнотизирует свою чашку. Иду в прихожую.

— Кто там?

— Жак.

Я его выпускаю. Он снимает пальто и стряхивает с него капельки воды.

— Льет как из ведра.

Появляется Оуэн, и Жак кивает племяннику.

— Мне надо уйти, — натянуто говорит тот. — У меня есть кое-какие дела, но позже я вернусь.

— Спасибо, что пришел...

Я осекаюсь, сбита с толку исходящими от него беспорядочными эмоциями. Сосредотачиваюсь так, что пот выступает над верхней губой. Какая-то... тайна. Сердце частит, и меня прошибает холодный пот. Оуэн что-то скрывает.

Дрожа, протягиваю к нему еще одну нить, пытаюсь разобраться в его чувствах, но не могу сконцентрироваться. Оуэн стискивает зубы — явно волнуется. Злитесь из-за нашего разговора или чего-то еще?

Он шагает к двери, и меня охватывает паника. Я должна выяснить, что ему известно, что он замышляет!

— Уверен, что не хочешь подождать с нами? — спрашиваю в отчаянии.

— Извини, Анна. — На секунду мне кажется, что его красивые черты искажает искреннее сожаление, но затем Оуэн трясет головой. — Я вернусь как можно скорее.

И уходит, тяжело сбегая по лестнице. Я выхожу следом, но уже поздно — хлопает парадная дверь.

Из жилища мистера Дарби выходит Коул и взлетает через ступеньку, словно чувствуя мое беспокойство.

Я спешу в квартиру и снова начинаю метаться по гостиной. Почему Оуэн позвонил Жаку именно сегодня? Почему так взъерошен? Что он скрывает? Коул и Жак наблюдают за мной: Жак с бесконечной печалью, Коул — с тревогой.

— Что случилось? — наконец напряженно спрашивает последний.

Я колеблюсь. Как отнесется Жак к обвинениям в адрес своего племянника? Определенно, сейчас не время ранить его чувства. Но как мне объяснить свои подозрения, не выдав собственную тайну?

— Думаю, нам надо проверить другие варианты, раз Линдсей отпадают. — Я поворачиваюсь к Жаку: — Как хорошо вы знаете Оуэна?

Странно, но он и бровью не ведет.

— Я знал его ребенком, но, разумеется, не взрослым. Редко приезжал в Бостон. А что?

Коул смотрит на меня, пытаюсь понять, к чему я клоню.

— Он странно себя сегодня вел.

Не особо веский довод, но ни один из мужчин не спорит с моей оценкой.

Жак кивает:

— Я звонил сестре несколько недель назад. Похоже, мой племянник — как вы это называете? — паршивая овца в семье. Был какой-то скандал с дочкой босса и кучей долгов, но сестра не захотела распространяться. Вообще упомянула об этом в надежде, что я окажу на него благотворное влияние.

— И вы не предупредили Анну? — спрашивает Коул.

— Я сказал ее матери и думал, она передала.

Я вспыхиваю. Нет, мама мне не сказала — так она и о многом другом умолчала. Я трясую головой. Неважно. Главное — найти ее.

Вот найду — и в подробностях расскажу, что думаю о ее поведении.

— Что еще вам о нем известно? — спрашиваю, пытаюсь сосредоточиться на текущей задаче. — Он упоминал каких-нибудь друзей? Знаете, где он живет?

— После звонка сестры, я навел справки. Все эти рассказы про серьезную работу в банке — пустышка. Он там просто мальчик на побегушках.

Я расхаживаю по комнате, прокручивая в голове разговоры с Оуэном. Я даже не помню имен людей, с которыми познакомилась в «Коттон-Клабе». Затем вспоминаю танец и краснею. Оуэн же не может быть причастным, правда? Но он сегодня так подозрительно себя вел...

Надо узнать. Собравшись с духом, иду к телефону и набираю Синтию.

— Мне надо поговорить с твоим дядей. Мне нужна одна услуга.

— Ты же знаешь, что он может потребовать плату, — произносит Синтия после паузы.

— Знаю.

— Жди звонка. — И вешает трубку.

Жак выглядит смущенным.

— Не спрашивайте, — говорит ему Коул. — Вы не захотите знать.

Телефон звонит практически тут же. Это не дядя Синтии, а какой-то человек с тяжелым акцентом. Задает мне несколько кратких вопросов, и я рассказываю все, что знаю об Оуэне Винчестере. А положив трубку, поворачиваюсь к Коулу и Жаку:

— Теперь ждем.

Следующий час тянется медленно. Коул пытается заставить меня поесть, я качаю головой и все тасую карточную колоду. Жак делает вид, будто читает вчерашнюю газету, но страницы не переворачивает. Когда телефон снова звонит, я уже готова кричать от напряжения.

— Алло?

— Мои люди проверили твоего парня. Он просто нечто.

Я не трачу время на объяснения, мол, Оуэн мне не парень.

— Слушаю.

— Во-первых, он женат. Ты знала?

Я закрываю глаза и вспоминаю, сколько раз чувствовала от него запах духов. И та женщина в клубе.

— Нет, но это многое объясняет.

— Еще он многим задолжал и, похоже, по счетам платить не любит. Очень опасная привычка, как по мне.

— Где он живет?

Под диктовку дяди Арни я записываю адрес Оуэна.

— Будь у нас побольше времени, я бы выяснил, какой помадой он пользуется, но это

все, что можно нарыть за такой короткий срок.

— Более чем достаточно, — уверяю я, вешаю трубку и поворачиваюсь к Коулу и Жаку:

— У меня есть адрес. Едем.

— Подожди, — вмешивается Коул, но я не даю ему договорить.

— Нет, я устала ждать! Что, если Оуэн действительно стоит за похищением? Надо выяснить наверняка.

Неужели они не понимают, что мама может пострадать? Перед глазами встает комнатка с деревянными стенами. А если в эту самую минуту мама сидит там, напуганная, раненая?

Коул уже открывает рот, чтобы возразить, но его прерывает трель телефона. На мгновение мы замираем, затем я кидаюсь к аппарату. Наверное, дядя Арнольд еще что-то нашел.

— Алло?

— Деньги собрала?

Я сжимаю трубку крепче. Комната кружится перед глазами.

— Да, — выдавливаю, обретая дар речи. — Но откуда мне знать, что вы вернете маму, когда получите выкуп? — Я не собираюсь торговаться с похитителем, лишь хочу поговорить с ним подольше, вдруг узнаю голос.

— Пожалуй, придется поверить мне на слово. — Речь приглушена, но я уверена: это один из тех, кто пытался похитить меня.

Внутри вспыхивает гнев.

— Верить такой сволочи, как ты? Если хочешь деньги, придется прислать мне доказательство, что моя мама все еще... — Я сглатываю, борясь с тошнотой. — ...Жива.

— Не принесешь деньги в указанное время в указанное место — она умрет.

— Но я же не знаю, куда и когда!

— Узнаешь. Посмотри за дверью.

— Подождите!

В трубке щелкает. Слишком поздно. Я закрываю глаза и указываю на дверь. Жак кидается туда, а Коул — ко мне. Я кладу трубку и прижимаюсь к нему, радуясь, что не одна.

Жак наклоняется и приносит конверт. В этот раз Коул не пытается выследить гонца. Послание могли оставить в любое время, пока я разговаривала по телефону, и никаких следов наверняка не осталось.

Письмо краткое: место, время и требование прийти одной.

Я смотрю на Жака. Его глаза полны боли. Коул же встревожен.

Пора вернуть маму домой.

— Который час? — в сотый раз спрашиваю Жака.

Он снова достает из кармана часы:

— Девять сорок пять.

Мы сидим на заднем сидении его машины в паре кварталов от условленного места. Предполагается, что остаток пути я пройду одна, чтобы ввести в заблуждение похитителя.

— Уверена, что хочешь это сделать? — уточняет Жак.

Я киваю. А как иначе? Единственная зацепка — это явная причастность Оуэна, хотя мне трудно представить, как такой хлыщ мог спланировать похищение. Видимо, его актерские способности лучше, чем казалось. Но зачем ему это устраивать? Ради денег? Неужели желание выпендриться перед отцом стоит подобного риска? Я закрываю глаза и вспоминаю, как меня запихивали в грузовик. Должно быть, Оуэн все подстроил, включая удар в челюсть. Желудок сжимается в узел, и я жалею, что Коула нет рядом. Он наблюдает за домом Оуэна и проследит за ним до места, где они держат маму. Из моего видения следует, что она не в жилом помещении. Таким образом, если Жак меня потеряет, то Оуэн приведет Коула прямиком в логово.

Я смотрю на профиль Жака и осознаю, что почти не знаю этого француза.

— Можно вопрос?

Он поворачивается:

— Конечно.

— Я видела, как пару недель назад вы выбежали из нашего дома, но к маме тогда не заходили. Почему?

Жак отводит взгляд:

— Она сказала, что я слишком настойчив. Приходится думать дважды, прежде чем прийти к ней. В тот раз я решил не испытывать судьбу.

— Извините.

Жак пожимает плечами, и уголок его губ приподнимается в улыбке.

— Одна из многих причин, почему я ее люблю. С ней всегда сложно.

Хорошо ему говорить. Гораздо труднее жить с этими сложностями, когда ты дочь их обладательницы. Я закрываю глаза и глубоко вздыхаю.

— Пора, — сообщает Жак.

Я открываю глаза и киваю.

Он сжимает мою ладонь:

— Удачи, Анна. Верни ее домой.

Я пожимаю его руку в ответ. Действительно здорово, что Жак на нашей стороне, но выходя из машины и шагая вдоль зданий, я гадаю: сознает ли он, во что ввязался, влюбившись в мою маму?

Однако сейчас не время об этом переживать. Я слышу, как позади хлопает дверца: это Жак оставляет свой автомобиль и садится в кэб, который нанял, чтобы Оуэн его не опознал.

Я поворачиваю за угол, крепко сжимая саквояж с деньгами. На мне темное пальто, шляпа и, к вящему недовольству Жака, шерстяные штаны. Коул позаимствовал их для меня у своего дяди. И правда, не в платье же идти. Так теплее и удобнее двигаться. И есть куда спрятать нож и отмычку. Еще одна спрятана под волосами у меня за ухом. Операция по

спасению мамы спланирована очень тщательно. Остается молиться, что мы все предусмотрели.

Я иду не торопясь, но сердце грохочет так, что едва слышу собственные шаги. Похититель знал, что делает — на улицах ни души. Я уже почти на месте, когда где-то слева скрипит дверь. Ускоряю шаг и вижу, как мужчина выталкивает на улицу плачущую женщину. Она ниже меня, ее светлые волосы сияют в свете фонарей. Знаю, надо идти дальше, но спрашиваю:

— Вы в порядке?

Она оборачивается и рыдает еще громче:

— Помогите мне...

Затем падает на землю, и я кидаюсь к ней.

Кто-то зажимает мне рот, обхватывает за талию и тащит в проулок. Я бью локтем вверх, попадаю — но тут меня впечатывают в кирпичную стену. Вспышка боли, и последняя сознательная мысль: *«Пожалуйста, пусть это окажутся похитители, а не какие-нибудь случайные воры».*

* * *

Когда прихожу в себя, начинает сбываться мой сон. Я лежу на грубых досках, на стене играют тени. Один глаз заплыл, и каждый удар сердца болью отдается в голове. Веревки впиваются в запястья и лодыжки. Вонь от отбросов и гнилой рыбы так сильна, что меня едва не выворачивает.

Сзади кто-то шевелится, я задерживаю дыхание, а потом узнаю...

Мама!

Пытаюсь пошевелиться, но со лба течет пот, и меня мутит. Я закрываю глаза и конвульсивно сглатываю.

— Мама? — Я словно в одной из бесчисленных темных комнат, и приходится гадать, здесь она или нет.

— Ш-ш. Говори потише. Нельзя, чтобы охранник понял, что ты очнулась.

Я стискиваю зубы, борясь с головокружением и тошнотой, и, с трудом сев, приваливаюсь к стене. Неглубоко дышу, пока мир вокруг не перестает кружиться. Глаза привыкают к тусклому свету, что проникает сквозь щели в деревянных стенах, и я наконец замечаю маму, скрючившуюся в углу напротив.

— Ты в порядке?

— Ты цела?

Я чуть улыбаюсь и отвечаю первой:

— Меня вырубил о кирпичную стену, но думаю, справлюсь.

— Я замерзла, проголодалась и в ярости, но в целом в порядке. — Мама молчит, затем добавляет: — Оуэну не жить, если я до него доберусь.

Значит, все-таки Оуэн. Я подозревала, но все равно меня будто ледяной водой окатывает. Сердце ноет, и я понимаю, как же хотела ошибиться в своих догадках.

— Ты его видела?

— Однажды. В основном сюда приходит его стерва жена.

Итак, жена тоже в деле. Интересно, а она в курсе, что Оуэн предлагал мне стать партнером? Если придется, я разыграю эту карту.

— Охрана с ней приходит?

— Только один человек. Я уговорила его дать мне одеяло, еды и воды.

Я улыбаюсь в темноте. Ну естественно.

— Я оставила тебе немного.

— Немного чего?

— Воды.

У меня перехватывает дыхание.

— Так ты знала...

— Что ты придешь? Конечно.

Я слышу, что она улыбается, и на глаза наворачиваются слезы. Хочется так много сказать — как я ее люблю, как сержусь на нее, какая она замечательная, какая эгоистка, — но сейчас не время. Может, потом придется еще годы ждать подходящего момента, но если я нас не вытащу, то он вовсе не настанет.

— Где охранник? И есть соображения, где нас держат?

— Охранник прямо за дверью. Насколько могу сказать, мы в заброшенном пакгаузе у реки. Они завязали мне глаза, но я почуяла запах доков. Думаю, мы на складе.

Меня охватывает гордость. Может, мама и была напугана, но все равно достаточно владела собой, чтобы подметить нужные детали. Похитители недооценили женщин Ван Хаусен.

— Дверь заперта? — спрашиваю я.

— Да.

— Твои ноги и руки связаны?

— Да, веревкой.

— Ты к чему-нибудь привязана?

— Нет.

Я проверяю путы на руках. Кто бы их ни завязал, в этот раз он лучше постарался. Вероятно, я могу высвободиться, но в нынешнем состоянии это отнимет слишком много сил, и защитить себя или маму уже не получится.

— Можешь подползти ко мне?

Вместо ответа слышу, как что-то шуршит по полу в моем направлении.

— Недавно сюда заявился Оуэн, но потом ушел. Думаю, сейчас за дверью только охранник.

Мама подползает ближе, и я наклоняюсь к ней:

— Мой нож в заднем кармане брюк. Нам надо сесть спиной к спине.

— Ты в брюках? — только и спрашивает она, а затем мы устраиваемся как надо.

После нескольких попыток, мама достает нож. Слава богу, обыскать меня не догадались.

Мама вкладывает нож мне в пальцы.

— Отклонись.

Не задавая вопросов, она отстраняется, и я одним движением открываю «бабочку».

— Теперь снова наклонись ко мне, только медленно.

Мне надо разрезать путы, а не ее руки.

Двигаясь на ощупь, я просовываю лезвие меж веревок и начинаю пилить. Веревка не толстая, и вскоре все готово.

Действие меня вымотало, и я просто сижу, привалившись к стене, пока мама разрезает путы у себя на ногах.

Затем становится на колени рядом со мной и осторожно касается моего лица:

— Господи, а ты ведь не шутила насчет кирпичной стены.

Я качаю головой, о чем тут же жалею — боль пульсирует в висках. Не трата слов, мама освобождает мои запястья и лодыжки.

— Погоди. — Она встает и осторожно разминает затекшие мышцы. — Тебе нужна вода.

И приносит мне небольшую жестяную кружку. Я осторожно отпиваю — не хочу, чтобы меня вывернуло. Комната по-прежнему кружится, а желудок сжимается от страха. Ну и как мне вытащить нас на свободу, если я не уверена, что смогу встать?

Раздается треск рвущейся ткани, и мама на миг забирает у меня кружку. А когда отдает обратно, промокает мне лоб и щеку холодной влажной тряпкой. Я закрываю глаза и пытаюсь выровнять дыхание. Кажется, помогает.

— Что теперь? — спрашивает мама.

Я снова глубоко и осторожно вздыхаю.

— Надо выбирать.

— Как?

Я бы улыбнулась, не боли лицо так сильно. Мама не колеблется и не тратит время на стоны. Ее во многом можно упрекнуть, но Мэгали Моше из породы живучих.

— Садимся обратно по местам и делаем вид, будто все еще связаны. Отвлекаем внимание охранника и действуем по обстановке.

Мама кивает и возвращается в свой угол. Я ложусь, осторожно пряча веревки под себя, и стараюсь не думать, что будет, если вдруг все пойдет не так — к примеру, Оуэн вернется, или у охранника окажется пистолет. И почему я не уточнила это у мамы? Теперь уже поздно. Она кивает мне и начинает всхлипывать.

Итак, к спектаклю готовы.

Мама набирает воздуха в грудь:

— Джозеф! На помощь! Пожалуйста!

Ее голос полон ужаса. Иногда я забываю, какая она хорошая актриса. Ключ скрежещет в скважине, скрипит дверь. Я моргаю, ослепленная внезапным светом.

Входит мужчина в темной одежде:

— Ну чего ты теперь ноешь?

По легкому акценту я узнаю одного из моих прежних похитителей.

— Моя дочь — кажется, она мертва. Вряд ли вам это надо, да? Как вы получите у ее отца деньги, если она умрет?

Я едва не вздрагиваю, но сдерживаюсь. Разумеется, мама донесла до них мысль, что живая я гораздо ценнее.

Охранник поворачивается ко мне, и мое сердце бьется чаще. Лицо мамы за спиной похитителя белое и испуганное, но также полно решимости. Я жду, когда мужчина наклонится, даю маме сигнал вытянутой рукой: кулак, три пальца — начинаем.

Безмолвной молнией она пролетает через комнату и накидывает веревку на шею охранника. Я изворачиваюсь, сбиваю его с ног и усаживаюсь сверху, приставив нож к горлу.

— Пикнешь — перережу голосовые связки, — шепчу. — Понял?

Он слегка кивает. Судя по взгляду, прекрасно понял.

Пока мы с Джозефом обмениваемся любезностями, мама ловко его связывает.

Я убираю нож.

— Вам не уйти, — рычит охранник. — Босс вот-вот вернется.

Мама протягивает руку, и я даю ей нож. Она наклоняется, отрезает полоску ткани от нижней юбки, комкает и затыкает Джозефу рот.

— Слишком много болтаешь. — И прежде чем уйти, со всей силы пинает его под ребра. — До свиданья, милый.

Я округляю глаза, но ничего не говорю — слишком занята тем, чтобы сохранять вертикальное положение.

— Идти можешь? — Мама прячет нож в карман и берет меня под руку.

— Думаю, да.

У двери мы замираем и прислушиваемся. Тихо. Переступив порог, я быстро оглядываю соседнюю комнату. Похоже, мы в офисе бывшего пакгауза. Несколько широких столов по периметру и большое окно в одной из стен — наверняка выходит на остальную часть склада. Все покрывает толстый слой пыли.

— Сюда, — киваю я на дверь справа. — Думаю, она ведет наружу. Другая, наверное, вниз в...

Сердце подскакивает к горлу. Снаружи доносится какой-то шум.

Мама хватается за руку и тащит к двери напротив. Очутившись в темноте, мы едва не падаем со ступеней. Я цепляюсь за стену и спешу за мамой. Внизу мы останавливаемся, инстинктивно чураясь крошечной тьмы, но, заслышав наверху крики, бросаемся вперед, мгновенно ослепнув.

Теперь идем медленнее, держась за руки, пока не нащупываем стену. Начинаем осторожно искать дверь.

Сердце дико стучит, во рту сухо. Если не найдем путь наружу, то очутимся в такой же ловушке, в какой и сидели. Я больно ударяюсь обо что-то голенью и застываю, когда какой-то металлический предмет с грохотом падает на пол.

Дверь наверху внезапно распаивается. Мы с мамой замираем.

— Выходите, выходите, где бы вы ни были, — нараспев произносит Оуэн.

Над головой вспыхивает лампа, заливая нас золотистым светом. Оуэн стоит наверху, целясь из пистолета.

— Доставай наручники, — приказывает он кому-то позади себя, медленно спускаясь вниз. — Посмотрим, как она из них выберется.

Оказавшись рядом с нами, он идет не ко мне, а к маме. Приставляет пистолет к ее голове и улыбается. Знает, что я ничего не сделаю, пока ей грозит опасность. Поверить не могу, что считала его милым.

— Руки за голову.

Я медленно подчиняюсь, словно невзначай проведя за ухом. Прячу в ладони отмычку, не сводя с Оуэна глаз. И ошарашено смотрю на вооруженную женщину, которая спускается по лестнице. Та самая, что работала у мистера Дарби.

— Надень на нее наручники, — приказывает Оуэн.

Она хватается за руки и заводит их мне за спину.

— О, как великие терпят крах.

— Заткнись, Лоррен, — рывкает Оуэн, и она поджимает губы. — Отведи ее мать наверх и запри с Джо. Ему понравится.

— С удовольствием.

Глядя, как Лоррен связывает маму, я чуть не плачу. «Прости», — говорю ей одним взглядом.

Но мама с холодным презрением смотрит на похитителей и произносит:

— У вас ничего не получится. Вы оба слишком тупые.

Лоррен бьет ее по лицу, и я морщусь.

— Встретимся у лодки, — говорит жене Оуэн и поворачивается к двери всего в паре шагов от того места, где стоим мы с мамой.

Так близко.

Он молча открывает дверь и выталкивает меня наружу. Ледяной ветер приятно остужает мое опухшее лицо. Оуэн ведет меня по длинному доку, а я лихорадочно пытаюсь придумать, чем же можно помешать. Вот бы Коул появился. Или Жак. Кто угодно! Тут меня осеняет, и я спотыкаюсь. Коул! Я ни разу не пыталась связаться с ним, но он же слышал мой безмолвный крик в кошмаре. Господи, неужели это случилось лишь утром?

Я отчаянно посылаю к нему ниточку, но сосредоточиться трудно, ведь я не знаю, где именно он сейчас. Может, попробовать что-то другое? Я быстро представляю, как от меня во все стороны расходятся лучи света, пытаюсь найти Коула, замедляю шаг, и Оуэн подталкивает меня сзади пистолетом:

— Быстрее.

Посылаю новый веер лучей. Пожалуйста, Коул, пожалуйста... Понятия не имею, получится ли у меня.

— А к чему спешка? — задаю резонный вопрос. — Разве мы не ждем Лоррен? Если только ты не решил ее надуть.

Оуэн молча снова подталкивает меня, и я иду дальше.

— Что вы собираетесь сделать с мамой?

— Не твое дело. Шагай.

Он словно защищается. Сожаление сжимает сердце. Зачем? Зачем симпатичному талантливому молодому человеку так поступать? Неужели дело правда в деньгах? Может, он просто заигрался? Я выбрасываю эти мысли из головы. Нельзя его жалеть. Надо найти способ спасти маму. В конце концов, Оуэн это заслужил. Он сам выбрал свой путь, как и я.

Сосредотачиваюсь, снова посылаю нити — и вдруг приходит ответ. Коул! Связь длится всего миг, но и этого достаточно. Он где-то здесь.

— Оуэн, зачем ты меня куда-то ведешь? Ты ведь уже получил деньги.

— Дело не только в них, — отвечает Оуэн несчастным, но решительным голосом. — Как ты не понимаешь? Я хочу тебя. Хочу славу и богатство, которые мне может принести дочь Гудини.

— Да он даже не знает, что я его дочь! — в отчаянии кричу я.

— Твоя мать тоже так говорит. Боже, она так удивилась, когда я рассказал ей, что ты бегала его проведать.

Значит, Оуэн или его жена за мной следили. Удивительно, как они не столкнулись с миссис Линдсей. Мы доходим до конца дока, где покачивается на волнах пришвартованная лодка. Я вижу, как какой-то мужчина выходит из тени и замедляю шаг.

— Отлично сработано, Оуэн. Честно говоря, я до конца не верил, что ты справишься, однако получилось.

При звуках британского акцента, что доносит до меня ветер, я замираю. И узнаю говорившего еще до того, как Оуэн произносит его имя.

— Спасибо, Франклин. Я же сказал, что смогу ее сюда привести.

Едва обратив внимание на самодовольство Оуэна, я сосредотачиваюсь на стоящем за ним человеке.

— Я всерьез сомневался в успехе после первого провала.

Мужчина подходит ближе. Мне даже смотреть не нужно, чтобы ощутить его триумф. И как я раньше не догадалась? Доктор Финнеас Беннет — доктор Франклин Бойл. Так очевидно! Где-то на краю сознания шевелится паника. Доверься я Коулу...

Набираю воздуха в грудь:

— Доктор Беннет. Или мне звать вас доктор Бойл? Что вам от меня нужно?

Он касается своей шляпы:

— Можете называть меня доктором Бойлом. Беннет я лишь для Новой Церкви. И без обид, мисс Ван Хаусен, но вначале вы были лишь средством для достижения иной цели.

Коул.

— Останься ты в молочном фургоне, ничего бы не произошло. Франклин поймал бы англичанишку, а тебя бы отпустили, — говорит Оуэн.

— А ты умнее, чем я ожидал, — с удивлением замечает доктор Бойл.

— Итак, вы похитили нас с мамой, чтобы добраться до Коула. Несколько чересчур, вам не кажется?

Это все неправда. Я на секунду закрываю глаза, надеясь, что, когда открою, все исчезнет.

Не исчезло. Оуэн по-прежнему стоит рядом с пистолетом в руке, а доктор Бойл все так же ждет появления Коула.

— Оуэн убедил меня, что Коул ни за что не согласится сотрудничать, если вам не будет грозить серьезная опасность.

— Оуэн вас убедил? — едко спрашиваю я. — Скорее уж вы его. Мы оба знаем, каким убедительным вы можете быть. Пожалуй, вы слишком хорошо о нем думаете!

Доктор Бойл пожимает плечами:

— Вы меня переоцениваете. С другой стороны, думаю, я недооценил вас. Теперь, когда понятно, насколько вы одарены, я решил и вас приобщить к моему делу.

Я замираю и едва осмеливаюсь дышать.

— Не понимаю.

— Думаю, понимаете, мисс Ван Хаусен. Не только мой тест указал на вас, но и реакция миссис Линдсей подтвердила догадку. Изначально я пытался привлечь ее в проект, слышал о ней очень хорошие отзывы, и она прошла все мои тесты. К сожалению, дама слишком повредила рассудком, как мы все видели в «Линди». Что до вас — вы не только талантливы, но и в здравом уме. Вы с Коулом станете ценными приобретениями для моей организации. И помните, я предлагал вам присоединиться по доброй воле.

Я начинаю дрожать, вспомнив письмо о девушке, сошедшей с ума после экспериментов доктора Бойла. На ее месте могу оказаться я. Или Коул.

— Франклин, мы так не договаривались. При первой встрече ты сказал, что я могу забрать Анну. Ты получаешь Коула, я — ее. — Оуэн говорит как капризный ребенок, чью любимую игрушку отбирают в песочнице.

Я краснею:

— Забрать меня? Как приз? И с чего же ты решил, будто можешь меня удержать?

Я чувствую покалывание в руках — Коул рядом. «*Нет!*» — кричу ему мысленно, посылая импульс такой силы, что удивительно, как доки не озарились светом.

Доктор Бойл внезапно смеется:

— А мисс Ван Хаусен права. Вряд ли ты сумел бы удержать ее надолго. Хорошо, что она уйдет ко мне. Так я буду спокоен за их хорошее поведение.

— Зачем вы это делаете? — Пусть болтает. Лишь бы не затаскивал меня в лодку.

— Скажем так: я истинный патриот. Когда Англия снова ввяжется в войну — а попомните мое слово, она ввяжется, — правительство будет более чем благодарно мне за предоставленные отряды тренированных экстрасенсов.

Меня охватывает ужас. Бойл так же безумен, как миссис Линдсей.

— Не бесплатно, разумеется.

— Разумеется, — пожимает он плечами.

— А в чем заключается роль Коула?

«*Говори, говори*».

— Коул — особый случай. При желании он способен вычислить экстрасенса в огромной толпе. К сожалению, он крайне высокоморальный, почти педантичный молодой человек. Но теперь у меня есть залог его повиновения.

Бойл улыбается, и у меня замирает сердце.

— Нет! Она моя! — кричит Оуэн, затем поворачивается ко мне. — Подумай, Анна, мы можем стать богатыми и знаменитыми. Путешествовать. Добиться огромного успеха. Просто поверь.

Глядя на отчаяние, написанное на его лице, я вспоминаю, как он мечтал с триумфом вернуться в Бостон.

— Между нами ведь явно что-то есть. Не следовало мне жениться на Лоррен. Огромная ошибка...

— Ах ты ублюдок!

Я оборачиваюсь и вижу, как Лоррен направляет пистолет на Оуэна. Потом вспышка — и жгучая боль сносит меня с дока.

Черная ледяная вода мгновенно заглатывает меня, лишает всех чувств. Ни малейшего проблеска света, лишь боль в плече и шок от холода. Неужели это конец? Неужели я видела свою смерть? Боже, что же станет с мамой? С Коулом? Я отталкиваюсь ногами, выныриваю на поверхность, набираю воздуха в грудь, но меня снова утягивает под воду течением. Рана истощает силы, тело охватывают слабость и усталость.

Интересно, отец хоть раз представлял себе, что умрет в одиночестве под водой?

Вспомнив о Гудини, я вспоминаю и о спрятанной отмычке. Вытаскиваю ее из кармана и онемевшими от холода пальцами осторожно вставляю в замок. Под водой, да еще и работая ногами это намного труднее. Я выныриваю за очередным глотком воздуха и борюсь с подступающей паникой. Снова погружаюсь и гадаю, а не станет ли этот раз последним. Стиснув зубы, вожусь с замком, пока тот наконец не открывается. Высвободив руки, я всплываю на поверхность, а наручники с отмычкой тонут в реке.

Сбитая с толку, оглядываюсь и понимаю, что меня уносит вниз по течению. Кто-то кричит мое имя, но звук очень слабый. И мне холодно. Так холодно. Меня всю трясет, мышцы сводит. Я еле плыву. Только бы подобраться к берегу, достать до дна, только бы хватило сил закричать...

Одна нога задевает что-то, затем другая. Дно, я нащупала дно. От облегчения я расслабляюсь и захлебываюсь водой. Надо добраться до берега. Надо.

Борясь изо всех оставшихся сил, гребу к виднеющемуся в темноте берегу. Пытаюсь встать. Идти. Ноги онемели. Разум оцепенел. Я ползу по замерзшей грязи, пытаюсь послать сигнал Коулу, но сил нет. Я падаю и проваливаюсь во мрак.

* * *

Мне еще никогда не было так холодно.

— Она жива? — откуда-то издали доносится голос мамы.

Я пытаюсь ответить, но губы онемели, как и все остальное тело. Кто-то растирает мне руки и ноги, боль ледяными иглами пронизывает конечности. Хочу велеть неведомым помощникам остановиться, но губы не двигаются.

— Доктор здесь. Пропустите его, пропустите.

Я понимаю, что вокруг меня люди, хочу сказать им, что я жива, в порядке, но не могу. Не могу даже открыть глаза.

— Все будет хорошо, Анна, — слышу я голос Коула, а потом чувствую, его теплые губы на своих ледяных. Словно тысячи солнечных поцелуев.

Ощущаю, как он протягивает ко мне нить, и мой разум цепляется за нее. Коула оттесняют врачи. Я держусь за нашу связь, пока медики надо мной работают. Крохотная искорка согревает меня изнутри, и я позволяю себе провалиться в темноту — теперь я знаю, что дорогие мне люди в безопасности.

* * *

Я ощущаю течение времени. Жизнь превратилась в круговорот мерзких на вкус лекарств, колючих покрывал и нелепых шапочек медсестер. Лица меняются, но шапочки с жесткими батистовыми основами и широкими накрахмаленными полями остаются прежними.

Помню, как спрашиваю одну из Шапок, сколько уже тут лежу, пока она вытирает мне лицо восхитительно прохладной губкой.

— Почти неделю.

— Я больна?

— Да.

В следующий раз, когда я прихожу в себя, никакой шапки рядом не наблюдается. Разум чист от тумана впервые с того дня, когда я упала с дока. Док! Встревоженная воспоминаниями, пытаюсь сесть, но пульсирующая боль в плече останавливает.

— Я бы на твоём месте этого не делала, — раздаётся голос мамы откуда-то справа.

Приглядываюсь и вижу, как она сидит на стуле в углу и разгадывает кроссворд в газете. Небольшая лампа рядом — единственный источник света в комнате.

— Пуля тебя только задела, но повязку поменяли буквально пару минут назад, так что будет больно.

Отложив газету, мама подходит ближе. Я хмурюсь, пытаюсь понять, что же в ней изменилось. На маме синий свободного края жакет, плиссированная юбка в тон и черные ботинки на высоком каблуке. Вместо обычной мешанины украшений — нитка жемчуга на шее.

Очень консервативно. Наверное, это такой специальный наряд для визитов к дочери в

больницу.

— Сколько я тут? — хриплю я и хватаюсь здоровой рукой за саднящее горло.

Мама дает мне воды, затем ставит стакан обратно на прикроватный столик.

— Почти две недели. У тебя началась пневмония. Они не верили, что ты выкарабкаешься. Будешь знать, как плавать в Гудзоне в ноябре.

Она говорит беззаботно, но ее руки дрожат. Мама стискивает их вместе. Сильно.

— Что с Коулом?

— Он в порядке. Я отправила его домой поспать. Очень упрямый молодой человек. Сидел здесь все время, хотя я сказала, что в этом нет необходимости.

Она говорит недовольно, но с явным уважением. Я прячу улыбку, представляя себе эту сцену: безмолвно сидящий Коул и моя очаровательно-настойчивая мама.

— Кажется, у тебя появился воздыхатель.

Воздыхатель? Я приподнимаю бровь, удивленная старомодным словечком. Затем кое-что вспоминаю.

— А как у вас с Жаком?

— О, он тебе рассказал? Я так и думала. Мы поженимся на Новый год. Еще один упрямец.

Поженятся? Мама выйдет замуж? Мне вообще сложно сопоставить мысли о ней и браке. И еще одна странность — Жак станет моим отчимом. Интересно, а Гарри Гудини знает, что я в больнице? Маму спрашивать бесполезно. Мои веки тяжелеют, но я еще не закончила.

— Что с представлением?

Она поджимает губы — вспомнила наше последнее выступление? Хочу сказать, что мне жаль, но молчу. Единственное, о чем я жалею, — что причинила ей боль.

— Мы с Жаком закрыли шоу.

Я снова пытаюсь сесть, но она укладывает меня обратно на подушки.

— Не волнуйся, все в порядке. Жак хочет, чтобы мы стали деловыми партнерами.

А как же я? Хотя она же пыталась вывести меня из шоу. Итак, мама наконец добилась своего. Затем я вспоминаю слова Жака, мол, она боится, как бы я не повторила ее судьбу.

На лице мамы ничего не выражающая маска — то есть дальше задавать вопросы о шоу бесполезно. Одна из самых важных вещей относительно моей матери: если она оставляет что-то позади, то уже никогда к этому не возвращается. Так и наша прежняя жизнь навсегда осталась в прошлом.

Мама треплет меня по плечу и подтыкает одеяла:

— На самом деле, все к лучшему. Теперь ты сможешь решить, чего действительно хочешь в жизни.

Нас прерывает появление очередной Шапки, которая запикивает в меня еще мерзких таблеток и настаивает, что мне надо отдохнуть. Свет гасят, мама целует меня в бровь, а в голове все крутится вопрос: чего же я действительно хочу в жизни?

* * *

Наша гостиная заполнена сладко пахнущими тепличными цветами. Интересно сколько цветочных магазинов опустело, ведь мама, Жак и Коул без конца приносят букеты?

Я дома уже трое суток и с каждым днем чувствую себя все лучше. Прямо сейчас лежу на канапе, плечо еще ноет, хотя почти зажило. На мое счастье, стреляет Лоррен так же паршиво, как управляется по дому.

— Шах и мат! — Мистер Дарби потирает руки, сидя напротив меня по другую сторону доски.

Я едва не сбрасываю фигуры на пол:

— Больше никогда с вами играть не буду!

— Ты каждый раз так говоришь, — замечает мама с порога. — А потом все равно с ним играешь. Прямо какая-то страсть к самоистязанию.

— Ну я же живу с тобой, — тихонько бормочу я.

— Не перенапрягайся, милая, — озорно отвечает она, подавая мне чашку чая.

Мы с мамой пришли к непривычному примирению. Я люблю ее, она любит меня, но больше мы вместе не работаем. Как хорошо, что сеансам конец, хотя Синтия практически в отчаянии — теперь надо искать другого медиума. Она думала, будто я начну собственную практику и стану ее личным проводником в мир духов, но я на это предложение ответила четким отказом. Вообще мне кажется, ей просто скучно и хочется, чтобы подруга всегда была рядом. Самый большой букет в комнате — от нее.

Мистер Дарби убирает доску:

— Я еще приду тебя навестить, мисси. Береги себя.

Я улыбаюсь, он треплет меня по руке и уходит.

Мама хлопочет вокруг меня:

— Коул скоро придет. Кажется, в «Мейси» устраивают какое-то большое мероприятие, Жак хочет меня туда сводить. Может, позже ты будешь себя достаточно хорошо чувствовать, чтобы посидеть за ужином в честь Дня благодарения. — В дверях она останавливается. — Точно готова к суду?

Я киваю:

— Адвокаты говорят, дело надежное. Ты уже дала показания. Вкупе с моими они помогут надолго отправить Оуэна и Лоррен за решетку.

Холодная улыбка мелькает на лице мамы.

— Так им и надо.

Она оставляет меня наедине с моими мыслями, и я откидываюсь на подушку. Плечо ноет. Я так рада, что Коул тогда не послушался и в последнюю минуту привел полицию. Они наблюдали за домом Оуэна и, когда он вышел со своей женушкой и чемоданами, проследили за ним до пакгауза. Хотя нашел меня именно Коул.

Доктор Бойл исчез без следа. Наверное, сбежал, когда понял, что Коул привел полицию. Теперь у служителей закона имеется описание горе-экспериментатора, но он наверняка уже далеко отсюда. Я ежусь. Вдруг он сейчас сидит где-то и планирует похищение других экстрасенсов? Ну хоть Оуэн нас больше не побеспокоит.

Сердце болит. Все еще не верится, что Оуэн так легко меня провел — но, может, он и правда был под влиянием доктора Бойла. Так или иначе, но экстрасенсорные способности не защитят тебя от жуликов.

Глянув на дверь, я беру небольшую коробочку из кучи сувениров рядом с канале. Видимо о моем приключении написали в газете, потому что записки, подарки и цветы приходили друг за другом. Эту коробочку доставили вместе с дюжиной желтых роз сразу, как я вернулась домой. Из-за потока даров мама решила, что и этот из разряда обычных. Но он особенный.

Я поднимаю крышку и глажу увесистые серебряные наручники внутри. Записка гласит:

«Дорогая волшебница Анна,

Надеюсь, тебя подлатали, а сувенир порадует. Вскоре к тебе придет посетитель. Его зовут Мартин Бэк. Уверен, ты о нем слышала. Он собирает труппу для гастролей по театрам Англии. Время от времени Мартин устраивает такие заезды, чтобы молодежь могла попрактиковаться перед выступлениями в Штатах. Когда я рассказал ему о твоём даре, он согласился прийти и побеседовать о вашем дальнейшем сотрудничестве. Думаю, для тебя это отличная перспектива. Конечно, возможно, ты не захочешь расставаться с матерью. Прошу, не чувствуй себя обязанной из-за наших отношений.

*С наилучшими пожеланиями,
Гарри Гудини.*

P.S. Ты была права. Секрет в укороченных болтах».

Мартин Бэк — известнейший импресарио. Он создал «цепь театров Орфеум», и пусть больше не является их владельцем, все равно остается одним из самых влиятельных людей в мире искусства. Жак рядом с ним — мелкая сошка. Сегодня утром пришла записка от самого Бэка, где он уточняет время встречи.

И я уже знаю, что ему скажу — да, тысячу раз да! Выступать, поражать людей невероятными вещами — именно этим я и хочу заниматься. Вдобавок, смогу находиться недалеко от Коула, когда ему придется вернуться в колледж.

В дверь стучат, и я слышу по ту сторону напряженный голос Коула. Ему по-прежнему неудобно общаться с моей мамой, но она в принципе не самый приятный человек.

Я складываю записку и убираю ее в коробку. Пожалуй, неважно, отец мне Гудини или нет — пока я считаю его таковым, он в какой-то мере и будет мне отцом.

Улыбаясь, отставляю коробочку. Коул открывает дверь, заглядывает из-за угла, и мое сердце подпрыгивает. Он рядом с самой моей выписки, и каждый раз, когда мы вместе, наша связь становится все сильнее. Так хочется уже побродить с ним по Лондону. Я и без видений знаю, что это будет великолепно.

Коул берет меня за руку, наклоняется и целует в губы.

— Как себя чувствуешь? — спрашивает, осторожно усаживаясь рядом.

Я смотрю в его полные глаза, невольно улыбаюсь и сжимаю его ладонь.

— Волшебно. Чувствую себя волшебным.

Больше книг на сайте - Knigoed.net

notes

Знаменитая семья американских миллионеров.

Первая мировая война (28 июля 1914 — 11 ноября 1918) Это название утвердилось в историографии только после начала Второй мировой войны в 1939 году. В межвоенный период употреблялось название «Великая война» (англ. The Great War, фр. La Grande guerre).

Испанский грипп, или «испанка» (фр. La Grippe Espagnole, или исп. La Pesadilla) был вероятней всего, самой массовой пандемией гриппа за всю историю человечества. В 1918–1919 годах (18 месяцев) во всем мире от испанки умерло приблизительно 50-100 млн. человек или 2,7–5,3 % населения Земли. Было заражено около 550 млн человек, или 29,5 % населения планеты. Эпидемия началась в последние месяцы Первой мировой войны и быстро затмила это крупнейшее кровопролитие по масштабу жертв.

Эмма Хардинг-Бриттен (англ. Emma Hardinge Britten, 1823–1899) — активистка первой волны спиритуализма, получившая широкую известность как практикующий медиум и автор книг, наиболее известными из которых остаются «Современный американский спиритуализм» («Modern American Spiritualism», 1870) и «Чудеса XIX века» («Nineteenth Century Miracles», 1884).

Дэниел Данглас Хьюм (англ. Daniel Dunglas Home, род. 20 марта 1833 года — умер 21 июня 1886 года) — шотландский медиум-спиритуалист, прославившийся феноменальными способностями к ясновидению, левитации и демонстрации других проявлений так называемого «психического феномена».

Хомбург (нем. Homburg) — мужская шляпа из фетра с высоко загнутыми полями и лентой по тулье.

Ford Model T («Форд модл Ти» — «модель „Ти“»), также известный, как «Жестянка Лиззи» англ. Tin Lizzie) — автомобиль, выпускавшийся Ford Motor Company с 1908 по 1927 годы. Был первым в мире автомобилем, выпускавшимся миллионными сериями. Генри Форд, по мнению многих, «посадил Америку на колёса», сделав новый легковой автомобиль сравнительно доступным для американца среднего класса.

«Пэкард», в устоявшемся русском написании «Пакард» или «Паккард» (англ. Packard) — американская марка престижных легковых автомобилей.

Дословно с венгерского «маленькая любовь».

Гюстав Лебон (Ле Бон, фр. *Le Bon Gustave*; 1841–1931) — знаменитый французский психолог, социолог, антрополог и историк.

Начало про чудо-юдо Оуэн взял из старинной молитвы «...ghoulies and ghosties, and long-legged beasties and things that go bump in the night», а вот продолжение смело сочинил сам.

Жан Эжен Робер-Уден (также Робер-Гуден, фр. Jean-Eugène Robert-Houdin, 7 декабря 1805 — 13 июня 1871) — французский иллюзионист, прозванный отцом современной магии. По образованию часовщик. До Робер-Удена иллюзионисты выступали на ярмарках и в дешевых кабачках. Ранее считалось, что он первым из фокусников облачился во фрак, но это не так. Знаменитый французский фокусник и чревовещатель Конт выходил на сцену во фраке до Робер-Удена.

В 1856 году Уден по просьбе его почитателя отправился в тур по Алжиру, где продемонстрировал лидерам племен, что может творить чудеса не хуже их марабутов.

Хотя артистический псевдоним Гарри Гудини был позаимствован у его знаменитого предшественника, американский иллюзионист написал книгу с нападками на бывшего кумира, Робер-Удена.

Алистер Кроули (англ. Aleister Crowley; урожденный Эдвард Александр Кроули (англ. Edward Alexander Crowley); 12 октября 1875 — 1 декабря 1947) — один из наиболее известных оккультистов и каббалистов.

Основатель учения Телемы и автор оккультных произведений, в том числе «Книги закона».

Таролог, создатель колоды «Таро Тота». Участник нескольких оккультных организаций, включая «Орден Золотой Зари», «Серебряную Звезду» и «Орден Храма Востока».

Был известен как черный маг и сатанист XIX–XX века, один из «видных идеологов оккультизма и сатанизма».

Harrods («Хэрродс») — самый известный универмаг Лондона. Он считается одним из самых больших и фешенебельных универмагов мира. Здание находится на Бромптон-Роуд в королевском боро Кенсингтон и Челси на западе Лондона.

Wolpelt Teller — крупный универмаг в Нью-Йорке, основан в 1895 году.

Ночной клуб в Гарлеме, основан в 1923 году, закрыт во время Великой депрессии, в 1934 открыт вновь под названием «Club Ubangi», став пристанищем для геев, лесбиянок и бисексуалов.

Жулик, плут, обманщик, шулер, мошенник, присваивающий себе чужое.

милая, дорогая (нем.)

любимая (венг.)

Смотрите! (фр.)